

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Историко-филологические исследования

Межвузовский сборник статей
Вып. 30 (заключительный)

Памяти акад. М. Н. Боголюбова

Отв. редакторы
А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин

ББК 83.3(5)
В78

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *О.И.Редькин*, д-р филол. наук,
проф. *Р.А.Янсон* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Научной комиссии Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Востоковедение. Историко-филологические исследо-
В78 вания. Межвузовский сборник статей. Вып.30 (заключи-
тельный) / отв. ред. А.К.Оглоблин, Н.Н.Телицин. — СПб.:
Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 268 с.

Сборник памяти академика М. Н. Боголюбова — ученого, педагога, организатора науки, многолетнего руководителя Восточного факультета СПбГУ, содержит статьи по истории и современному состоянию иранских и других языков, истории и культуре стран Востока, истории востоковедения.

Издание адресовано лингвистам, историкам, культурологам и всем, кого интересует данный круг вопросов.

ББК 83.3(5)

© Авторы, 2014
© С.-Петербургский
государственный
университет, 2014

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий сборник готовился к юбилею академика Михаила Николаевича Боголюбова (1918–2010), крупного исследователя истории иранских языков, их контактных связей с семитскими и родственными — с индоарийскими языками, многолетнего декана и председателя Ученого совета Восточного факультета, активного организатора науки. Подготовка издания прервалась в связи с кончиной А. П. Григорьева, неизменного куратора серии «Востоковедение» и библиографа сотрудников факультета. Позже скончался и сам Михаил Николаевич. В 2013 г. исполнилось 95 лет со дня его рождения. Между тем факультет получил новые возможности публикации в серии 13 «Вестника Санкт-Петербургского университета», что по решению Ученого совета факультета привело к завершению серии «Востоковедение», выходявшую с 1974 г. по инициативе М. Н. Боголюбова.

В предлагаемых вниманию читателя материалах рассматриваются проблемы истории и современного состояния восточных языков, интерпретации памятников истории и культуры стран Востока и собственно истории этих стран, истории востоковедения, что соответствует разносторонности интересов и широкой эрудиции М. Н. Боголюбова. Открывает сборник статья, где освещается научная деятельность и яркая индивидуальность Михаила Николаевича. Участники сборника, ученики и сотрудники помнят его как замечательного ученого и педагога, хранителя традиций петербургского востоковедения и вместе с тем сторонника развития его новых направлений и методов, как разумного, внимательного и благожелательного руководителя. Самим названием специальности «Востоковедение. Африканистика» в дипломах своих выпускников Восточный факультет СПбГУ обязан усилиям М. Н. Боголюбова.

М. С. Пелевин

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ БОГОЛЮБОВ

Михаил Николаевич Боголюбов, один из крупнейших отечественных и мировых специалистов в области академической иранистики, действительный член Российской академии наук, профессор кафедры иранской филологии и почетный декан Восточного факультета СПбГУ, ушел из жизни 25 ноября 2010 г. Персы в таких случаях говорят: *češm az djahān baste*, что буквально значит «закрыл на мир глаза».

Свою кончину академик М. Н. Боголюбов встретил, как лаконично выразился бы латинский юрист, *in re propria* — занимаясь собственным делом. Он продолжал исследования в области сравнительно-исторической грамматики и этимологии иранских языков, работал над прояснением и толкованием темных мест в древних и средневековых письменных памятниках иранских народов (в последнее время сосредоточив свое внимание преимущественно на текстах песнопений Заратуштры), готовил на основе новых материалов лекции и доклады, преподавал в студенческой аудитории, выступал с научными сообщениями перед ученой публикой, рецензировал научно-исследовательские труды и серийные издания по востоковедению и филологии, председательствовал на диссертационном совете Восточного факультета и в Восточной комиссии Русского географического общества, участвовал в деятельности отделения литературы и языка Российской академии наук и Российского гуманитарного научного фонда, возглавлял жюри студенческого конкурса чтецов и переводчиков восточной поэзии... В этом перечне трудно поставить точку, поэтому лучше ограничиться цитатой из коранических стихов — *kulla yawmin huwa fi ša'nin* («Каждый день Он за делом», 55:29), — хотя, конечно,

с позиций исламской догматики подобные слова в данном контексте были бы восприняты как излишне смелые.

Долговременная, неустанная и целенаправленная работа Михаила Николаевича на поприще академической филологической науки и университетского образования закономерно имела плодотворные результаты и для его собственного научного творчества, и для жизни всего востоковедного сообщества Петербурга, центром которого по праву *alma mater*, безусловно, является Восточный факультет университета.

С Восточным факультетом Михаил Николаевич связал свою судьбу ровно семьдесят пять лет назад, когда в 1936 г. он поступил на иранское отделение в ЛИФЛИ — подразделение Ленинградского университета, объединявшее в то время филологов, историков и востоковедов. На выбор профессии будущего академика повлияли семейные научные и духовные традиции, а также собственный юношеский интерес к языкам и письменам азиатских народов. Для студента-первокурсника М. Н. Боголюбова ни персидский язык, ни арабское письмо, ни другие востоковедные предметы уже изначально не были, как для большинства прочих новичков, «китайской грамотой». После успешного завершения учебы у крупнейших отечественных востоковедов-филологов — А. А. Фреймана, И. И. Зарубина, И. Ю. Крачковского, В. И. Беляева и других — М. Н. Боголюбов в 1941 г. был призван в армию и в течение последующих четырех лет войны преподавал персидский язык в Высшей школе Красной армии, а с 1944 г. — в Московском университете. В 1945 г., поступив в аспирантуру к члену-корреспонденту АН СССР А. А. Фрейману, М. Н. Боголюбов вновь вернулся в Ленинград на тогда же восстановленный Восточный факультет ЛГУ. С того времени он продолжал работать на факультете — «служить», как он сам любил говорить, — вплоть до своего ухода из жизни.

Умелое гармоничное сочетание профессиональной научно-исследовательской деятельности, педагогического таланта и административно-организационных навыков способствовало тому, что в 1960 г. М. Н. Боголюбов был избран деканом Восточного факультета и в дальнейшем непрерывно занимал этот высокий и ответственный пост в течение трех с половиной десятков лет (до 1995 г.). Благодаря своему заслуженному авторитету большого

ученого, твердого и принципиального руководителя, опытного организатора науки и образования, М. Н. Боголюбов при поддержке близких ему по взглядам коллег смог сохранить на Восточном факультете ЛГУ (а затем и СПбГУ) преемственность традиций старой академической школы петербургского востоковедения и филологической науки в целом. Приверженность этим традициям, опирающимся на многовековой опыт классических европейских университетов и пестующим дух свободного творчества, просветительства, бодрости и честности научной мысли, постоянной устремленности к знанию, терпимости к чужому мнению, стойкости к воздействию политической конъюнктуры и соблазнам быстрой экономической прибыли, на протяжении многих десятилетий помогала Восточному факультету сохранять свою целостность и высокую академическую репутацию, готовить новые поколения талантливых ученых и преподавателей, развивать прежние и осваивать новые научные направления. Многие дисциплины, связанные с изучением филологии, истории, культуры народов Азии и Африки, утвердились в учебных программах факультета в период руководства М. Н. Боголюбова. Его личными стараниями еще в 1947 г. на факультете вновь стал преподаваться афганский язык (пашто) и была возрождена афганистика, впервые возникшая как университетская учебная дисциплина около ста лет назад именно в стенах Санкт-Петербургского Императорского университета.

Заслуги Михаила Николаевича в развитии университетского востоковедения неоднократно отмечались государственными наградами и премиями, как отечественными, так и зарубежными. В 2006 г. Указом Президента РФ ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», а научным сообществом Исламской Республики Иран — почетное звание «Lasting Person» («Памятная личность»). В 2007 г. М. Н. Боголюбов получил премию Фонда содействия отечественной науке в номинации «Выдающийся ученый Российской академии наук». В 2009 г. император Японии наградил М. Н. Боголюбова Орденом Восходящего солнца за укрепление дружеских отношений и культурных связей между Россией и Японией. А факультетские коллеги Михаила Николаевича в благодарности за его долгую и успешную учебно-научную и административную деятельность еще в 1995 г. присвоили ему офици-

альный титул Почетного декана, отметив тем самым его без преувеличения харизматическую роль в упрочении имени и статуса Восточного факультета.

В сугубо научной сфере М. Н. Боголюбов заслужил мировое признание прежде всего как выдающийся иранист-филолог. Со студенческих лет главной областью его профессиональных интересов стало сравнительно-историческое языкознание, связанное с изучением древних ираноязычных письменных памятников. В первой трети XX в., благодаря многочисленным археологическим находкам в Центральной Азии, Афганистане и Китайском Туркестане, ученые-иранисты получили в свое распоряжение большое число новых письменных документов на ранее неизвестных среднеиранских языках; началась сложная работа по дешифровке и интерпретации этих текстов, их публикации, грамматическому описанию открытых языков (согдийского, хорезмийского, хотано-сакского, бактрийского). Продолжая исследования своих учителей, М. Н. Боголюбов тоже включается в эту работу. Его кандидатская (1948 г.), а затем и докторская (1956 г.) диссертации в значительной степени основывались на памятниках согдийской письменности.

Впоследствии М. Н. Боголюбов принял участие в изучении и публикации согдийских документов из Мугского архива, найденного в 1933 г. в Таджикистане. Одновременно он занимался описанием ягнобского языка, современного потомка согдийского, используя для этого собственные полевые материалы, а также выпустил несколько работ по хорезмийскому языку. Далее М. Н. Боголюбов обратился к исследованию других мертвых иранских языков, пользовавшихся, как и согдийский, семитическим арамейским письмом, и пришел к выводу о том, что это письмо применялось также для древнеперсидского языка, известного прежде только по эпиграфическим клинописным текстам. Интерес к истории арамейской письменности, имевшей самое широкое распространение на Переднем Востоке и при посредстве иранцев попавшей в Монголию и Манчжурию, привел М. Н. Боголюбова к освоению письменного наследия семитских народов, а систематические занятия авестийскими текстами потребовали привлечения обширного индологического материала.

Разносторонние научные изыскания М. Н. Боголюбова отражены во многих десятках его публикаций, которые, как прави-

ло, опираются на конкретные письменные источники и всегда насыщены неоспоримыми фактами, оригинальными находками, убедительными толкованиями и остроумными догадками. В тематике этих работ преобладают исследования по этимологии и сравнительно-исторической грамматике, но как классический филолог М. Н. Боголюбов никогда не ограничивался сухими лингвистическими данными, поскольку любой текст для него — это не отвлеченный набор языковых единиц, а живая речь, произнесенная и зафиксированная в определенной культурно-исторической среде.

Результаты своих научных трудов М. Н. Боголюбов неизменно включал в аудиторные занятия, постоянно обновляя, таким образом, содержание лекций и учебных программ. Одним из примечательных качеств его педагогического таланта было умение обратиться своих слушателей к самостоятельному научному творчеству, заставить их самих искать правильные решения, не допускать ленивого и малоосмысленного переваривания готовой и полностью разжеванной информации. Античные академические традиции прекрасно показывают, что успех в учебе приходит тогда, когда преподаватель учит студента думать, а не играет для него роль говорящего справочника или ментора, изрекающего истины. Такую школу Михаила Николаевича, иногда казавшуюся студентам слишком трудной, прошли многие очень известные петербургские/ленинградские иранисты. Преподавательская деятельность М. Н. Боголюбова на Восточном факультете продолжалась шесть с половиной десятилетий, из которых десять лет (1981—1991) он заведовал кафедрой иранской филологии. Есть в его биографии также опыт преподавания в зарубежных учебных и научных учреждениях.

Всегда подававшийся Михаилом Николаевичем пример стойкого и честного служения своему делу — делу образования, науки, просвещения — имеет особое звучание в нынешний период довольно резкой смены идейных и культурных ценностей, жизненных приоритетов и социально-экономических запросов. С одной стороны, именно в такие периоды с особой четкостью выявляются фундаментальные основы научного знания, устойчивые к внешним влияниям — политическим веяниям, социальным потрясениям, а также новомодным и преходящим течениям в самой науке.

Опора на эти основы обеспечивает сохранение и науки как таковой, и внутренней движущей силы ее развития.

Академическое востоковедение возникло в XIX в. фактически как ответвление классической филологии, направленное на изучение языков и письменных памятников Востока. Преимущественно филологическая природа востоковедения заметно проявляла себя до конца Второй мировой войны (исторические исследования, тогда в основном обращенные к Древности и Средневековью, неизбежно вытекали из предварительной филологической работы с текстами). Сейчас востоковедение — это комплексная наука, включающая значительную долю исторических, антропологических, социально-политических и иных дисциплин, но ее фундаментом неизменно остается именно филологическая составляющая, то есть работа с первичным языковым источником, текстом. Вся научная и преподавательская деятельность М. Н. Боголюбова имела целью сберечь и укрепить этот фундамент. С другой стороны, последовательное и профессиональное занятие творческим делом, свободное от суетной погони за мимолетными выгодами, является хорошим жизненным ориентиром для окружающих, особенно молодых людей, и вносит свой вклад в стабильное существование всего общества. «Филология — спокойная наука», — говорил Михаил Николаевич. В таком отношении к жизни и делу его пример был и остается для нас образцовым.

**МАТЕРИАЛЫ В. А. КРАЧКОВСКОЙ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН**

В истории отечественного востоковедения много непрочитанных или не до конца прочитанных страниц, и среди них есть несколько таких, которые порой бегло пролистываются, из них выхватываются отдельные строчки для второстепенных цитат, и существуют они, эти страницы, разрозненно, не осмысляемые как некое общее целое, что как будто напрашивается само собой. Эти страницы посвящены женам востоковедов: беззаветная помощь их своим мужьям и их делу, вклад их в увековечение памяти великих ученых неопределимы и недооценены. Здесь следует вспомнить Варвару Александровну Жуковскую и Марию Алексеевну Бартольд, которые сопровождали своих мужей в экспедициях на Восток и, проникая на женскую половину дома, доставляли им уникальный этнографический и языковой материал; следует упомянуть Елену Григорьевну Ольденбург, ежедневно записывавшую важнейшие события в жизни С. Ф. Ольденбурга на листках большого перекидного календаря¹, а также Веру Александровну Крачковскую и Наталию Михайловну Алексееву, много сил и времени положивших на посмертные издания трудов своих мужей в нелегких цензурных условиях советского времени, при этом Н. М. Алексеева привлекла к работе над наследием В. М. Алексеева их дочь, М. В. Баньковскую, продолжившую ее дело. Конечно, были и другие самоотверженные жены порой не столь крупных ученых, — достаточно вспомнить Мирру Исааковну Виленчик, жену рано умершего талантливого арабиста С. Я. Виленчика, которая была «ушами» своего потерявшего слух мужа: она ходила с ним на все научные заседания и тут же воспроизводила для него на бумаге все доклады и дебаты. Будущие историки иранистики, несомненно, нарисуют портрет Аллы Александровны Боголюбовой, о которой так светло вспоминает Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, где в течение 35 лет М. Н. Боголюбов был деканом.

Я, арабист, много занималась историей нашей науки и архивом И. Ю. Крачковского, что и определило тему, объявленную в загла-

вии статьи. Впрочем, нужно отметить, что В. А. Крачковская вошла в историю востоковедения не только как жена И. Ю. Крачковского, но и своими собственными трудами. Окончив в 1923 г. Российский Институт истории искусств по мусульманскому отделению факультета истории изобразительных искусств, она сосредоточила свое внимание на изучении арабской палеографии и эпиграфики. В. А. Крачковская — автор более 130 научных работ, доктор исторических наук, сотрудник Государственного Эрмитажа и ИИМК, профессор ЛГУ, где она читала курсы по истории искусства и материальной культуры Арабского Востока и Ирана. Серия «Эпиграфика Востока» (1940–1970-е годы) была «своим успехом и высоким уровнем издания в значительной мере обязана ее бесменному редактору В. А. Крачковской, общепризнанному специалисту в области арабской эпиграфики», чьи «обширные знания и талант эпиграфиста обеспечили высокий научный уровень сборников».²

И все-таки главным делом жизни Вера Александровна считала служение своему великому мужу. Сколько раз она сохраняла ему жизнь и здоровье в самых сложных ситуациях, каких им на долю выпало немало. Об этом я уже рассказала подробно в книге «Невольник долга» (СПб., 1994), посвященной жизни и творчеству И. Ю. Крачковского, и повторяться нет смысла, но необходимо еще раз сказать хоть несколько слов о том, сколько трудов вложила В. А. в посмертное издание его сочинений. Только благодаря ее энергии и настойчивости могло быть осуществлено почти невозможное для 50-х годов XX в. предприятие — академическое издание «Избранных сочинений» И. Ю. Крачковского в шести томах по 30–50 авторских листов каждый, причем самый объемистый четвертый том (73,5 л.) был отведен публиковавшемуся ранее лишь в небольших отрывках капитальному труду «Арабская географическая литература», большая часть которого была написана во время ленинградской блокады. Ее же стараниями в 1963 г. был издан нигде не публиковавшийся ранее перевод Корана.

Разумеется, Вере Александровне помогали многие ученики И. Ю. Крачковского, сотрудники Арабского кабинета ЛОИВАН и кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ (в первую очередь В. И. Беляев), но именно она была инициатором и главной движущей силой всех этих начинаний.

Библиотеку Игнатия Юлиановича В. А. передала по завещанию Восточному отделу Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, справедливо считая, что там книги будут находиться в наибольшей сохранности. Архив она заранее подготовила к сдаче в Ленинградское отделение Архива АН СССР (СПбФ АРАН), что очень облегчило сотруднице Архива Г. Н. Чеботаревой, которой было поручено описание этих материалов, выполнить свою задачу. В качестве консультантов последняя привлекала А. С. Боголюбова, сотрудника Арабского кабинета ЛОИВАН, и автора этих строк.

Ко всем документам, касающимся жизни и деятельности И. Ю. Крачковского, равно как и к своим, Вера Александровна всегда относилась очень бережно, сохраняя каждую короткую записку, каждую квитанцию, не говоря уж о черновых и чистовых вариантах опубликованных и неопубликованных работ, различных семейных документах, мемуарных материалах, письмах. Некоторые постоянные корреспонденты Игнатия Юлиановича впоследствии передали ей его письма, так что в этих случаях речь идет о сохранении двусторонней переписки. Все свои документы, включая те, которые появились уже после смерти И. Ю., Вера Александровна присоединила к его архиву (СПбФ АРАН, ф.1026), который в общей сложности насчитывает несколько тысяч единиц хранения.

Документы В. А. Крачковской, включенные в этот фонд, занимают пять описей:

№ 6. Научные труды.

№ 7. Документы, относящиеся к биографии и научно-организационной и педагогической деятельности.

№ 8. Переписка.

№ 9. Изобразительные документы (фотографии, рисунки, художественные открытки).

№ 10. Изобразительные материалы (негативы).

Опись № 6 включает тексты опубликованных работ В. А. Крачковской («Изразцовый михраб Эрмитажа», «Арабские надгробия Музея палеографии», «Эволюция куфического шрифта в Средней Азии» и др.), выписки и заметки, касающиеся различных тем, связанных с мусульманской эпиграфикой (1930–1970-е годы) и т. п. Сюда также включены материалы университетских курсов по искусству и материальной культуре арабов.

Особое место в этой описи занимают материалы, имеющие отношение к И. Ю. Крачковскому: заметки о его детстве, записанные, очевидно, частично с его слов, частично со слов его сестры (№ 198); статьи и доклады, а также заметки и выписки, относящиеся к его путешествию на Восток (№ 199–203) и к истории создания капитального труда «Арабская географическая литература» (№ 205); отклики читателей на книгу «Над арабскими рукописями» (№ 209).

В описи № 7 много материалов, имеющих отношение к самой Вере Александровне и ее семье: родословная купеческой семьи Печаткиных, из которой происходила мать В. А. Крачковской, воспоминания о детстве, документы, связанные с жизнью семьи и с деятельностью В. А. в различных организациях и научных учреждениях (РИИИ, Эрмитаже, ГАИМК и др.).

Среди дел, включенных в эту опись, наиболее интересными мне представляются несколько папок, озаглавленных одинаково — «Memoires». Они содержат воспоминания Веры Александровны об И. Ю. с момента их женитьбы (лето 1912 г.) до 1928 г. и отдельно — об их жизни во время ленинградской блокады, эвакуации и о возвращении в Ленинград в 1944 г.

№ 25 (1912–1915) — 91 л.

№ 26 (1912–1923) — 150 л.

№ 27 (1914–1921) — 210 л.

№ 28 (1922–1928) — 124 л.

№ 35 («Ленинградская блокада») — 70 л.

Эти воспоминания (в общей сложности около 650 л.) очень живо и непосредственно рассказывают обо всем, что происходило в те годы в их семье, в Академии наук, в Азиатском музее, Университете, издательстве «Всемирная литература», и являются ценнейшим историческим, биографическим и психологическим документом. Я широко использовала их в книге об И. Ю. Крачковском, хотя в начале 1980-х годов, когда писались соответствующие главы, при архивных делах № 26 и 28 стояла помета: «В читальный зал не выдается». Причиной засекречивания упомянутых дел служило, очевидно, то, что в них рассказывалась история ареста И. Ю. Крачковского в начале двадцатых годов. Этот факт был в общем известен в востоковедных кругах, хоть и не афишировался. Мне все же удалось ознакомиться с этими засекреченными делами³, и их материал нашел отражение в моей книге.

Впрочем, к моменту ее издания (1994 г.) эти сведения перестали быть секретными. Нет никакого сомнения в том, что воспоминания В. А. Крачковской заслуживают полного комментированного издания, и я надеюсь, что рано или поздно появится молодой, полный сил историк востоковедения, который возьмет на себя выполнение этой задачи.

Большой интерес в описи № 7 представляют и дела, связанные с посмертным изданием трудов И. Ю. Крачковского: переписка с издательствами (№ 1) за 1951–1965 гг., которая занимает около сотни листов, документы по деятельности в Комиссии по изданию его трудов (№№ 92–96, 239 л.) и даже документы судебного дела, которое В. А. вела с Издательством АН (№ 98). Все упомянутые документы имеют не только частное значение — они знакомят с деталями постановки издательского дела в те годы. Здесь будущему публикатору придется заняться разысканиями и ответной корреспонденции.

В опись № 8 включены письма от отдельных лиц — родственников, друзей, учеников И. Ю. Крачковского, ученых отечественных и зарубежных. В. А. Крачковская с удивительной выдержкой сама сообщила всем постоянным корреспондентам своего мужа о его кончине и продолжала поддерживать переписку с ними и помогать материально тем, кому помогал при жизни он (преимущественно ссыльным коллегам, находящимся в тяжелых условиях).

Материалы описей № 9 и 10 в значительной своей части связаны с путешествиями. Среди них много видовых открыток, посланных Крачковским друзьями и родными из различных ближних и дальних поездок и много собственноручно сделанных фотоснимков. Вера Александровна любила и умела фотографировать — отсюда и большое количество негативов (опись № 10) и фотографий (опись № 9), сделанных ею в разные годы не только во время путешествий, но и дома, особенно когда появилась дача в Комарово.

В описи № 9, помимо открыток, фотоснимков и фотоальбомов, много рисунков. Некоторые из них принадлежат известным художникам (как, например, изображение И. Ю. Крачковского в гробу, выполненное О. Г. Верейским), большая же часть — самой В. А. Крачковской. Она обладала несомненным художественным талантом; надо полагать, эта склонность и определила выбор ею

соответствующего направления в арабистике. Она не получила специального художественного образования, но всю жизнь рисовала для себя и для близких, писала акварелью пейзажи, цветы. Сохранились рисунки, связанные с комаровской дачей, в том числе акварель, изображающая И. Ю. Крачковского за письменным столом, занятого переводом «Дней» Таха Хусейна.

Некоторые изобразительные материалы можно найти и среди дел, включенных в опись № 7. Я имею в виду дело № 100, где лл. 1–14 содержат эскизы рисунков для вышивки на чехле кресла И. Ю. Крачковского, а остальные 7 л. — план его кабинета (В. А. и чертежником была хорошим) и топографическую схему его письменного стола в том виде, как он оставил его 23 января 1951 г., когда работал за ним в последний раз⁴. Эта подробно аннотированная схема была составлена ею 24 января, т. е. буквально через несколько часов после смерти мужа, и здесь еще раз приходится подивиться присутствию духа у этой замечательной женщины, которая на протяжении всей жизни своей совмещала собственную научную и научно-организационную работу с миссией жены и друга великого ученого.

Примечания

1. Е. Г. Ольденбург — чуть ли не единственная из всех «востоковедных жен», роли которой было в науке уделено должное внимание. Я имею в виду прекрасную книгу Б. С. Кагановича «Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии» (СПб., 2006).

2. Приветствие ЛО Института археологии АН СССР // Эпиграфика Востока. Вып. 20. 1971, М.; Л., с. 3.

3. Прикинувшись крайне наивной особой, я пошла к тогдашнему директору Архива, В. И. Александровой, и спросила, в каком случае дела не выдаются читателям, и получила ответ, что это бывает, когда в документах скрыты какие-либо семейные тайны, рассказывается о скандалах, болезнях и т. п. Изобразив возмущение, я стала объяснять, что пишу книгу о Крачковском как об ученом, и меня абсолютно не интересуют никакие тайны и болезни, тем более, что я знакома с семейной перепиской, которая вся лежит в открытом доступе. В результате я получила разрешение ознакомиться с засекреченными делами, дав обещание на них не ссылаться.

4. И. Ю. Крачковский скончался скоропостижно от сердечного приступа в ночь с 23 на 24 января 1951 г.

О. М. Чунакова

**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОДНОГО ПЕХЛЕВИЙСКОГО НАСТАВЛЕНИЯ**

В пехлевийских рукописях представлено немало текстов, содержащих назидания и наставления — так называемые андарзы. Один из таких текстов имеется в копенгагенской рукописи XIV в. К 20, с. 152, стк. 8–19. Он был издан и переведен Й. Асмуссеном¹, но данный перевод нуждается в уточнении. Приведу транскрипцию этого небольшого андарза, которая основана на фонетических данных манихейских текстов и отличается от таковой Й. Асмуссена. Непринципиальные и незначительные расхождения с его изданием в чтении и переводе мною не оговариваются. В скобки заключены предлагаемые восполнения. Крестик перед словом означает, что оно представлено в рукописи в искаженном написании. Буквальный перевод дается в скобках и кавычках.

- с.152, сткк. 8 pad nām ī yazdān jahišn ī nēk bawād ān ī wēh.
 9 ēdōn gōwēnd kū rōz-ē frazānag ī +hrōmīg ud hindūg ud ādur
 10 bād ī mahraspandān pēš ī šāhān šāh nišast framūd
 11 pursīd kū pad gētīg tan-ē čē wēh mad
 12 ēstēd +hrōmīg guft kū +padixšāyih (ī) abēhamēmāl
 13 wēh. hindūg guft kū juwān mard (ī) xwāstag wēh
 14 ādurbād guft kū ōy pad gētīg ud mēnōg abēbīm wēh
 15 . dūdīgar ēn pursīd kū tan-ē kadam wadtar. hindūg guft
 16 kū ham.... ī nē kas ud nē tis wadtar. +wāzag
 17 ādurbād guft kū margīh wadtar az pas (ī) drūwandih
 18 ud šāhān šāh guft kū +xwaš frazaft pad drōd
 19 šādih ud rāmišn

- сткк. 8 Во имя богов. Да будет славной судьба
 благочестивого.
 9 Так говорят, что однажды +румийский и индийский
 мудрецы и Адур-
 10 бад, сын Махраспанда, сидели перед царем царей.
 Он изволил
 11 спросить: «В этом мире что для человека
 («является») лучше?»
 12 +Румиец сказал: «Лучше — +власть без соперника».
 13 Индиец сказал: «Лучше — юноша, у которого
 (есть) богатство».
 14 Адурбад сказал: «Лучше тот, у кого нет страха
 в этом и том мирах».
 15 Еще он спросил: «Что («которое») для человека
 хуже?» Индус сказал:
 16 «Хуже — ... у которого (нет) никого и ничего».
 17 Адурбад сказал: «После («позади») греховности
 хуже — смерть».
 18 И царь царей сказал: «+Хорошо!» Окончено
 в здравии,
 19 радости и спокойствии.

Й. Асмуссен иначе переводит второй ответ Адурбада: «Смерть (это) плохо, (а) затем неверие (Der Tod, (das ist) schlecht, (und) danach Glaubensfeindlichkeit)». Однако пехлевийский отыменный предлог az pas «сзади, позади» используется для обозначения места (и в качестве наречия употреблен, например, в сочинении «Айяадгар-и Зареран», §§ 75, 100). Кроме того, такой ответ логичнее вложить в уста знаменитого Адурбада — правоверного зороастрийца, наверняка уверенного в существовании воскрешения.

Что касается обозначенного многоточием пехлевийского слова на строке 16, то оно выписано совершенно четко — hmsxtn', но из-за многозначности пехлевийских букв его можно прочитать по-разному. Й. Асмуссен читает его как hamsaxtan и переводит «одновременное оценивание», а весь ответ индийского мудреца переводит так: «Одновременное оценивание того, что является никем и ничем, (это) плохо («das gleichzeitige Bewerten dessen, was

niemand und nichts ist, (das ist) schlecht»)). При этом он указывает, что если предположить дефектное написание слова и внести в него исправления, то его можно было бы прочесть как hamraftan, āmēxtan или hamšahr, и приводит перевод К. М. Джамасп Асы, в своем письме предложившего ему читать слово как hamšahr, а фразу переводить как «целая страна, в которой нет никого и ничего — это плохо»². Ни первый, ни второй перевод не могут быть признаны удачными. Действительно, это слово можно прочесть как hamsaxtan, но здесь логичнее ожидать вместо инфинитива (или имени действия), определяемого местоимениями, конкретное имя, коррелятивное существительному в первом ответе индийского мудреца, а именно существительному «юноша» (у которого есть богатство). Именно такое имя существительное и написано в рукописи, его надо только правильно прочесть. Это hmSYGTWN — hamraw, написанное частично фонетически, частично — гетерограммой (для основы настоящего времени глагола raftan — «идти»), что не редкость для пехлеви. Й. Асмуссен допускал подобное чтение этого слова, но прочел его как инфинитив hamraftan. Между тем три последние буквы входят в состав арамейской гетерограммы, а не являются окончанием неопределенной формы иранского глагола (-tn'). Осталось определить значение данного существительного, образованного прилагательным / местоимением и основой настоящего времени. Это слово в других пехлевийских текстах не отмечено, и можно поискать его в персидском языке. Современные словари персидского языка (например, Рубинчика) при имени существительном hamraw дают отсылку на hamrāh «спутник», то есть «идуший той же дорогой», но старые словари (Johnson, Steingass) приводят вышедшее ныне из употребления значение этого слова «достигший полного возраста», то есть «зрелый». Следовательно, в персидском языке и, надо полагать, в среднеперсидском (пехлевийском) существовали два имени-омонима, которые различались первой частью сложного слова, восходящей к двум древнеиранским прилагательным/местоимениям: ¹hama- 'равный, тот же самый, такой же' и ²hama- 'целый, полный, весь',³ из которых в современном языке сохранился только композит, образованный с ¹hama-. Значение же «зрелый» (<²hama- raw-) как нельзя лучше вписывается в контекст данного пехлевийского андарза.

Таким образом, пехлевийское слово на строке 16 читается как hamraw, а ответ индийского мудреца переводится: «хуже — зрелый (человек), у которого (нет) никого и ничего».

Михаил Николаевич Боголюбов, безусловно, жил согласно наставлениям мудрецов: достигнув зрелого возраста, Михаил Николаевич имел много научных трудов, заслуженное признание, любящих родных и благодарных учеников.

Примечания

1. *Asmussen J. P.* Einige Bemerkungen zur sasanidischen Handarz-Literatur // Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel medioevo (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970). Roma, 1971. P. 269–276.

2. *Op. cit.* P. 276, nota 45.

3. *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränd. Aufl. Berlin, 1961. Стб. 1773 сл.

ЗАМЕТКИ О ГОВОРЕ ФЕРЕЙДАНСКИХ ГРУЗИН

В истории языков довольно часто бывают случаи, когда носители того или иного языка, оказавшись в чуждом для них языковом окружении, постепенно теряли родной язык. Так, например, французские протестанты в конце XVII в. составляли четверть населения на мысе Доброй Надежды. Через 100 лет французский язык был замещен португальским. В Рейнской долине Германии были французские деревни, население которых в конце концов полностью перешло на немецкий язык¹.

В первой четверти XVII в. по некоторым геополитическим и хозяйственно-экономическим соображениям в сефевидской империи Ирана был осуществлен ряд широкомасштабных переселений населения из районов Южного Кавказа и северо-западного Ирана в разные части Ирана. В частности, из Кахетии (Восточная Грузия) были переселены в Иран более ста тысяч человек, которых поселили в Хорасане, Мазандеране и Луристане. В этих районах кахетинский диалект грузинского языка полностью был поглощен другими языками. Однако в двух высокогорных административных единицах исфаганского остана (губернии) — Ферейдуншахском и Даран-мияндаштском районах компактно проживают 45–50 тысяч носителей ферейданского говора кахетинского диалекта грузинского языка. Профессор Варлам Топурия в 1922 г. писал, что ферейданцы сохранили «распространенную в Грузии географическую номенклатуру, обычаи, нравы и язык, на который, как и следовало ожидать, персидский язык оказал значительное влияние»². Первое обстоятельное исследование о звуковом составе, фонетических изменениях, морфологических, синтаксических особенностях и лексике ферейданского говора, основанное на записях речи ферейданца в 1922–1923 гг., принадлежит профессору Арнольду Чикобава³. Было установлено, что ферейданский говор сохранил присущие кахетинскому диалекту на уровне XVII в. систему склонения, спряжения и основной словарный фонд.

В специальной литературе при исследовании языковых взаимоотношений и билингвизма указывают на два типа билингвизма: координированный билингвизм и сложное двуязычие. В первом

случае исследование языков осуществляется отдельно — каждого с учетом его культурной среды. Во втором случае оба языка исследуются с учетом одной культурной среды⁴. В феномене ферейданского говора мы имеем дело с результатом четырехсотлетнего контакта грузинского и персидского языков. В данном случае персидский язык оказывал влияние на родной язык ферейданцев. Билингвизм ферейданцев — это билингвизм сложного типа: изолированный от грузинских диалектов и литературного языка грузиноязычный коллектив находится в персидской культурно-экономической среде⁵.

Высокой степени устойчивости ферейданского говора против внешнего воздействия, помимо чисто лингвистических факторов, способствовали и другие причины, о которых, говоря словами Ж. Вандриеса, «не должен забывать лингвист».

К языковым факторам следует отнести то обстоятельство, что грузинский и персидский — оба культурные, развитые языки, одинаково пригодные для выполнения своих функций. С другой стороны — это языки совершенно различного строя, что, в свою очередь, послужило защитой грузинского, на стороне которого было еще одно преимущество — это был язык, недоступный остальному населению страны.

Среди других факторов, помимо патриотических чувств и национального престижа, следует отметить значимость географического фактора. Грузинская колония фактически изолирована, находится в глубине страны, в труднодоступном горном районе, что также способствует сохранению ее самобытности и языка. Присутствует еще одно, на наш взгляд, немаловажное обстоятельство социального характера: служба в армии, поиски заработков вплоть до 50-х годов XX в. заставляло мужчин покидать родные места и отправляться в другие края, что, в свою очередь, увеличивало практическое значение и влияние персидского языка. Женщины же оставались хранительницами домашнего очага, вели более закрытый образ жизни и поэтому лучше и свободнее владели грузинским языком. Есть данные, указывающие на то, что в конце XIX в. многие ферейданки знали только грузинский язык. Дети, естественно, начинали говорить на родном языке, что также способствовало его сохранению⁶.

К вышесказанному следует добавить, что для двуязычного индивида, независимо от того, какова нагрузка на его устную речь, приоритетным является тот язык, на котором он читает и пишет⁷.

До 50–60-х годов XX в. этот фактор для ферейданцев не имел значения, так как большинство ферейданцев было неграмотным, а ферейданки поголовно не умели читать и писать.

В лексическом составе персидского языка много лексем арабского, тюркского и европейского происхождения. Все эти заимствования стали достоянием ферейданского говора исключительно благодаря персидскому языку. Заимствованные слова ферейданцы никак не разграничивают с грузинской лексикой. Эти слова подчинены нормам грузинской грамматической структуры, в частности, имена изменяются в числе и падеже так же, как исконно грузинские. Например:

в форме именительного падежа ед. числа с окончанием *-i*:

atr-i < перс. 'atr 'духи, благовоние'

ahengar-i < перс. āhangar 'кузнец'

nakhoš-i < перс. nākhoš 'больной';

в форме именительного падежа мн. числа с показателем *-eb* и окончанием *-i*:

hasil-eb-i 'продукты' < перс. hāsel 'продукт, урожай, доход'

najr-eb-i 'плотники' < перс. najjār 'плотник'

(в основе слова *najjār* 'плотник' произошла полная редукция гласного *a* в результате присоединения показателя мн. ч. *-eb* — явление, характерное для грузинского языка, ср. *atam-i* 'персик', *atm-eb-i* 'персики');

в дательном падеже мн. числа с окончанием *-s*:

hamjens-eb-s 'однородным' (мн.ч.) < перс. hamjens 'однородный, из одного теста'

kviškhedmat-eb-s utkhra 'слуге сказал' < перс. piškhedmat 'слуга' + *utkhra* 'сказал'.

К персидской основе присоединяются грузинские словообразующие аффиксы, например:

nakhoš-oba 'болезнь' < перс. nākhoš 'больной' (*-oba* суффикс абстрактных имен)

to-zabt-a 'конфисковал, отнял' < перс. zabt 'отнимать, конфисковать' (префикс *to-*).

Приведем примеры расширения значений грузинских слов.

В грузинском языке *jokh-i* [джох-и] означает «палка, трость». В персидском *čub* означает «дерево, древесина; бревно, брус; пал-

ка». Под влиянием перс. *čub*, ферейданское слово *jokh-i* расширило свое значение и также означает «дрова; материал для изготовления лестниц; строительный материал для строительства дома; облицовочный материал».

В грузинском языке слово *kitkhva* [китхва] означает «спросить; читать». В персидском *khāndan* означает «читать» (*ketāb khāndan* 'читать книгу') и «петь» (*āvāz khāndan* 'петь песни'). Под влиянием персидского *khāndan* ферейданское слово *kitkhva* расширило свое значение и также означает «петь».

В ферейданском говоре наблюдается также тенденция сокращения грузинского словарного состава. К примеру, в грузинском народном календаре месяц июнь обозначается сложным словом *tibatve* < *tibva* 'сенокос' + *tve* 'месяц', т.е. 'месяц сенокоса'; июль обозначается сложным словом *mkatatve* < *mka* 'жатва' + *-ta*, суффикс. мн. числа + *tve* 'месяц', т.е. 'месяц жатв / жатвы'. Таким образом, грузин на лексическом уровне различает «сенокос» и «жатву». В записанном в 1922 г. тексте ферейданец различает *tibva* 'сенокос' и *mka* 'жатва', однако по материалам 1970 г. ферейданец под словом *tibva* подразумевает и «сенокос» и «жатву», т.е. языковая память ферейданца утратила слово *mka*.

В условиях Исламской Республики Иран ферейданцы, как законопослушные граждане и правоверные шииты, шагают в ногу со временем. Давно ликвидированы неграмотность и малограмотность, функционируют школы, филиал университета «Пеямнур» («Вестник света») в Ферейдуншахре. Для ферейданцев телефон, радио, телевизор, мобильный телефон, компьютер являются обыкновенными предметами быта и обихода. Ферейданцы работают педагогами, врачами, агрономами, сотрудниками госаппарата, военного ведомства и т.д. Многие из них трудятся и живут далеко от «отчего дома». При таких обстоятельствах, естественно, приоритетным является официальный язык государства — персидский.

Пользуясь правами и свободами граждан Исламской Республики, ферейданцы пишут и публикуют книги по грузинской тематике⁸. В 2003 г. в Тбилиси был издан сборник грузинских стихов ферейданских авторов под названием «Песня ферейданского пахаря».

1. Вандриес Ж. Язык. Москва. 1937. С. 259–260.
2. Ломиси. 1922. № 16 (газета, на груз. яз.).
3. Чикобава А. Основные особенности ферейданского говора // Вестн. Тбилисского унив-та. 1927. Т. VII (на груз. яз.).
4. См. *Ervin S. M., Osgood C. E. Second Language Learning and Bilingualism // Osgood C. E. and Sebeok F. Psycholinguistics // Journ. of Abnormal and Social Psychology. Supplement. 1954. P. 139–146; Лэмберт У., Гавелка Дж., Кросби С., Зависимость двуязычия от условий усвоения языка // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 245–246.*
5. Утургаидзе Ф. Г., Чхубианишвили Д. З., Гиунашвили Дж. III. К семантическому изменению слов в ферейданском говоре грузинского языка под влиянием персидского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XXVIII. 1989. С. 156–158 (на груз. яз.).
6. Чхеидзе Т. Д. Элементы персидского языка в говоре ферейданских грузин // Актуальные проблемы иранской филологии — Труды VI Всесоюзной конференции..., Тбилиси, 1978. С. 186–187; *Giunashvili J. Concerning Georgian-Persian bilingualism (as exemplified by the speech of Fereidan Georgians) // Symposium: Bilingualism in Iranian Cultures. Bamberg, 1992 (Vortrage Papers).*
7. *Weinreich U. Languages in Contact. The Hague, 1963. P. 53.*
8. Например: *Имамкули Батавани. География Грузии (книга для чтения). Хансар, 1997 (на перс. яз.); Ноуруз Лачинани. Грузинско-персидский словарь. Исфаган, 2007; Саид Мулияни. Родная речь — самоучитель грузинского языка для персоязычных. Тбилиси, 2009 (на перс. яз).*

ГЛАГОЛ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Введение

В отечественной иранистике описание осетинского языка представлено целым рядом грамматик и грамматических исследований [Шёгрэн 1844; Гагкаев 1952; Абаев 1959; Миллер 1962; Ахвледиани 1963, 1969; Багаев 1965, 1982]. Имеется также несколько зарубежных грамматических исследований осетинского языка [Benveniste 1959; Thordarson 1989, 2009; Hettich 2002, 2010] и немалое количество отечественных и зарубежных статей, посвященных разным аспектам осетинской грамматики. Непосредственно описанию осетинского глагола посвящена докторская диссертация Х. А. Таказова [1992]; стоит отметить также монографию Ф. Д. Техова [1970], рассматривающую осетинские наклонения, некоторые модальные конструкции и модальные глаголы, и исследование Г. З. Тедеева [1989], описывающее некоторые семантические особенности осетинского глагола.

Несмотря на относительно большой объем литературы, посвященной грамматике и непосредственно глаголу осетинского языка, нужно признать, что существующие описания имеют целый ряд лакун, которые затрудняют их использование для целей современной грамматической типологии, а порой и приводят к неверным выводам относительно отдельных аспектов грамматики осетинского языка. В частности, ошибочно утверждается, что

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК-1920.2014.6), грантов РФФИ № 11-06-00512а, РФНФ № 13-04-00342, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

Я благодарен А. К. Оглоблину и Ю. В. Мазуровой за предварительное прочтение статьи и внесение некоторых замечаний. Статья не была бы возможна без помощи моих информантов — жителей с. Даргавс, студентов СОГУ, сотрудников СОИГСИ. Отдельно хочу поблагодарить М. В. Дарчиеву (жительница г. Алагир, Северная Осетия, кандидат филологических наук, 27 лет), с которой я работал непосредственно при написании статьи. Полную ответственность за возможные неточности несет только автор настоящей статьи.

в осетинском отсутствуют морфологические средства для выражения оптатива (ср., например: Haspelmath, Dryer, Gil, Comrie 2005). Учитывая нетривиальные для типологии особенности осетинского языка, который, сохранив иранскую морфологию и по большей части лексику, впитал в себя многие черты соседних кавказских языков, нужно сказать, что в данный момент остро ощущается необходимость создания полноценной грамматики осетинского языка.

Настоящая статья ограничивается описанием только системы глагола осетинского языка (иронского диалекта, взятого за основу литературной нормы). Основные цели статьи — заполнить существующие в грамматических описаниях осетинского языка лакуны, оценить известные сведения об осетинском глаголе в парадигме современной лингвистической типологии и сориентировать исследователя, не знакомого с осетинским языком, в доступной литературе.

При изучении осетинского глагола использовались доступные корпуса текстов осетинского языка, а также данные, полученные от информантов. В частности, использовался устный корпус иронского диалекта, насчитывающий 60 000 словоупотреблений и находящийся в свободном доступе онлайн (<http://ossetic-studies.org/ru/texts/iron>), а также Осетинский национальный корпус (ОНК), состоящий из современной художественной литературы на осетинском языке и литературного журнала «Мах дуг». На момент проведения исследования ОНК насчитывал 5 млн словоупотреблений. ОНК также находится в свободном доступе онлайн (www.corpus.ossetic-studies.org). Примеры, не имеющие ссылки на источник, получены от носителей осетинского языка в ходе моих экспедиций в Республику Северная Осетия — Алания в 2007–2013 гг.

1. Глагольные основы, парадигмы форм времени и наклонения

Большинство осетинских глаголов изменяется по лицам и числам и имеет пять наклонений (индикатив, конъюнктив, оптатив, контрафактив и императив), из которых индикатив изменяется по трем временам (настоящее, прошедшее, будущее). Вопрос об употреблении осетинских наклонений крайне сложен и требует

отдельного рассмотрения. В настоящей статье я опущу описание семантики наклонений осетинского языка; интересующийся этим вопросом читатель может обратиться к доступной литературе (прежде всего: Выдрин 2011а, 2011б; Vydrin 2011; там же см. список литературы).

1.1. ТЕРМИНОЛОГИЯ

В данной работе для обозначения наклонений осетинского языка будут использоваться термины «индикатив», «императив», «конъюнктив», «контрафактив» и «оптатив». Прежде чем пояснить выбор именно этих терминов рассмотрим, какая терминология для обозначения косвенных наклонений предлагается в грамматиках.

Таблица 1. Осетинские косвенные наклонения: терминология

	Императив	Конъюнктив	Оптатив	Контрафактив
Шёгрен 1844	повелительное наклонение	будущее определенное (Futurum definitum)	настоящее время сослагательного наклонения	прошедшее время несовершенного вида сослагательного наклонения
Миллер 1962	императив	конъюнктив	оптатив	имперфект конъюнктива
Гагкаев 1952	повелительное наклонение	сослагательное наклонение будущего времени	настоящее время сослагательного наклонения	прошедшее время сослагательного наклонения
Абаев 1959	повелительное наклонение	будущее время сослагательного наклонения или старый конъюнктив	настояще-будущее время сослагательного наклонения или старый оптатив	прошедшее время сослагательного наклонения или старый оптатив
Ахвледиани 1963	повелительное наклонение	условное наклонение	желательное наклонение настоящего времени	желательно-условное наклонение прошедшего времени
Багаев 1965	повелительное наклонение	сослагательное наклонение	желательное наклонение настоящего-будущего времени	желательное наклонение прошедшего времени

Как можно видеть из таблицы 1, в разных грамматиках совпадает только обозначение императива. Идентичные названия применяются для разных других наклонений. Для обозначения контрафактива везде используются термины со ссылкой на прошедшее время.

Предлагаемые в статье термины выбраны исходя из основных значений, которые выражают наклонения. Термины «индикатив» и «императив» вместо «изъявительного» и «повелительного» наклонений предпочтительны как более краткие. Термин «контрафактив» («противоречие реальному положению дел») отвечает основной функции этого наклонения — обозначению не ситуации в прошлом, а контрафактической ситуации, референция которой может быть как к прошлому, так и к будущему или к настоящему [Vydrin 2011].

Термины «конъюнктив» и «оптатив» требуют отдельного пояснения. Как показано, в частности, в работе Й. ван дер Ауверы и Э. Схаллей [2004], в описаниях различных языков эти термины используются крайне произвольно и не имеют общепринятого значения. Наиболее наглядными примером могут быть две противоположные традиции описания классических языков (латинская и древнегреческая), в которых термины «оптатив» и «конъюнктив» используются для обозначения совершенно разных сущностей. В грамматиках латинского языка термин «оптатив» употребляется для обозначения одного из значений конъюнктива. Согласно Ф. Р. Палмеру [Palmer 2001, 108–109], у латинского конъюнктива выделяются следующие значения: императив, юссив, уступка, потенциалис, делибератив, оптатив (для выражения пожелания). В традиции описания греческого языка конъюнктив и оптатив являются названиями двух разных наклонений. У древнегреческого конъюнктива выделяются следующие функции: условная, временная, относительная, гортатив, прохибитив, делибератив. Древнегреческий оптатив имеет следующие значения: потенциальность, контрафактичность, вежливость, желание, приказ. Оптатив также может употребляться в некоторых типах придаточных предложений.

Имеются также примеры путаницы терминов «конъюнктив» и «оптатив» в разных традициях описания этих наклонений в хинди, турецком, и балтийских языках [ван дер Аувера, Схаллей 2004].

Таким образом, термины «конъюнктив» и «оптатив» без дополнительного пояснения непригодны для типологических целей.

В данной работе под оптативом понимается наклонение, основная функция которого заключается в выражении «желания говорящего относительно реализации некоторой ситуации Р, участником которой может быть 1/2/3 лица, причем реализация ситуации Р лежит вне области, подлежащей контролю говорящего» [Добрушина 2001, 9]. Морфологический оптатив в языках мира встречается довольно редко. Из 319 языков выборки Н. Р. Добрушиной, Й. ван дер Ауверы и В. Ю. Гусева [Dobrushina, van der Auwera, Goussev 2005, 298] морфологический оптатив отмечается только в 48 языках¹. Отметим, что морфологический оптатив характерен для кавказского региона, однако встречается также и в иранских языках; особенно он распространен в мертвых иранских языках (авестийский, древнеперсидский, согдийский и др.), однако встречается также и в некоторых современных (например, в осетинском и талышском).

Основной функцией конъюнктива (субконъюнктива, сослагательного наклонения) я буду считать употребление этого наклонения в зависимой предикации — как в придаточной части разных сложноподчиненных предложений, так и для оформления сентенциальных актантов некоторых предикатов. Такое употребление конъюнктива характерно, например, для латыни, классического греческого, всех романских языков, немецкого и многих других языков [Bybee et al. 1994; Palmer 2001].

1.2. ОСНОВЫ

Все формы наклонений и времен в осетинском языке образуются с помощью специальных окончаний от одной из двух глагольных основ — основы настоящего и основы прошедшего времени².

¹ В этой же работе осетинский ошибочно включается в группу языков, в которых отсутствует морфологический оптатив.

² Отдельно нужно отметить точку зрения Х. А. Таказова [1992, 96–107], который также выделяет основу будущего времени. Аргументация Таказова сводится к тому, что суффикс будущего времени *-дзын-/дзæн-/дзы-*, «слившись с корнем глагола (или основой настоящего времени), действительно дал с последним единое составное образование» [1992, 96]. В чем именно проявляется «слияние» суффикса *-дзын-/дзæн-/дзы-* с основой глагола и чем суффикс

Основа настоящего времени (у всех глаголов, кроме *уæвын* ‘быть’) образуется от формы инфинитива путем отбрасывания суффикса инфинитива *-ын*³. Например, *кæнын* ‘делать’ — *кæн-* (основа настоящего времени). У глагола *уæвын* в настоящем времени индикатива используются специальные формы (см. табл. 8), в будущем времени индикатива используется основа *уы-*, в конъюнктиве и оптативе — основа *у-* (см. табл. 8 и 11).

«Основа прошедшего времени образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-д, -т, -ст, -ад, -ыд* с различными во многих глаголах фонетическими изменениями (чередованием гласных и согласных, выпадением согласных и полугласных, ассимиляцией согласных)» [Багаев 1965, 291]. У глагола *уæвын* в качестве основы прошедшего времени используется форма *уыд-*. У глагола *дæттын* ‘давать’ в прошедшем времени используется аналитическая основа *лæвæрд-* (которая в отличие от глагола *дæттын*, продолжающего др. ир. *do-, *da ‘давать’ [Абаев 1958, 350; Расторгуева, Эдельман 2003, 433–438], этимологически восходит корню fra-bar, от *bar- ‘нести’ (более подробно см.: Расторгуева, Эдельман 2003, 84–106).

От основы настоящего времени образуются формы настоящего и будущего времен индикатива, а также формы конъюнктива, оптатива и императива. От основы прошедшего времени образуются формы прошедшего времени индикатива и формы контрафактива. Ниже даны таблицы парадигм времен и наклонений осетинского языка.

-дзын-/дзæн-/дзы- отличается, например, от суффикса переходности *-т-* (об этом суффиксе см. раздел 1.3.), также присоединяющегося к основе глагола, в работе Х. А. Таказова не поясняется. Если единственным аргументом в пользу выделения еще одной основы является наличие специального суффикса будущего времени, то, не привлекая данные диахронии, в осетинском языке следует выделять не только основу будущего времени, но также основу контрафактива (основа прошедшего времени + «показатель» *-а-*) и основу прошедшего времени для переходных глаголов (основа прошедшего времени + показатель переходности *-т-*). Далее я буду придерживаться традиционного мнения о двух основах в осетинском языке.

³ Инфинитив совпадает с формой 1sg настоящего времени индикатива (*кæнын* ‘делать’, ‘я делаю’). Об инфинитиве более подробно см. раздел 10.5.

Таблица 2. Формы настоящего и будущего времени индикатива глагола *кæнын* ‘делать’

	Настоящее время		Будущее время	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>кæн-ын</i>	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-дзынæн</i>	<i>кæн-дзыстæм</i>
2	<i>кæн-ыс</i>	<i>кæн-ут</i>	<i>кæн-дзынæ</i>	<i>кæн-дзыстут</i>
3	<i>кæн-ы</i>	<i>кæн-ыны</i>	<i>кæн-дзæн, кæн-дзæни(с)</i>	<i>кæн-дзысты</i>

Таблица 3. Формы прошедшего времени индикатива переходного глагола *кæнын* ‘делать’ и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (*-т-* — показатель переходности)

	<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>код-т-он</i>	<i>код-т-ам</i>	<i>цард-тæн</i>	<i>цард-ыстæм</i>
2	<i>код-т-ай</i>	<i>код-т-ат</i>	<i>цард-тæ</i>	<i>цард-ыстут</i>
3	<i>код-т-а</i>	<i>код-т-ой</i>	<i>цард-æ, цард-и(с)</i>	<i>цард-ысты</i>

Таблица 4. Формы императива, конъюнктива и оптатива глагола *кæнын* ‘делать’

	Императив		Конъюнктив		Оптатив	
	SG	PL	SG	PL	SG	PL
1	<i>кæн-он</i>	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-он</i>	<i>кæн-æм</i>	<i>кæн-ин</i>	<i>кæн-иккам</i>
2	<i>кæн-æ</i>	<i>кæн-ут</i>	<i>кæн-ай</i>	<i>кæн-ат</i>	<i>кæн-ис</i>	<i>кæн-иккат</i>
3	<i>кæн-æд</i>	<i>кæн-æнт</i>	<i>кæн-а</i>	<i>кæн-ой</i>	<i>кæн-ид</i>	<i>кæн-иккой</i>

Таблица 5. Формы контрафактива переходного глагола *кæнын* ‘делать’ и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (*-т-* — показатель переходности)

	<i>кæнын</i> ‘делать’		<i>цæрын</i> ‘жить’	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>код-т-аин</i>	<i>код-т-аиккам</i>	<i>цард-аин</i>	<i>цард-аиккам</i>
2	<i>код-т-аис</i>	<i>код-т-аиккат</i>	<i>цард-аис</i>	<i>цард-аиккат</i>
3	<i>код-т-аид</i>	<i>код-т-аиккой</i>	<i>цард-аид</i>	<i>цард-аиккой</i>

Окончания конъюнктива, за исключением показателя 1pl, идентичны окончаниям прошедшего времени переходных глаголов. Окончания контрафактива отличаются от оптативных толь-

ко начальным гласным *-а-*. Показатели будущего времени состоят из суффикса *-дзын-* / *-дзæн-* / *-дзы-* и личных окончаний, которые во множественном числе совпадают с формами настоящего времени индикатива глагола *уæвын* 'быть' (табл. 8). При образовании будущего времени от основ, оканчивающихся на удвоенный согласный, удвоение упрощается (например, *бæллын* 'мечтать', *бæлл-* — основа настоящего времени, *бæл-дзæн* (мечтать.PRS-FUT.3SG) 'он будет мечтать').

Форма императива 2PL совпадает с аналогичной формой настоящего времени индикатива. Таким образом, окончание 2PL можно считать неспециализированной формой императива (т. е. формой, основное значение которой иное [Гусев 2004]). Использование формы настоящего времени для выражения повеления к 2PL в языках встречается нередко (см. примеры в: Гусев 2004, 394)⁴. Формы 1SG и 1PL императива совпадают с аналогичными формами конъюнктива и, таким образом, тоже являются неспециализированными формами императива. Остальные формы императива имеют свои собственные окончания (в форме 2SG окончание является нулевым).

В грамматиках [Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965] и специальных грамматических исследованиях осетинского языка (см., например, Козырева 1956; Техов 1970; Токазов 1984; Таказов 1992; Камболов 2006) в парадигму императива не включаются формы 1SG и 1PL. Единственным основанием для такого решения является их совпадение с формами конъюнктива. В настоящей работе формы 1SG и 1PL предлагается включать в императивную парадигму. Хотя эти формы совпадают с формами конъюнктива, отметим, что другие формы конъюнктива самостоятельно не могут выражать повеление [Выдрин 2011а]. Таким образом, не включая формы 1SG и 1PL в парадигму императива, мы тем самым утверждали бы, что повеление к первому лицу выражается конъюнктивом, а ко всем остальным лицам — императивом. Такое разнесение по разным парадигмам императивных показателей для разных лиц представляется непоследовательным.

⁴ Однако следует заметить, что императивное окончание 2PL и аналогичное окончание настоящего времени индикатива в осетинском языке имеют разное происхождение (об этом см. в разделе 2.4).

В прошедшем времени индикатива и в контрафактиве различаются переходные и непереходные глаголы: у переходных глаголов между основой и окончанием возникает специальный показатель *-т-*, в прошедшем времени индикатива у переходных глаголов отмечаются также специальные личные окончания.

Нужно заметить, что в современном осетинском языке некоторые семантически непереходные глаголы спрягаются по переходному типу (например, *æхснырсын* 'чихать'), а некоторые семантически и синтаксически переходные (прямое дополнение маркируется номинативом/генитивом⁵) глаголы спрягаются по непереходному типу (например, *касын* в значении 'читать'). Существует также небольшой класс лабильных глаголов, которые, в зависимости от значения, могут спрягаться или по переходному, или по непереходному типу (например, *судзын* 'жечь', 'гореть'; см. более подробно: Тедеев 1989).

1.4. МОРФЕМНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИНДИКАТИВА НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

У некоторых непереходных глаголов в прошедшем времени индикатива в форме 3SG, а также во всех лицах множественного числа, между основой и окончанием возникает «дополнительное» *-т-*, что приводит к различным толкованиям (см. варианты 1–2 в табл. 6).

Таблица 6. Формы прошедшего времени непереходного глагола *тæрсын* 'бояться'

	Вариант 1		Вариант 2	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>тæрс-тæн</i>	<i>тæрст-ыстæм</i>	<i>тæрст-æн</i>	<i>тæрст-ыстæм</i>
2	<i>тæрс-тæ</i>	<i>тæрст-ыстут</i>	<i>тæрст-æ</i>	<i>тæрст-ыстут</i>
3	<i>тæрст-ис</i>	<i>тæрст-ысты</i>	<i>тæрст-ис</i>	<i>тæрст-ысты</i>

⁵ Однако нужно заметить, что в осетинском языке существует небольшой класс переходных глаголов, у которых прямое дополнение маркируется суперессивом. Главным образом, это глаголы чувств и «переживаний человека» [Гагкаев 1956, 117–118] — например, *кауын* 'оплакивать', *дис канын* 'удивляться', *цин канын* 'радоваться', *фæсмон канын* 'раскаиваться', *ауардын* 'жалеть'.

Возникновение «дополнительного» *-т-* побуждает некоторых исследователей [Ахвледиани 1963; Исаев 1987, 620; Камболов 2006, 366–377] считать, что морфемное членение форм прошедшего времени индикатива непереходных глаголов должно выглядеть как вариант 2. Однако если принять эту точку зрения, неясно, как анализировать формы прошедшего времени непереходных глаголов, имеющих основу прошедшего времени на *-д* (например, глагол *царын* ‘жить’), у которых в 1SG и 2SG окончание выглядит *-таэн* и *-таэ* соответственно (табл. 3). Считать ли, что у непереходных глаголов в прошедшем времени существует два набора окончаний или что «дополнительное» *-т-* в силу некоторых фонологических, диахронических или каких-то иных причин появляется у некоторых глаголов в 1SG и 2SG?

Надо полагать, морфемное членение у непереходных глаголов прошедшего времени должно выглядеть так, как показано в варианте 1 табл. 6. Появление у непереходных глаголов в прошедшем времени двух вариантов морфемного членения объясняется следующим. Все основы прошедшего времени в осетинском языке оканчиваются на *-т* или *-д*; у непереходных глаголов в 1SG и 2SG и у переходных глаголов во всех лицах и числах возникает геминация (в орфографии *-тт-* или *-дт-*, однако, «геминируясь, звонкие смычные утрачивают звонкость» [Ахвледиани 1963, 60]), которая разрешается несложным фонологическим правилом, замеченным еще В.И.Абаевым [1949, 562]: если геминированный согласный стоит после сонорного (*р, л, м, н, й, у*), то геминация сохраняется, если нет — он переходит в простой глухой смычный. У глагола *таерсын* ‘бояться’ (основа прошедшего времени *тарст-*) форма прошедшего времени 1SG должна выглядеть как *тарст-таэн*; однако геминация упрощается в *тарс-таэн* потому, что геминированный согласный стоит перед несонорным *с*. У глагола *царын* ‘жить’ (основа прошедшего времени *цард-*) форма прошедшего времени 1SG выглядит как *цард-таэн*, где геминация сохраняется потому, что геминированный согласный стоит после сонорного *р*.

Предложенное фонологическое правило распространяется также на парадигму прошедшего времени переходных глаголов и на парадигму контрафактива переходных глаголов; у последних, согласно этому правилу, может выпадать показатель переходности *-т-* (при этом звонкий смычный оглушается). Так, глагол *судзын*

‘жечь’, который имеет основу *сыгъд-/сыгът-*, в прошедшем времени, например, в форме 1SG, имеет форму *сыгътон*, а не *сыгъдтон*, поскольку геминированный согласный исчезает согласно правилу; в форме контрафактива у этого глагола также выпадает показатель переходности: например, форма 1SG — *сыгътаин*, а не *сыгъдтаин*.

2. Происхождение окончаний

2.1. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Согласно общепринятому мнению, все окончания настоящего времени осетинского глагола образовались от соответствующих древнеиранских тематических глагольных окончаний настоящего времени индикатива (SG: *-a-mi, -a-hi, -a-ti*; PL: *-ā-mahi, -a-ta, -a-nti*) [Исаев 1987, 616; Таказов 1992, 18]. Реализация этих окончаний в авестийском и древнеперсидском представлена в таблице 7⁶.

Таблица 7. Формы авестийских и древнеперсидских первичных личных окончаний активного залога

	SG		PL	
	Авестийский	Др.персидский	Авестийский	Др.персидский
1	-mi̯	-miy	-mahī̯	-mahy
2	-hi̯	-hiy	-θā	-
3	-ti̯	-tiy	-ntī̯	- ⁿ tiy*

2.2. ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Окончания прошедшего времени непереходных глаголов происходят от форм настоящего времени индикатива глагола *уаввын* ‘быть’ (см. табл. 8) [Абаев 1949, 562]. В. Ф. Миллер [1962] на основании совпадения окончаний конъюнктива и прошедшего времени переходных глаголов пытался связать происхождение окончаний прошедшего времени переходных глаголов с окончаниями конъюнктива. Более убедительным представляется мнение В.И.Абаева [1949, 565], который считает, что в образовании форм прошедшего времени переходных глаголов участвовали не окончания конъюн-

⁶ Таблица 7 заимствована из работ С. Н. Соколова и С. П. Виноградовой [Соколов 1979; Виноградова 1997; 2000].

ктива, а полные формы конъюнктива вспомогательного глагола *уавын* ‘быть’ (табл. 8). Точка зрения В. И. Абаева также позволяет объяснить возникновение показателя переходности -t-, который появился в результате ассимиляции dw (конечный согласный основы + начальный w вспомогательного глагола) в dd.

Таблица 8. Формы настоящего времени индикатива и конъюнктива глагола *уавын* ‘быть’

	Настоящее время		Конъюнктив	
	SG	PL	SG	PL
1	<i>дән</i>	<i>стәм</i>	<i>уон</i>	<i>уәм</i>
2	<i>дә</i>	<i>стут</i>	<i>уай</i>	<i>уат</i>
3	<i>у; и(с)</i>	<i>сты</i>	<i>уа</i>	<i>уой</i>

Стоит отметить также точку зрения Дж. Чёнга [Cheung 2002; Чёнг 2008, 194–195], согласно которой окончания прошедшего времени переходных глаголов представляют собой личные формы аориста сослагательного наклонения праосетинского глагола *dā ‘ставить’ (см. табл. 9).

Таблица 9. Формы аориста сослагательного наклонения праосетинского глагола *dā ‘ставить’

	SG	PL
1	*dāni	*dāmā
2	*dāhi	dāŋa
3	*dāt	dānt

2.3. БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Окончания будущего времени состоят из суффикса -дзын- /-дзән- /-дзы- и форм настоящего времени индикатива глагола *уавын* ‘быть’ (см. табл. 8), при этом в 1sg (*дән*) и 2sg (*дә*) начальный -д- выпадает.

Относительно происхождения суффикса будущего времени в осетиноведении существует две точки зрения — В. Ф. Миллера [Миллер 1962] и Э. Бенвениста [Бенвенист 1965, 88–89 (Benveniste 1959)]. В. Ф. Миллер сближает суффикс будущего времени

-дзын- /-дзән- /-дзы- с деривационным суффиксом абстрактных имен -дзин-ад (*әцәг* ‘верный’ — *әцәг-дзинад* ‘правда’, *дәрд* ‘далекий’ — *дәрд-дзинад* ‘отдаленность’). Э. Бенвенист возводит суффикс -дзын- /-дзән- /-дзы- к иранскому *čana (в авестийском čana(h)- / činah ‘жаждущий’, ‘желающий’). Отметим, что в языках мира показатели будущего времени нередко развиваются из элементов, содержащих в себе значение желания [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], поэтому этимология, предложенная Э. Бенвенистом, представляется более убедительной.

2.4. ИМПЕРАТИВ

В 2sg у императива нулевое окончание. Окончание 2pl совпадает с окончанием 2pl индикатива, однако восходит скорее не к соответствующему древнеиранскому тематическому глагольному окончанию, а к форме императива 2pl глагола *уавын* ‘быть’ — *ут* [Cheung 2002; Чёнг 2008, 203]. Окончание 3sg -әд восходит к иранскому императивному окончанию 3sg *atu (авест. -atu). Окончание 3pl -әнт восходит к иранскому императивному окончанию 3sg *-ntu [Исаев 1987, 617–618] (авест. -ntu [Виноградова 2000, 30]). Отметим также точку зрения Х. А. Таказова [1992, 33], который считает, что императивное окончание -әд восходит к иранскому *ha-tu, а окончание -әнт — к *ha-itu. О происхождении императивного окончания 3pl см. также работу И. Гершевича [Gershevitch 1991].

2.5. КОНЪЮНКТИВ

Окончания конъюнктива 1sg и 2sg возводятся к аналогичным формам иранского конъюнктива (ср. формы конъюнктива в авестийском — табл. 10 [Виноградова 2000, 32]). Окончание 1sg конъюнктива восходит к иранскому *ā-ni (ав. *barāni* конъюнктив активного залога от *bara-* ‘нести’, др.-перс. *aḥaniy* конъюнктив активного залога от *ah-* ‘быть’); окончание 2sg восходит к иранскому ā-hi (ав. *barāhi* конъюнктив активного залога от *bara-* ‘нести’; др.-перс. *para-barāhi* конъюнктив активного залога от *para-* ‘нести’ и префикса *para-*). В форме конъюнктива 3sg предполагается выпадение конечного -t (ср. авестийское -āt и окончание 3sg настоящего времени

ни индикатива в современном персидском –ad: *mikon-ad* ‘он делает’ от *kardan* ‘делать’ (*kon-* — основа настоящего времени)).

Окончание 1PL конъюнктива совпадает с окончанием настоящего времени индикатива; форма 2PL восходит к древнеиранскому **-āθa*; окончание 3PL, скорее всего, восходит к древнеиранскому тематическому окончанию **-ānt(i)* [Чёнг 2008, 202].

Таблица 10. авестийские формы конъюнктива активного залога, тематический тип (*bara-* ‘нести’)

	SG	PL
1	<i>barāni</i>	
2	<i>barāhi</i>	
3	<i>barāt</i>	

2.6. ОПТАТИВ

В основе форм оптатива — все те же древнеиранские тематические окончания (SG: *-a-mi*, *-a-hi*, *-a-ti*; PL: *-ā-mahi*, *-a-ta*, *-a-nti*). Между основой и окончанием вставляется гласный *-i-*. Перед окончаниями множественного числа появляется геминированный *kk* (этимология неизвестна). Гласный *-i-* возводят к индоевропейскому оптативному суффиксу **-i-ye* / **-oi* [Benveniste 1951; Gronas 2006, 93] (ср. авестийские оптативные формы 2SG и 3SG от глагола *bara-* ‘нести’: *barōiš* и *barōiṭ* [Виноградова 2000, 32]).

2.7. КОНТРАФАКТИВ

Окончания контрафактива происходят от личных форм оптатива глагола *uəvyn* ‘быть’ [Абаев 1949, 564] (см. табл. 11).

Таблица 11. Формы оптатива глагола *uəvyn* ‘быть’ (*y-* — основа настоящего времени)

	SG	PL
1	<i>y-aun</i>	<i>y-aikkaṃ</i>
2	<i>y-auc</i>	<i>y-aikkat</i>
3	<i>y-aud</i>	<i>y-aikkoy</i>

Контрафактивные окончания переходных глаголов восходят непосредственно к формам оптатива глагола *uəvyn* ‘быть’; появление показателя переходности объясняется так же, как и в случае прошедшего времени индикатива, — ассимиляцией *dw* (конечный согласный основы + начальный *w* вспомогательного глагола) в *dd*. Контрафактивные окончания непереходных глаголов восходят к вышедшим из употребления в современном осетинском оптативным формам глагола «быть», которые отличаются от современных оптативных форм отсутствием начального *w-* [Абаев 1949, 564] (эти формы были отмечены еще А. М. Шёгреном [1844]). Следует добавить, что разные оптативные формы глагола *uəvyn* ‘быть’ восходят к разным корням: формы с начальным *w-* восходят к иранскому **bav*, а формы без начального *w-* — к иранскому **ah* [Таказов 1992, 49].

2.8. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подведем итог относительно происхождения личных окончаний времен и наклонений в осетинском языке. Окончания прошедшего и будущего времени индикатива, а также окончания контрафактива представляют собой личные формы глагола *uəvyn* ‘быть’. Остальные времена (настоящее время индикатива) и наклонения (императив, конъюнктив и оптатив) продолжают древние иранские окончания.

3. Превербь

В осетинском языке существует восемь продуктивных превербов: *a-*, *ær-*, *æрба-*, *ба-*, *ны-*, *ра-*, *с-*, *фæ-*. При присоединении преверба к глаголу (к простому глаголу или к именной компоненте сложного глагола) происходят следующие фонологические изменения⁷:

1) при присоединении преверба с конечным *-æ* к глаголу или именной компоненте сложного глагола с начальным *æ-* два глас-

⁷ Выпадение и стяжение гласного *æ* (изменения 1 и 2) характерны для осетинского языка и возникают не только в случае преверба, но и у отрицательных частиц (*mæ* и *naæ*), энклитических местоимений и других языковых элементов.

ных *æ* стягиваются в *e* (например, *æхсын* ‘стрелять’ — *фехсын* ‘выстрелить’);

2) при присоединении преверба с конечным гласным *-a* или *-ы* к глаголу или именной компоненте сложного глагола с начальным *æ-* начальное *æ-* выпадает (например, *æвгæнын* ‘нагружать’ — *авгæнын* ‘нагрузить’, *æхсидын* ‘варить’ — *ныхсидын* ‘сварить’);

3) при присоединении преверба с конечным *-a* к глаголу или именной компоненте сложного глагола с начальным *-a* между превербом и глаголом или именной компонентой сложного глагола возникает эпентетический согласный⁸ *-ц-* (например, *агурын* ‘искать’ — *ацагурын* ‘искать’);

4) при присоединении преверба *ны-* к глаголу или к именной компоненте сложного глагола с начальным согласным этот согласный удваивается (например, *калын* ‘проливать’ — *ныккалын* ‘пролить’)⁹;

5) при присоединении преверба *ны-* к корню с начальным *a-* между превербом и корнем возникает эпентетический удвоенный *йй* (например, *азæлын* ‘раздаваться (о звуке)’ — *ныййазæлын* ‘раздаваться’) или удвоенный *цц* (например, *амайын* ‘строить’ — *ныццамайын* ‘построить’);

6) при стечении конечной гласной преверба (кроме преверба *ны-*) с начальной гласной *и-* *-и-* переходит в *й-*, образуя дифтонг (например, *исын* ‘брат’ — *байсын* ‘взять’); в случае преверба *ны-* и начального гласного корня *и-* между превербом и глаголом возникает эпентетический удвоенный *йй*¹⁰;

⁸ В настоящей работе в глоссах все эпентетические согласные, возникающие между превербом и глаголом или между превербом и именной частью сложного глагола будут присоединяться к превербу.

⁹ Н. К. Багаев [1965, 288] отмечает, что «не подвергаются удвоению после приставки *ны-* согласные *къ, нъ, тъ, цъ, чъ*, а также начальные согласные в тех глаголах, которые раньше имели в начале гласный звук: *гæрдын* ‘прокладывать, пробивать’, *халын* ‘разрушать’, *хæлын* ‘разрушаться’, *сафын* ‘терять’, *сæфын* ‘пропадать’, *сæрдын* ‘смазывать’, *тауын* ‘сеять’, *тындзын* ‘расстилать’, *хъусын* ‘слышать’, *хъуысын* ‘слышаться’». Согласно современной орфографии осетинского языка, после преверба *ны-* согласные *къ, нъ, тъ, цъ, чъ* удваиваются так же, как и все другие согласные. Из приведенных Н. К. Багаевым глаголов при присоединении преверба *ны-* начальный согласный удваивается только у глаголов *хъусын* и *хъуысын*.

¹⁰ Распределение эпентетических *-йй-* и *-цц-* требует отдельного исследования. Нужно отметить, что вставной *-ц-* может у некоторых глаголов появляться

7) при присоединении преверба *с-* к глаголу *цауын* ‘идти’ начальный *ц-* ассимилируется — *ссауын*¹¹;

8) у глагола *арын* ‘находить’ при присоединении преверба *с-* преверб удваивается — *ссарын* ‘найти’.

Семантика превербов требует отдельного подробного описания. В настоящей работе следует отметить, что помимо широкого круга аспектуальных значений осетинские превербы указывают на направление движения и положение говорящего (ср. табл. 12)¹².

Таблица 12. Превербные формы глагола *sæwæn* ‘идти’ (из работ [Абаев 1959, 100; Мазурова 2012])

Преверб	Значение	Положение наблюдателя
<i>a-sæd</i>	‘вышел’	наблюдатель находится внутри
<i>ra-sæd</i>		наблюдатель находится снаружи
<i>ba-sæd</i>	‘вошел’	наблюдатель находится снаружи
<i>ærba-sæd</i>		наблюдатель находится внутри
<i>ær-sæd</i>	‘сошел, пришел сверху’	наблюдатель находится внизу
<i>næ-ssæd</i>		наблюдатель находится наверху
<i>fæ-</i>	‘движение в любом направлении от говорящего’	
<i>š-</i>	‘движение вверх’	

4. Отрицание

В осетинском языке для выражения глагольного отрицания используются частицы *нае* и *ма* (а также образованные от них более сложные частицы — например, *мауал*, *науал* ‘больше не’). Обе частицы употребляются контактно с предикатом и являются проклитиками. В случае сложного глагола частица отрицания занима-

между корнем и превербом даже в случае преверба, имеющего конечный согласный и глагола, имеющего начальный гласный. Например, *агайын* ‘мчаться’ — *æрицагайын* ‘промчаться (вниз)’.

¹¹ Другие простые глаголы, имеющие начальный *ц-*, не присоединяют преверб *с-*. Согласно словарям, единственным сложным глаголом с начальным *ц-*, способным присоединять преверб *с-*, является *с-цагъар кагн-ын* (PREF-раб делать.PRS-INF) ‘поработить’, у которого не происходит ассимиляции.

¹² Более подробно о превербах см.: (грамматики) Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965, а также: Козырева 1951, 1954; Цаболов 1957; Гуриева 1959; Bielmeier 1981; Thordarson 1982; Цалиева 1983; Левитская 2004, 2007; Стойнова 2006; Tomelleri 2009; Мазурова 2012.

ет позицию перед превербом, а в при отсутствии преверба — перед именной компонентой сложного глагола (о сложных глаголах см. раздел 5).

В. И. Абаев [Абаев 1959, 104–105] объясняет распределение отрицательных частиц *на* и *ма* следующим образом: в индикативе употребляется только *на*, в императиве — только *ма*, в косвенных наклонениях — и *на*, и *ма*. Согласно моим данным, полученным от современных носителей языка и из корпусов, в простом предложении при глаголе в индикативе употребляется только *на*, в императиве — только *ма*; в косвенных наклонениях обычно употребляется *на*. Отрицательная частица *ма* в простом предложении может употребляться только с предикатом в форме конъюнктива, если предложение выражает близкие к императивным значения — пожелание, проклятие, благословение (перформативный оптатив) или намерение. Например:

- (1) *Мухарбег исдуг хъусай фа-лаууыд —*
 Мухарбег некоторое.время молча PREF-стоять.PST.3SG
ба-ууæнд-а *йæ* *уазæг-ыл æви ма*
 PREF-верить.PRS-CONJ.3SG POSS.3SG гость-SUPER или NEG
ба-ууæнд-а?
 PREF-верить.PRS-CONJ.3SG
 ‘Мухарбег некоторое время стоял молча — поверить ему гостю или не поверить?’ (Мах дуг. № 3. 2003).

Отрицательная частица *ма* в простом предложении не может употребляться с предикатом в форме контрафактива или оптатива. Однако заметим, что в осетинском существует омонимичная ей эмфатическая энклитика *ма*, которая может употребляться в предложениях с предикатом в любом наклонении. Ниже приводится пример, где невозможна интерпретация *ма* как отрицательной частицы:

- (2) *Ныр-ы хуызæн сарыстыр-æй ма кæс-ид?*
 сейчас-GEN подобный гордый-AVL EMPH смотреть.PRS-OPT.3SG
 ‘Смотрела бы она еще свысока так же, как сейчас?’ / ‘Она бы не смотрела свысока так же, как сейчас?’ (Мах дуг. № 7. 2006).

В сложных предложениях, а также в случае нефинитного глагола могут употребляться обе частицы отрицания. Распределение *на* и *ма* в этих случаях требует специального исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

5. Сложные глаголы

В настоящей работе под сложными глаголами понимаются словосочетания, состоящие из имени и глагола, характеризующиеся следующими свойствами: непереставимость (не допускается перестановка компонентов сложного глагола), неразрывность (между именной и глагольной частью сложного глагола не могут вставляться другие автономные языковые элементы), цельнооформленность (в случае сложного глагола преверб и отрицание находятся перед его именной компонентой, личные окончания присоединяются к его глагольной компоненте; в случае же сочетания глагола и неоформленного дополнения преверб и отрицание присоединяются непосредственно к глаголу), единое ударение. Ниже приведены примеры, где в одном случае употребляется простой глагол и дополнение, а в другом — сложный глагол:

- (3) *кардзын с-код-т-а*
 хлеб PREF-делать.PST-TR-PST.3SG
 ‘Он приготовил хлеб’ [Абаев 1959, 90].
 (имя и простой глагол);
- (4) *с-арт код-т-а*
 PREF-огонь делать.PST-TR-PST.3SG
 ‘Он развел огонь’ [Абаев 1959, 90].
 (сложный глагол);
- (5) *кардзын на кæн-ы*
 хлеб NEG делать.PRS-PRS.3SG
 ‘Он не готовит хлеба’ [Абаев 1959, 90].
 (имя и простой глагол);
- (6) *на арт кæн-ы*
 NEG огонь делать.PRS-PRS.3SG
 ‘Он не разводит огня’ [Абаев 1959, 90].
 (сложный глагол).

В качестве глагольной компоненты обычно используются глаголы *кæнын* ‘делать’, *уæвын* ‘быть’ и *ласын* ‘тащить’ (последний глагол используется реже первых двух).

В. И. Абаев [1959, 90], а также П. В. Гращенков [2010, 127] отмечают, что в случае беспревербного сложного глагола со вспомогательным глаголом *кæнын* ‘делать’ значение может быть как переходным, так и непереходным. Например, *иу кæнын* (букв. «один делать») ‘объединять’, ‘объединяться’. Однако у превербного сложного глагола, допускающего переходное и непереходное прочте-

ние, вспомогательный глагол *кæнын* ‘делать’ употребляется только для выражения переходного значения, а вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ — только для передачи непереходного значения. Например, *рох кæнын* (букв. «забытый делать») ‘забывать’, ‘забываться’, *фæ-рох код-т-он* (PREF-забытый делать.PST-TR-PST.1SG) ‘я забыл’, *фæ-рох дæн* (PREF-забытый быть.PRS.1SG) ‘я забыт’.

Вспомогательный глагол *ласын* ‘тащить’ употребляется, как правило, в сложных глаголах со звукоподражательной именной компонентой. Возможно употребление *ласын* и с другими именами: *фæ-гуыбыр ласын* (PREF-согнутый тащить) ‘склонить’ (например, голову). Как кажется, во всех случаях вспомогательный глагол *ласын* ‘тащить’ может быть заменен глаголом *кæнын* ‘делать’¹³.

Глагольными компонентами сложных глаголов могут быть также следующие глаголы: *дарын* ‘держат’, *кæсын* ‘смотреть’, *марын* ‘убивать’, *мæлын* ‘умирать’. Однако образование сложных глаголов с их помощью является непродуктивным. Все сложные глаголы с перечисленными выше простыми глаголами представляют собой единичные застывшие глагольно-именные словосочетания. Например, со вспомогательным глаголом *кæсын* ‘смотреть’ обнаружен только один сложный глагол — *æнхъæл-мæ кæсын* (надежда-ALL смотреть) ‘ждать’; в качестве именной компоненты сложного глагола с *марын* ‘убивать’ могут употребляться только слова со значением ‘мучение, страдание’, ‘обида, горе’, например, *тухæн-æй марын* (мучение-ABL убивать) ‘заставить страдать, мучить’ (букв.: «мучением убивать»).

В качестве именной компоненты сложного глагола могут выступать существительные (*с-ахуыр кæн-ын* (PREF-учение делать.PRS-INF) ‘обучить’), прилагательные (*с-урс уæв-ын* (PREF-белый быть.PRS-INF) ‘поседеть’), числительные (*ба-иу кæн-ын* (PREF-один делать.PRS-INF) ‘объединить’), инфинитивная форма глагола (при образовании аналитического каузатива, например, *ныф-фысс-ын кæн-ын* (PREF-писать.PRS-INF делать.PRS-INF) ‘заставить написать’ (см. раздел 6), а также разные причастия — например, причастие

¹³ Определение семантических особенностей *ласын* и *кæнын* при их употреблении в качестве глагольной компоненты сложного глагола требует отдельного исследования. Отмечено, что «заменяя глагол *кæнын*, *ласын* придает действию интенсивность, а всему выражению особую экспрессивность. Именно поэтому он чаще всего образует составной глагол с звукоподражательно-образительными словами в именной части» [Цаболов 1964, 119].

на -*гæ* (*ба-зон-гæ кæн-ын* (PREF-знать.PRS-PART делать.PRS-INF) ‘познакомить’), причастие прошедшего времени (*фæ-мард кæн-ын* (PREF-убивать.PART.PST делать.PRS-INF) ‘убить’), причастие на -*æг* (главным образом со вспомогательным глаголом *уæвын* ‘быть’ — например, *фæ-лидз-æг уæв-ын* (PREF-убегать.PRS-SUF быть.PRS-INF) ‘пуститься в бегство’). Примеры образования сложных глаголов с причастием на -*æг* и вспомогательным глаголом *кæнын* в нашем корпусе единичны — например: *Иу-афон Грис йæ-хи фæ-цæу-æг код-т-а* (один-время Гриш POSS.3SG-RFL.GEN PREF-идти.PRS-SUF делать.PST-TR-PST.3SG) ‘В какой-то момент Гриш сделал вид, что собрался идти’ (Мах дуг. 2008. № 7).

К именной компоненте сложных глаголов может присоединяться показатель множественного числа¹⁴, который в данном случае обеспечивает мультипликативное прочтение. Например:

- (7) *Мах ахуыр-гæн-æдж-ы ба-фæрст-ытæ код-т-ам*
мы учение-делать.PRS-SUF-GEN PREF-вопрос-PL.NOM делать.PST-TR-PST.1PL
‘Мы спросили (несколько раз) учителя’ [Багаев 1965, 338].

К именной компоненте сложного глагола может присоединяться показатель сравнительной степени¹⁵. Например:

- (8) *уыдон куы-нæ фæ-тагъд-дæр код-т-аиккой, уæд...*
они если-NEG PREF-быстрый-COMPAR делать.PST-TR-CNTRE.3PL то
‘Если бы они не поторопились, то...’ (Мах дуг. 2001. № 6. С. 59).

- (9) *Мах нæ цард фæ-хуыздæр код-т-ам*
мы POSS.1PL жизнь PREF-хороший-COMPAR делать.PST-TR-PST.1PL
‘Мы улучшили нашу жизнь’.

Именная компонента сложного глагола не может изменяться по падежам (за исключением экватива), однако в функции именной компоненты может выступать имя в косвенном падеже. Такие сложные глаголы с именной компонентой в косвенном падеже представляют собой закрытый класс глагольно-именных словосочетаний, которые в современном языке по своим свойствам ничем не отличаются от сложных глаголов с именной компонентой

¹⁴ Такое употребление показателя множественного числа отмечается и в других иранских языках, например, в персидском [Вьдрин 2006, 58].

¹⁵ Показатель сравнительной степени -*дæр* в осетинском языке может присоединяться как к прилагательным (*зын* ‘трудный’ — *зын-дæр* ‘более трудный’), так и к существительным (*лæг* ‘мужчина’ — *лæг-дæр* ‘более мужественный’ (букв. ‘больше мужчина’)).

в прямом падеже. Ниже представлен пример, где употребляется сложный глагол *тухæнæй марын* 'мучить'.

- (10) *Бирæ йæ фæ-тухæн-æй мард-т-ой,*
 много 3SG.ENCL.GEN PREF-мучение-AVL убивать.PST-TR-PST.3PL
стæй йæ фæ-хст-ой...
 потом 3SG.ENCL.GEN PREF-стрелять.PST-TR-PST.3PL
 'Они долго его мучили, а затем расстреляли' (Мах дуг. 2001. № 3. С. 69).

Единственным падежом, который может свободно присоединяться к именной компоненте сложного глагола является экватив (-*ау*). В данном случае экватив сохраняет свое исходное значение сравнения¹⁶. Например (сложный глагол с эквативным показателем выделен полужирным):

- (11) *Уæд-дæр дзырд куыд фæ-цæй-вæйй-ы,*
 то-FOC слово как PREF-IMPF-быть.НАВ-PRS.3SG
хабæр-ттæ-гонд, афтæ йæм хæфс-ы буар-ау
 новость-PL.NOM-делать.PART.PST так 3SG.ENCL.ALL лягушка-GEN тело-EQU
уазал тас ба-внал-ы, с-тыхс-æг-ау
 холодный страх PREF-трогать.PRS-PRS.3SG PREF-вить.ся.PRS-SUF-EQU
кæн-ы: *фаг хорз, фаг арахстджын нæ*
 делать.PRS-PRS.3SG достаточный хороший достаточный умелый NEG
дзырд-т-он, нæ код-т-он мæ хабæр-ттæ
 говорить.PST-TR-PST.1SG NEG делать.PST-TR-PST.1SG POSS.1SG новость-PL.NOM
 'И все-таки когда он заканчивает разговор, свой рассказ о новостях, так к нему, словно лягушачье тело, холодный страх прикасается, обвивается вокруг: я не говорил, я не рассказал свои новости достаточно хорошо, достаточно интересно' (Гусалов Б. М. И. воздастся каждому. Владикавказ: ИП, 2003. С. 179).

При контактном употреблении нескольких сложных глаголов с одинаковой глагольной компонентой у первого сложного глагола обычно опускается вспомогательный глагол. Ниже дан пример, где употребляются сложные глаголы *схиз-æрхиз кæнын* 'подниматься-спускаться' и *сгæпп-æргæпп кæнын* 'запрыгивать-спрыгивать':

- (12) *Сынтæджы-тæ-нарæ-т-ыл ма цу уæгъд бынат уыд,*
 кровать-PL.NOM-нары-PL-SUPER EMPN один свободный место быть.PST.3SG
æмæ уый дæр уаллаг хуыссæнуат, зын ын уыдзæн
 и 3SG FOC верхний постель трудный 3SG.ENCL.DAT быть. FUT.3SG
ай-гъай-дæр, с-хиз-æр-хиз, с-гæпп-æр-гæпп
 конечно, 2-FOC PREF-лезть.PRS-PREF-лезть.PRS PREF-прыжок-PREF-прыжок

¹⁶ Еще одним способом выражения сравнительного значения в осетинском языке является конструкция с причастием прошедшего времени, объектом сравнения в форме генитива и вспомогательным глаголом *кæнын* 'делать'. Об этом см. в разделе 10.1.

кæн-ын
 делать.PRS-INF

'На лежачих нарах еще было одно свободное место, и это (было) верхнее спальное место — тяжело ему будет, конечно, подниматься-спускаться, запрыгивать-спрыгивать' (Гусалов Б. М. И. воздастся каждому. Владикавказ: ИП, 2003).

В случае, если у двух сочиненных сложных глаголов используются разные глагольные компоненты, эллипсис глагольной компоненты у первого сложного глагола также возможен. Ниже дан пример, где употребляются сложные глаголы *ныттымбыл уæвын* 'разрастись' и *амыггаг кæнын* 'размножиться' (букв. «посыпать семена»):

- (13) *Æхсæлы къул-ы лабырд ных-хацæд, ныт-тымбыл,*
 можжевельник склон-GEN обрыв PREF-хвататься.PST.3SG PREF-круглый
а-мыггаг код-т-а дæлама, уæлама, фæрсырдаем.
 PREF-семя делать.PST-TR-PST.3SG вниз вверх в сторону
 'Можжевельник закрепился в трещине скалы, размножился, разросся во все стороны (букв. «вниз, вверх, в сторону）」 (Мах дуг. 2007. № 1. С. 8).

Между именной и глагольной компонентами сложного глагола могут вставляться только энклитические местоимения и энклитические частицы *иу* (частица выражает «повторность действия» [Абаев 1959, 106] или «многократность, обычность действия» [Ахвледиани 1963, 247]), *та* (контрастивная частица) и *ма* (эмфатическая частица). Приведем пример на употребление одной из частиц внутри сложного глагола.

- (14) *А-хуытп та код-т-а сæн*
 PREF-глоток CONTR делать.PST-TR-PST.3SG вино
 'Он опять отхлебнул вина' (Мах дуг. 2001, № 10. С. 53).

Личные местоименные энклитики, обычно занимающие в предложении вторую позицию (об этих клитиках и их отличиях от possessивных проклитик см.: Erschler 2009), при употреблении сложного глагола в начале предложения обязательно ставятся между именной и глагольной компонентами. Между именной и глагольной компонентами сложного глагола возможна также вставка одновременно энклитического местоимения и энклитической частицы (15) или нескольких энклитических местоимений (16).

- (15) *Æрба-хъæбыс та сæ код-т-а*
 PREF-объятие CONTR 3PL.ENCL.GEN делать.PST-TR-PST.3SG
 'Он опять обнял их' (Гусалов Б. М. И. воздастся каждому. Владикавказ: ИП, 2003. С. 18).

(16) *Ба-лæвар дын æй код-т-он*
 PREF-подарок 2SG.ENCL.DAT 3SG.ENCL.GEN делать.PST-TR-PST.1SG
 'Я подарил тебе это'.

Возможность вставки энклитик внутрь сложных глаголов показывает, что осетинские сложные глаголы представляют собой именно словосочетания (характеризующиеся высокой степенью морфосинтаксического и акцентологического единства), а не цельные слова.

В осетинском языке, так же как и во многих других иранских языках¹⁷, сложные глаголы являются единственным продуктивным механизмом образования новых глагольных лексем (ср., например, такие неологизмы, как *автоматизаци кæнын* 'автоматизировать', *агитаци кæнын* 'агитировать', *ба-бунт кæнын* (PREF-бунт делать) 'побунтовать, взбунтовать', 'поспорить').

6. Каузативные глаголы

Казуатив в осетинском языке обычно образуется аналитически — с помощью вспомогательного глагола *кæнын* 'делать', изменяющегося по лицам, числам, временам и наклонениям (основной глагол при этом ставится в форму инфинитива). Например: *бадын* 'сидеть' — *бадын кæнын* 'сажать', *фыссын* 'писать' — *фыссын кæнын* 'заставлять писать'.

У отдельных глаголов каузатив может образовываться чередованием гласных в основе (например, *марын* 'убивать' — *мæлын* 'умирать', *калын* 'проливать, разливать' — *кæлын* 'литься'), которое у некоторых глаголов сопровождается также чередованием согласных и/или вставкой дополнительных согласных (например, *тавын* 'греть' — *тæфсын* 'согреваться', *удайын* 'мочить' — *удæсын* 'мокнуть'). Отметим, что от глаголов, образующих каузатив чередованием гласных, возможно также образование аналитического каузатива (ср. *тæфсын* 'согреваться' — *тæфсын кæнын* 'согревать'; *Тæфс-ын æй кæн-дзынæ* (согреваться.PRS-INF 3SG.ENCL.GEN делать.PRS-FUT.2SG) 'Будешь ее согревать' (Казиев М. Я верю. Владикавказ: ИП, 2005)).

¹⁷ Например, в персидском (более подробно см.: Выдрин 2006; Samvelian 2012).

У каузативных глаголов, образованных аналитическим путем, каузатор всегда маркируется номинативом и согласуется в лице и числе с глаголом *кæнын* 'делать'; каузируемый маркируется генитивом (при непереходном глаголе каузируемой ситуации) или дативом (при переходном глаголе каузируемой ситуации). Например:

(17) *Уæд та сæ мæнæ æддейы*
 тогда CONTR 3PL.ENCL.GEN вот снаружи
а-бад-ын кæн-æм
 PREF-сидеть.PRS-INF делать.PRS-IMP.1PL
 'Давай тогда мы их попросим посидеть во дворе' (букв. «снаружи») [Ахвледиани 1963, 265].

(18) *Мад йæ чызг-æн с-кæн-ын код-т-а*
 мать POSS.3SG дочь-DAT PREF-делать.PRS-INF делать.PST-TR-PST.3SG
ног кæба
 новый платье
 'Мать заставила дочь надеть новое платье' [Багаев 1965, 340].

Возможно образование каузатива от уже каузативной конструкции с глаголом *кæнын* 'делать', т. е. образование двойного каузатива. Например:

(19) *Директор ахуыр-гæн-æг-æн скъоладзау-т-ы*
 директор учение-делать.PRS-SUF-DAT школьник-PL-GEN
с-бад-ын кæн-ын код-т-а
 PREF-сидеть.PRS-INF делать.PRS-INF делать.PST-TR-PST.3SG
 'Директор попросил учителя посадить учащихся'.

При образовании аналитического каузатива от простого глагола преверб может присоединяться как к простому глаголу, так и к вспомогательному глаголу *кæнын* 'делать'. В первом случае превербный глагол и вспомогательный глагол *кæнын* 'делать' морфосинтаксически являются сложным глаголом. При образовании аналитического каузатива от сложного глагола преверб может присоединяться только к именной части сложного глагола или к основному глаголу; преверб в данном случае не может присоединяться к каузативному вспомогательному глаголу *кæнын* 'делать'.

7. Пассивные конструкции

7.1. ОСНОВНАЯ ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Основная пассивная конструкция, упоминающаяся в грамматиках (см. прежде всего: Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965), состоит из причастия прошедшего времени смыслового глагола и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть', *цæуын* 'идти' или хабитуального глагола бытия *вæййын*¹⁸; агентивное дополнение при этом маркируется аблативом¹⁹ (21)–(22). В исходной конструкции используется финитный глагол, который согласуется с агенсом в лице и числе; агенс при этом маркируется номинативом, а пациент получает маркирование от глагола (20).

Выбор вспомогательного глагола в пассивной конструкции задается аспектуально-временной характеристикой предложения (21)–(22).

Исходная конструкция:

- (20) *Кусджы-тæ хæдзар араэст-ой /араз-ынц*
рабочий-PL.NOM дом строить.PST-TR.PST.3SG /строить.PRS-PRS.3PL
'Рабочие построили / строят дом.'

Основная пассивная конструкция:

- (21) *Хæдзар араэст у кусджы-т-ы амал-æй*
дом делать.PART.PST быть.PRS.3SG рабочий-PL-GEN средство-ABL
'Дом построен силами рабочих.'
- (22) *Хæдзар араэст цæу-ы кусджы-т-ы амал-æй*
дом делать.PART.PST идти.PRS-PRS.3SG средство-ABL рабочий-PL-GEN
'Дом строится силами рабочих.'

Основная пассивная конструкция образуется главным образом от семантически, синтаксически и морфологически переходных

¹⁸ Этот глагол имеет только форму настоящего времени индикатива.

¹⁹ Согласно грамматикам, аблатив в осетинском, помимо указанной функции маркирования агентивного дополнения, используется для выражения следующих значений [Абаев 1959, 27–28]: а) исходное место, время, среда (*арв-æй зæх-мæ* 'от неба до земли' (небо-ABL земля-ALL)); б) орудие, материал, причина (*фæрæст-æй амай-ын* 'тесать топором' (топор-ABL тесать.PRS-INF); *дур-æй маesyг с-амад-т-а* 'из камня он воздвигнул башню' (камень-ABL башня PREF-строить.PST-TR-PST.3SG)); в) наречие (*дзæбæх-æй* 'хорошо' (хороший-ABL)); г) вторичная предикация (*Мæрд-æй дæр дæ кæстæр-т-ыл хорз-мæ ауд* букв. 'Мертвым же хорошо позаботиться о своих младших' (мертвый-ABL FOC POSS.2SG младший-PL-SUPER хороший-ALL заботиться.IMP.2SG)).

глаголов. В текстах мне не встречались контрпримеры, однако некоторые информанты разрешают образование пассива от морфологически непреходных глаголов. Так, в приведенном ниже примере употребляется морфологически непреходный глагол *кæсын* 'читать' (*кæстæн* (читать.PST.INTR.1SG) 'я прочитал'):

- (23) *Ацы чингуы-тæ мæ кæст уыдысты*
этот книга-PL.NOM 1SG.ENCL.ABL читать.PART.PST быть.PST.3PL
'Эти книги прочитаны мной'²⁰.

У конструкции не обнаружено ограничений, связанных с выражением агентивного дополнения, позицией агентивного дополнения (ср. пример ниже, где агентивное дополнение находится в позиции перед предикатом), временем или наклонением вспомогательного глагола или полярностью.

- (24) *йæ диссадж-ы стыр амонд йæ рæсугъд цæсгом-ыл*
POSS.3SG чудо-GEN большой счастье POSS.3SG красивый лицо-SUPER
хур-ы тын-т-æй фыст у...
солнце-GEN луч-PL-ABL писать.PART.PST быть.PRS.3SG
букв. 'его прекрасное, огромное счастье было написано лучами солнца на его лице' (Мах дуг. 2001. № 5. С. 95).

7.2. ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ПРИЧАСТИЕМ НА -ГÆ

Единственной известной мне работой, в которой кратко упоминается пассивная конструкция с причастием на *-гæ*, является грамматика Н. К. Багаева [1965, 341–342]. Эта пассивная конструкция состоит из причастия на *-гæ* и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть' (или хабитуального глагола бытия *вæййын*), который согласуется в лице и числе с пациентом. В пассивной конструкции с причастием на *-гæ* агентивное дополнение, так же как и в основной пассивной конструкции, маркируется аблативом. Например:

- (25) *Хуыцау, не ттæт дæр дæ рат-гæ стæм*
Бог POSS.1PL весь FOC 2SG.ENCL.ABL дать.PRS-PART быть.PRS.1PL
'Господи, мы все Тобой созданы' (Казиев М. Я. верю. Владикавказ: ИП, 2005. С. 208).
- (26) *Сюжет кæн-гæ у Афæхъо-йæ*
сюжет делать.PRS-PART быть.PRS.3SG Афако-ABL
'Сюжет создан Афако' (Мах дуг. 2002. № 8. С. 127).

²⁰ Пример получен от жительницы с. Гизель, Пригородный район Северной Осетии.

Исходным для пассивной конструкции с причастием на *-гæ* является предложение с перифрастическим глагольным словосочетанием, состоящим из причастия на *-гæ* и вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’ (более подробно эти перифрастические словосочетания рассматриваются в разделе 10.2). Например:

(27) *Мæ лаг йæ цард-цæр-æн-бон-т-ы*
 POSS.1SG человек POSS.3SG жизнь-жить.PRS-NMLZ-день-PL-INESS
нуаз-гæ код-т-а
 пить.PRS-PART делать.PST-TR-PST.3SG
 ‘Пил мой муж всю свою жизнь’ (Мах дуг. 2001. № 4. С. 131).

Данная пассивная конструкция, так же как и основная пассивная конструкция, образуется главным образом от семантически, синтаксически и морфологически переходных глаголов. У конструкции не обнаружено ограничений, связанных с выражением агентивного дополнения, позицией агентивного дополнения, временем или наклонением вспомогательного глагола или полярностью. Выявление семантических различий между пассивной конструкцией с формой на *-гæ* и основной пассивной конструкцией требует отдельного исследования.

7.3. МОДАЛЬНО-ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В осетинском языке существует три модальных конструкции, у которых вспомогательный глагол согласуется с пациентивным участником: фацитивно-дифицитивная конструкция, конструкция деонтической необходимости и пассивно-долженствительная конструкция. Кратко рассмотрим эти конструкции, после чего обратимся к вопросу об особенностях пассивных и модально-пассивных конструкций.

7.3.1. Фацитивно-дифицитивная конструкция²¹

Фацитивно-дифицитивная конструкция не упоминается в грамматиках и грамматических исследованиях осетинского языка. Конструкция состоит из отглагольного имени на *-æн* (более подробно об этой форме см. раздел 10.4), имени *зын* ‘трудность’;

²¹ Конструкция называется фацитивно-дифицитивной от лат. *facilis* ‘легкий’ и *difficilis* ‘трудный’.

‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’, ‘удобный’ и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ (или вспомогательного хабитуального глагола бытия *вæййын*). При переходном глаголе вспомогательный глагол согласуется с пациентивным участником, а агентивный участник маркируется дативом (28)–(29). При непереходном глаголе единственный участник (который может быть как агентивным, так и пациентивным) маркируется дативом (30). В зависимости от того, какое из двух прилагательных употребляется, конструкция передает значение ‘легко / трудно сделать’, (ср. (28) и (29)). (Более подробно см.: Выдрин (в печати)).

(28) *Нæл фыс-ы дымæг-ау æнцон кæрд-æн сты*
 самец баран-GEN курдюк-EQU легкий резать.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
 ‘Их легко резать как бараний курдюк’ [Абаев 1959, 112].

(29) *Ацы фыс-тæ нын зын æрц-ахс-æн*
 этот баран-PL.NOM 1PL.ENCL.DAT трудный PREF-ловить.PRS-NMLZ
сты
 быть.PRS.3PL
 ‘Нам трудно поймать этих баранов’.

(30) *Æнæ дау мын зын цæр-æн у*
 без ты.GEN 1SG.ENCL.DAT трудный жить.PRS-NMLZ быть.PRS.3SG
 ‘Без тебя мне трудно живется’ (Кокаев Т. А. Небесный ключ. Владикавказ, 2004. С. 91).

7.3.2. Конструкция деонтической необходимости

Конструкция деонтической необходимости состоит из причастия на *-гæ* или конверба на *-гæйæ* (более подробно про это формы см. разделы 10.2 и 10.3) и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ или хабитуального глагола бытия *вæййын*. Распределение форм на *-гæ* и *-гæйæ* зависит от переходности глагола. При переходном глаголе используется только причастие на *-гæ*, при этом согласование вспомогательного глагола происходит с пациентивным участником, а агентивный участник маркируется дативом (31). При непереходном глаголе может использоваться как причастие на *-гæ*, так и конверб на *-гæйæ*; при этом вспомогательный глагол всегда находится в форме 3SG, а единственный участник маркируется дативом (32).

(31) *Мæнæн ацы чингуы-тæ хæс-гæ сты*
 я.DAT этот книга-PL.NOM нести.PRS-PART быть.PRS.3PL
 ‘Мне нужно отнести эти книги’.

(32) *Дæуæн дæр цæу-гæ / цæу-гæйæ²² у*
 ты.DAT ФОС идти.PRS-PART идти.PRS-CONV быть.PRS.3SG
картоф кæах-ын-мæ
 картошка копать.PRS-INF-ALL
 ‘Тебе тоже нужно идти копать картошку.’

Конструкция деонтической необходимости отмечается в грамматике В.И. Абаева [1959, 65–66], хотя автор грамматики не приводит примеров на употребление в этой конструкции форм на *-гæ*. В работе Ф.Д. Техова [Техов 1970] конструкция рассматривается несколько подробнее, тем не менее, за рамками монографии Техова остался вопрос о распределении форм на *-гæ* и *-гæйæ* в этой конструкции, а также семантика и происхождение самой конструкции. (Более подробно см.: Выдрин 2011б.)

7.3.3. Пассивно-долженствовательная конструкция

Эта конструкция кратко упоминается (как одна из пассивных конструкций) только в грамматике Н.К. Багаева [1965, 341–342, 352]. (Более подробно о ней см.: Выдрин 2011б.)

Пассивно-долженствовательная конструкция состоит из причастия будущего времени на *-аг* (см. раздел 10.6), образованного обычно от морфологически переходного глагола (см., однако, пример (34), где употребляется морфологически непереходный глагол *кæсын* ‘читать’) и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ или хабитуального глагола бытия *вæййын*, согласующегося с пациенсом в лице и числе; агенс при этом маркируется дативом. Например:

(33) *Мæ бон цæу-ын нæ а-уыдзæн, горæт-мæ сымахæн*
 POSS.1SG сила идти.PRS-INF NEG PREF-быть.FUT.1SG город-ALL вы.DAT
уыдзынæн хæсс-ин-аг
 быть.FUT.1SG нести.PRS-INF-SUF
 ‘Я не смогу идти, вам придется нести меня до города’ (http://allingvo.ru/PROSE/matteo_falkone.htm).

(34) *Мæнæн ацы чиныг кæс-ин-аг вæйй-ы*
 я.DAT этот книга читать.PRS-INF-SUF быть.NAV-PRS.3SG
 ‘Эту книгу мне бывает нужно читать.’

²² Нужно отметить, что употребление конверба на *-гæйæ* в этом предложении допускается не во всех говорах иронского диалекта. Например, в с. Даргавс, Пригородный район Северной Осетии, разрешаются оба варианта примера (32); однако информант из г. Алагир, Северная Осетия, считает, что в данном случае можно употребить только причастие на *-гæ*.

Конструкция передает прежде всего значение внешней необходимости (см. (33)). Возможно также употребление этой конструкции в значении деонтической необходимости:

(35) *æцæгæлон хъæу-ы цæр-ын-ы уавæр-тæ рагацау*
 чужой деревня-GEN жить.PRS-INF-GEN условие-PL.NOM заранее
хыны-ин-аг сты алкæмæн дæр
 учитывать.PRS-INF-SUF быть.PRS.3PL каждый.DAT ФОС
 ‘каждый должен учитывать условия жизни в чужой деревне’ (Мах дуг. 2003. №9. С. 25).

Пассивно-долженствовательная конструкция внешне похожа на проспективную конструкцию, в которой также используется причастие будущего времени и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ (см. раздел 10.6), однако отличается от нее морфосинтаксически: в проспективной конструкции вспомогательный глагол согласуется с агентивным участником, который маркируется номинативом.

При употреблении пассивно-долженствовательной конструкции с эксплицитно невыраженным агенсом и при пациенсе в 3SG иногда возникает семантическая неоднозначность (проспективное значение или значение внешней необходимости). Например:

(36) *Ирон æвзаг ахуыр кæн-ин-аг у*
 осетинский язык учение делать.PRS-INF-SUF быть.PRS.3SG
 ‘Осетинский язык нужно изучать’ / ‘Он собирается изучать осетинский язык.’

Происхождение пассивно-долженствовательной конструкции до конца неясно. Вероятно, оно связано с грамматикализацией проспективной конструкции. Хотя грамматикализация проспективных показателей и их возможная связь с модальными значениями в типологическом ключе практически не изучалась (что объясняет отсутствие проспективного значения (be about to) среди предмодальных на семантической карте модальности Й. ван дер Ауверы и В. Плунгяна [van der Auwera, Plungian 1998]), представляется, что наиболее естественным развитием проспективного значения является его эволюция в значение эпистемической оценки. Действительно, если употребление конструкции или показателя связано с выражением значения подготовки к действию, эта конструкция или показатель при дальнейшей грамматикализации может начать выражать значение оценки говорящим правдоподоб-

ности осуществления действия (эпистемическая модальность). Можно было бы предположить, что развитие внешней необходимости у пассивно-долженствительной конструкции в осетинском языке происходило не непосредственно из проспективной, а через эпистемическое значение необходимости. Однако развитие динамической модальности из эпистемической ранее не было засвидетельствовано в типологии модальности [van der Auwera, Plungian 1998], что сильно снижает вероятность именно такого сценария развития значения внешней необходимости из проспективного. Скорее всего, значение внешней необходимости развилось в осетинском языке непосредственно из проспективного.

7.3.4. Особенности модально-пассивных конструкций

Модально-пассивные конструкции, так же как пассивные конструкции, состоят из отглагольного деривата смыслового глагола (форма на *-æн*, причастия на *-гæ* или причастия будущего времени на *-аг*) и вспомогательного глагола. Однако агентивный участник в этих конструкциях маркируется дативом²³, а не аблативом как в модально нейтральных пассивных конструкциях. В модальных конструкциях в качестве вспомогательного могут употребляться только два глагола — *уæвын* ‘быть’ или хабитуальный глагол бытия *вæййын* (употребление же вспомогательного глагола *цæуын* ‘идти’ невозможно). Только пассивно-долженствительная конструк-

²³ Датив в осетинском языке используется для маркирования: адресата, субъекта каузируемой от переходного глагола ситуации (см. выше в разделе 6); обладателя в специальной посессивной конструкции с посессивным местоимением, кореферентным обладателю (*лæг-æн йæ куыст* (мужчина-ДАТ POSS.3SG работа) ‘работа мужчины’); обладателя в конструкции неотчуждаемой принадлежности [Belyaev 2010, 315] (см. пример ниже); цели (в равносубъектной конструкции — датив в этом случае маркирует инфинитивную форму глагола, выражающего цель — см. раздел 10.5, пример (75)). Датив может использоваться также в распределительном значении (*лæг-æн джиранка нам хауд-ис* (человек-ДАТ фунт 1PL.ENCL.ALL падать.PST-PST.3SG) ‘Нам досталось по фунту на человека’).

(37) *Сымах ма мын уыдыстут, ныр та мын*
 вы EMPH 1SG.ENCL.DAT быть.PST.2PL сейчас CONTR 1SG.ENCL.DAT
ничи-уал и
 никто-больше EHT
 ‘У меня были только вы, а теперь никого не осталось.’

ция, так же как и модально нейтральные пассивные конструкции, образуется исключительно от переходных глаголов. Фацитивно-дифицитивная конструкция и конструкция деонтической необходимости могут образовываться как от переходных, так и от непереходных глаголов (в последнем случае единственный участник ситуации маркируется дативом).

Ни одна из модально-пассивных конструкций осетинского языка не имеет ограничений, связанных с невозможностью выражения агентивного дополнения или обязательным употреблением / неупотреблением отрицания. Употребление наречий в модально-пассивных конструкциях также не является обязательным. Однако в фацитивно-дифицитивной конструкции обязательно употребляются имена *зын* ‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’.

8. Субъектный имперсонал

Безличная форма глагола (или, более точно, субъектный имперсонал [Холодович 1979; Плунгян 2000, 217–219]) образуется с помощью специализированного суффикса *-æ*²⁴, который присоединяется к причастию прошедшего времени²⁵, и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ в форме 3SG (см. пример ниже). Имперсонал редко употребляется в устной речи. В нашем корпусе письменных

²⁴ Суффикс *-æ*, участвующий в образовании имперсонала, не используется ни в каких других глагольных формах. Грамматики связывают происхождение суффикса с гласным окончанием иранского причастия прошедшего времени на *-ta* [Ахвледиани 1963, 229]. Однако, как мы видели в разделе 2, формы прошедшего времени и контрафактива также образованы по схеме: древнее причастие на *-ta* + личные формы вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’; при этом конечный гласный древнего причастия во всех случаях отпал. Сохранение гласного окончания причастия на *-ta* в имперсонале и его потеря во всех других глагольных формах представляется сомнительным. Выяснение происхождения суффикса *-æ* требует отдельного исследования.

²⁵ При этом у двух глаголов, формы причастия прошедшего времени которых оканчиваются на *-онд*, при образовании имперсонала происходят фонологические чередования: у глагола *кæнын* ‘делать’ причастие прошедшего времени имеет форму *конд*, но при субъектном имперсонале используется основа *чынд*; у глагола *амонын* ‘указывать’ причастие прошедшего времени выглядит как *амонд*, однако в случае субъектного имперсонала используется основа *амынд*; у глагола *зоннын* ‘знать’ причастие прошедшего времени выглядит как *зонд*, а форма, используемая при образовании имперсонала, — *зынд*. Более подробно о причастиях прошедшего времени см. раздел 10.1.

текстов иронского диалекта отмечается только 3 употребления глагольного имперсонала. Тем не менее, в письменном языке имперсонал встречается не так редко. В орфографии осетинского языка вспомогательный глагол часто пишется слитно со смысловым глаголом. Отдельно нужно отметить, что при употреблении субъектного имперсонала в настоящем времени индикатива глагол *уæвын* имеет форму *уы*, а не *у*, как в других случаях употребления данного глагола в настоящем времени 3SG (см. табл. 8). Например:

- (38) *Дзæгъæл-ы нæ загъд-æ-уы:*
 бесполезный-GEN NEG говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 «Зонд кæм нæ ахад-ы, уым къух-тæ
 ум где NEG иметь.значение.PRS-PRS.3SG там рука-PL.NOM
 тымбыл кæн-ынци»
 круглый делать.PRS-PRS.3PL
 'Не зря говорят: «Там, где ум не участвует, там в ход идет сила» (букв. «руки все комкают»)» (Мах дуг. 2002. № 6. С. 92).

Энклитические местоимения в случае имперсонала, образованного от превербного глагола, могут стоять как после вспомогательного глагола *уæвын* 'быть', так и между причастием прошедшего времени и вспомогательным глаголом *уæвын*. Например: *фæ-хабар нæм чынд-æ-уыди* (PREF-новость 1PL.ENCL.ALL делать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG) 'нас известили' и с тем же значением: *фæ-хабар чынд-æ-уыди нæм* (PREF-новость делать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG 1PL.ENCL.ALL). Такое поведение энклитических местоимений отличает формы имперсонала от других финитных форм сложных глаголов, у которых энклитические местоимения не могут присоединяться к глагольной компоненте (см. раздел 5).

Вспомогательный глагол может изменяться по всем временам и наклонениям, включая императив. Ниже приводятся несколько примеров на субъектный имперсонал со вспомогательным глаголом в форме императива. В таких случаях императив передает значение пожелания.

- (39) *Ды цы хæдзар-æй ра-цыд-тæ, уымæй ма-куы*
 ты что дом-ABL PREF-идти.PST-PST.2SG он.AVL NEG-когда
ма-цы загъд-æ-уæд!
 NEG-что говорить.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
 'Пусть ничего никогда не будет сказано о доме, из которого ты вышел! (проклятие; Айларов И., Гаджинова Р., Кцоев Р. Пословицы. Владикавказ: ИР, 2005. С. 644).

- (40) *Уæлмæрд-т-æм дæ ма*
 могила-PL-ALL 2SG.ENCL.GEN NEG
ба-уæгъд-æ-уæд!
 PREF-позволять.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
 'Чтоб тебя не пустили в могилу!' (Мах дуг. 2001. № 3. С. 108).

Образование субъектного имперсонала возможно как от переходных, так и от непереходных глаголов. Однако образование форм имперсонала от семантически непереходных глаголов встречается значительно реже, чем от переходных. При количественном подсчете выяснилось, что из 100 примеров выборки имперсонал от семантически непереходных глаголов встречается только в шести примерах²⁶. Наиболее частотным одноактантным глаголом, употребляющимся в форме имперсонала, является глагол *цæуын* 'идти' (42); также нередко встречается имперсонал от глагола *цæрын* 'жить' (41).

- (41) *Иу бон-ы фæндаггаг-æй нæ*
 один день-GEN дорожная.провизия-ABL NEG
цæрд-æ-уы
 жить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 'Запасами на один день не живут' (Айларов И., Гаджинова Р., Кцоев Р. Пословицы. Владикавказ: ИР, 2005. С. 79).
- (42) *Кæдæм ба-цыд-æ-уа куыст-мæ?*
 куда PREF-идти.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG работать.PART.PST-ALL
 'Куда бы пойти работать?' (Кайтов С. Т. Осетинская мелодия. Владикавказ: ИР, 2006).

Субъектный имперсонал может образовываться от простых, беспревербных, превербных, сложных и каузативных глаголов. Субъектный имперсонал не употребляется в предложении с рефлексивным местоимением *хи* (ср. примеры ниже)²⁷. Данное ограничение связано с тем, что *хи* в качестве рефлексивного показателя не используется без личных местоимений *мæ-* (1SG), *дæ-* (2SG), *йæ-* (3SG), *нæ-* (1PL), *уæ-* (2PL), *сæ-* (3PL), которые кореферентны субъекту. Запрет на употребление личных показателей обусловлен значением субъектного имперсонала, который, в отличие от пассивных конструкций (понижающих статус агентивного участника), полностью исключает выражение агентивного участника.

²⁶ Однако нужно заметить, что при этом не учитывались непереходные употребления лабильных глаголов.

²⁷ О других особенностях употребления осетинского имперсонала см.: Выд-рин 2014.

(43) *Йæ-хи* *а-мард-т-а*
 POSS.3SG-RFL.GEN PREF-убивать.PST-TR-PST.3SG
 'Он себя убил.'

(44) **Афтæ хи нæ мард-æ-уы*
 так RFL.GEN NEG убивать.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 Ожидаемый перевод: 'Таким образом себя не убивают.'

Однако заметим, что субъектный имперсонал возможен, если местоимение *хи* употребляется в эмфатическом значении. Например:

(45) *уый цууыл ра-хау-ба-хау кæн-ы,*
 он совсем PREF-падать.PRS-PREF-падать.PRS делать.PRS-PRS.3SG
бирæгъ-ау, куы фырафсæст, куы фыраæххормаг,
 волк-EQU то обжорство то голод
бирæгъ-ау ын куы йæ-хи
 волк-EQU 3SG.ENCL.DAT TO POSS.3SG-RFL.GEN
фæ-над-æ-уы, куы йæ-хæдæг
 PREF-бить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG TO POSS.3SG-RFL.NOM
искæй ныт-тон-ы...
 кто-то.GEN PREF-рвать.PRS.-PRS.3SG

'он скитается словно волк, то сыт, то умирает с голоду, то, как волка, **его бьют**, то он сам кого разорвет' (Джусойты Н.Г. Слезы Сырдона. Владикавказ: ИП, 2004).

Основная функция субъектного имперсонала — полное устранение субъекта. В осетинском субъектный имперсонал может употребляться только если устраненным субъектом является одушевленная сущность (обычно — человек); субъектный имперсонал невозможен, например, у глаголов, выражающих метеорологические явления.

Основываясь на примерах, доступных в нашем корпусе, можно выделить следующие семантические типы употребления субъектного имперсонала.

а. Генерический субъект.

В данном случае невыраженным субъектом являются 'все', 'люди'. Такое употребление имперсонала часто встречается в пословицах или в описаниях обычаев. Например:

(46) *Куыст-æг-тæ радыгай чынд-æ-уы*
 работа-SUF-PL.NOM по.очереди делать.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
 'Работу по очереди делают' (Айларов И., Гаджинова Р., Кцова Р. Пословицы. Владикавказ: ИП, 2005).

б. Неизвестный субъект.

Субъект является референтным, но неизвестным. Например:

(47) *Дзандар Хыдыры гæххæтт куы бакаст, уæд йæ ныхы цармæй йæ кæрдæгхуыз картузы худауон сызмæлын кодта, йæ портупейы гæрз дæлаæмæ æривæзтæ æмæ афтæ ныккæдз и, цыма йын йæ тæнгтæ фæцæйхордæуыд.*

'Когда Дзандар прочитал записку Хыдыра, он нахмурился (букв. морщинами лба сдвинул зеленый картуз на голове), потянул вниз ремни портупей и согнулся так, **будто у него чуть не съели кишки**' (Мах дуг. 2008. № 8).

(47а) *цыма йын йæ тæнг-тæ*
 будто 3SG.ENCL.DAT POSS.3SG КИШКА-PL.NOM
фæ-цæй-хорд-æ-уыд
 PREF-CON-есть.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG
 'будто у него чуть не съели кишки.'

(48) *Мæ хæдзар мын фæ-кæхт-æ-уыд...*
 POSS.1SG дом 1SG.ENCL.DAT PREF-огрابتь.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG
 'Мой дом ограбили...' (Мах дуг. 2006. № 10).

в. Отложенный новый субъект.

В данном случае имперсонал употребляется для устранения нового, неизвестного субъекта, который станет известным позже. Например:

(49) *Уалынджы нын нæ уат-ы дуар*
 тем.временем 1PL.ENCL.DAT POSS.1PL комната-GEN дверь
æрба-хост-æ-уыд, стæй дзы мидæмæ
 PREF-бить.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG потом 3SG.ENCL.AVL внутрь
æрба-каст нæ уæладзыдж-ы радгæс сылгоймаг
 PREF-смотреть.PST.3SG POSS.1PL этаж-GEN дежурный женщина
 'Тем временем постучались в дверь нашей комнаты, затем к нам заглянула дежурная по этажу' (Мах дуг. 2003. № 11).

В приведенном примере с большой долей вероятности в дверь стучалась именно та женщина, которая потом вошла внутрь. Рассказчик употребляет имперсонал для того, чтобы отложить на некоторое время введение нового персонажа.

г. Известный субъект.

В данном случае подразумеваемый субъект является сильнореферентным, известным. В примере ниже это автор книги, фамилия которого должна была упоминаться выше.

(50) *Чыныджы дзырдæуы, фæстаг дыууæ æнусы дæргъы ирон æвзаг, йæ диалекттæ æмæ ныхасыздæхтытæ цы уавæрты уыдысты...*

'В книге говорится о том, в каком состоянии находился осетинский язык, его диалекты и говоры на протяжении последних двух веков...' (Мах дуг. 2002. № 9).

(50a) Чиньд-ы дзырд-æ-уы
книга-INESS говорить.PART.PST-IMPERS-быть.PRS.3SG
'В книге говорится...'

д. Субъект — сам говорящий.

При употреблении имперсонала нередко подразумеваемым субъектом является сам говорящий. Например:

(51) Цы чынд-æ-уа, кæм æй
что делать.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG где 3SG.ENCL.GEN
а-гуыр-д-æ-уа? — катый-ы
PREF-искать.PART.PST-IMPERS-быть.CONJ.3SG отчаяние-INESS
ба-цъд Леза
PREF-идти.PST.3SG Леза
'Что делать, где его искать?' — Леза впала в отчаяние' (Дегоева С. М. Погасший луч солнца. Владикавказ: ИП, 2002).

Имперсонал как отдельная глагольная категория является достаточно редким языковым явлением. Отметим, что ни в других иранских языках, ни в географически близких к осетинскому кавказских языках глагольная категория имперсонала не засвидетельствована (более подробно см.: Выдрин 2014).

9. Имперфективно-конативный показатель -цæй-

Показатель -цæй- употребляется только с превербными глаголами, занимая позицию после преверба, — например, фæ-цæй-цæу-ын 'отправляться' (PREF-CON-идти.PRS-INF). При этом -цæй- не похож ни на именную часть сложных глаголов с превербом (так как не может употребляться автономно), ни на аффикс, так как может отделяться от глагольной части клитиками, в том числе и энклитическими местоимениями: Æрба-цæй та-иу мæм цъд-ис (PREF-CON CONTR-ITER 1SG.ENCL.ALL идти.PST-PST.3SG) 'Он все пытался ко мне подойти'. Не похож -цæй- и на клитику, так как другие клитики осетинского языка, употребляясь с префиксальными глаголами (без показателя -цæй-), не могут стоять между префиксом и глаголом.

Употребление показателя -цæй- не имеет ограничений, связанных с типом глагола (простые, сложные глаголы²⁸ (52) или с пере-

²⁸ При употреблении -цæй- со сложными глаголами именная компонента сложного глагола может писаться как слитно, так и раздельно.

ходностью (ср.: непереходный предикат — фæ-цæй фынаей кæн-ын (PREF-CON сон делать.PRS-INF) 'чуть не уснуть', переходный предикат — фæ-цæй-гæпп кæн-ын (PREF-CON-прыжок делать.PRS-INF) 'почти перепрыгнуть'). Единственным обязательным условием для употребления -цæй- является наличие у глагола преверба.

(52) Куыддæр мæ автомат-мæ фæ-цæй-гуыбыр код-т-он
как POSS.1SG автомат-ALL PREF-CON-согнутый делать.PST-TR-PST.1SG
с-ис-он æй зæгъ-гæ афтæ
PREF-брат. PRS-CONJ.1SG 3SG.ENCL.GEN говорить.PRS-PART так
мæ цы-дæр афтæ тыхджын ныц-цавт-а,
1SG.ENCL.GEN что-FOC так сильный PREF-ударять.PST-TR-PST.3SG
æмæ цы 'рба-дæн, уый нал ба-зъд-т-он
и что PREF-быть.PRS.1SG он.GEN больше.не PREF-знать.PST-TR-PST.1SG
'Как только я почти нагнулся к своему автомату, мол, сейчас возьму его, так меня что-то так сильно ударило, что я не понял, что со мной произошло' (Мах дут. 2002. № 10. С. 90).

При употреблении -цæй- со сложными глаголами комплекс <преверб + -цæй->, так же, как и при простом глаголе, может отрываться от именной части сложного глагола энклитическим местоимением²⁹. Например:

(53) Фæ-цæй йæм хæццæ код-т-а
PREF-CON 3SG.ENCL.ALL достигнутый делать.PST-TR-PST.3SG
'Он почти дошел до него' (например, «до города»).

Показатель -цæй- употребляется с глаголами, обозначающими контролируемое действие (см. примеры выше) и семантически может быть охарактеризован как конатив ('прерванная или неудавшаяся попытка' [Плунгян 2001]). Отмечаются также аспектуальные употребления (имперфект) показателя -цæй-.

10. Отглагольные дериваты

В настоящем разделе будут рассмотрены следующие отглагольные дериваты: причастие прошедшего времени, причастие на -гæ, конверб на -гæйæ, отглагольное имя на -æн, инфинитив на -ын, причастие будущего и настоящего времени на -аг и причастие на

²⁹ Существование в осетинском языке таких нетривиальных линейно-синтагматических свойств только у показателя -цæй- позволяет некоторым исследователям связывать появление таких свойств у -цæй- с влиянием картвельских языков (более подробно см.: Ахвледиани 1963a).

-аг. Все перечисленные отглагольные дериваты могут образовываться от любых типов глаголов: переходных, непереходных, простых, сложных, превербных, каузативных.

10.1. ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Причастие прошедшего времени обычно совпадает с основой прошедшего времени, однако встречаются исключения. Например, у глагола *канын* ‘делать’ основа прошедшего времени — *код*, а причастие прошедшего времени — *конд*; у *раттын* ‘отдать, дать’ основа прошедшего времени — *рад*, а причастие прошедшего времени — *рард*; у *зонын* ‘знать’ основа прошедшего времени — *зыд*, а причастие прошедшего времени — *зынд*; у *уынын* ‘видеть’ основа прошедшего времени — *уыд*, причастие прошедшего времени — *уынд*.

Причастия прошедшего времени от переходных глаголов обычно имеют пассивное значение. Например, *амайын* ‘строить’ — *амад* ‘построенный’. Многие причастия прошедшего времени (образованные как от непереходных глаголов, так и от переходных) в современном осетинском субстантивировались. Например, *цауын* ‘идти’ — *цыд* ‘движение’, ‘ход, шествие’, ‘течение’; *уынын* ‘видеть’ — *уынд* ‘вид’, ‘внешность’.

Причастие прошедшего времени, помимо основной пассивной конструкции (раздел 7) и субъектного имперсонала (раздел 8), используется в сравнительной конструкции, которая состоит из объекта сравнения в форме генитива, причастия прошедшего времени (образующего с объектом сравнения генитивную конструкцию) и вспомогательного глагола *канын* ‘делать’. Например:

(54) *бирагъ-ы* *хæрд* *каен-ы*
 волк-GEN есть.PART.PST делать.PRS-PRS.3SG
 ‘ест как волк’ [Багаев 1965, 338].

В сравнительной конструкции преверб и отрицание присоединяются к вспомогательному глаголу, что говорит о том, что данная конструкция не представляет собой частного случая сложного глагола. Например:

(55) *бирагъ-ы* *хæрд* *фæ-каен-ы*
 волк-GEN есть.PART.PST ПРЕФ-делать.PRS-PRS.3SG
 ‘он обычно ест как волк’.

Форма на *-гæ* образуется от основы настоящего времени глаголов. У глаголов с основной настоящего времени, оканчивающейся на удвоенную согласную, при присоединении суффикса *-гæ* удвоение элиминируется (*бæлл-ын* ‘мечтать’ — *бæлгæ*).

Суффикс *-гæ* этимологически возводят или к показателю инструменталиса причастий настоящего времени **akā* [Thordarson 1986, 277], или к показателю местного падежа **kai* [Чёнг 2008, 186].

Форма на *-гæ* многозначна и далее условно будет называться причастием на *-гæ*. Рассмотрим основные случаи употребления причастия на *-гæ* (см. также: Belyaev, Vydrin 2011).

а) Определение.

Причастие на *-гæ* может использоваться в качестве определения. Например, [Абаев 1959, 64]:

судз-гæ цырагъ ‘горящая свеча’ (гореть.PRS-PART свеча)
уай-гæ бæх ‘скачущая лошадь’ (скакать.PRS-PART лошадь)

б) Субстантивированное имя.

Причастие на *-гæ* может субстантивироваться:
зонын ‘знать’ — *зонгæ* ‘знакомый, приятель’
дымын ‘дуть’ — *дымгæ* ‘ветер’

в) Именная часть сложного глагола.

Некоторые причастия на *-гæ* (образованные, главным образом, от непереходных глаголов) могут употребляться в качестве именной компоненты сложных глаголов со вспомогательным глаголом *уæвын* ‘быть’. Например:

(56) *Æлбег-тæ* *Садон-ы* *ком-æй* *ра-лидз-гæ* *сты*
 Албек-PL.НОМ Садон-GEN ущелье-AVL ПРЕФ-убегать.PRS-PART быть.PRS.3PL
 ‘Албеговы переселились из Садонского ущелья’ (Гаглойты З. Ирон мыггæтæ. Дзæуджыхъæу, 2005. С. 42).

Субстантивированные причастия на *-гæ* могут употребляться в качестве именной компоненты сложного глагол как со вспомогательным глаголом *уæвын* ‘быть’, так и со вспомогательным глаголом *канын* ‘делать’. Например: *зонын* ‘знать’ — *зонгæ* ‘знакомый, приятель’; *зонгæ уæвын* ‘быть знакомым’; *зон-гæ стут?* (знать).

PRS-PART быть.PRS.2PL) 'вы знакомы?'; *ба-зон-гае каен-ын* (PREF-знать.PART делать.PRS-INF) 'познакомить'.

г) Конверб.

Причастие на *-гае* иногда может употребляться в значении конверба. Например:

(57) *Скѡладзау чиныг каес-гае фае-цаеу-ы*
школьник книга читать.PRS-PART PREF-идти.PRS-PRS.3SG
'Ученик идет, читая книгу' [Ахвледиани 1963, 273]³⁰.

(58) *Йае сываеллае-тт-ы хадтахаг-мае фае-раст каен-гае*
POSS.3SG ребенок-PL-GEN самолет-ALL путь-прямой делать.PRS-PART
мад с-куыд-т-а
мать PREF-плакать.PST-TR-PST.3SG
'Провожая детей на самолет, мать расплакалась'.

д) Наречие.

Причастие на *-гае* также может участвовать в образовании наречий по модели «причастие на *-гае* + глагол в форме инфинитива» [Абаев 1959, 65]:

цаеуын 'идти' — *цаеугае-цаеуын* 'на ходу' (букв. «идя идти»);
хаерын 'есть' — *хаергае-хаерын* 'во время еды';
таехын 'летать' — *таехгае-таехын* 'на лету', 'во время полета'.

(59) *Баех цаеу-гае-цаеу-ын а-хауд*
лошадь идти.PRS-PART-идти.PRS-INF PREF-падать.PST.3SG
'Лошадь упала на скаку' (Мах дуг. 2001. № 4. С. 85).

е) Перифрастические глагольные выражения.

Причастие на *-гае* и вспомогательный глагол *каенын* 'делать' практически от любого глагола (исключениями являются глаголы *уавын* 'быть' и *каенын* 'делать') могут образовывать перифрастические глагольные выражения. Например:

маелын 'умирать' — *маелгае каенын*;
марын 'убивать' — *маргае каенын*;
хаерын 'есть' — *хаергае каенын*;
цаеуын 'идти' — *цаеугае каенын*.

У перифрастических глагольных выражений отрицание и преверб всегда присоединяются к вспомогательному глаголу *каенын* 'делать'. Например:

(60) *Каес-гае дар аем нал фае-код-т-а*
смотреть.PRS-PART ФОС 3SG.ENCL.ALL больше.не PREF-делать.PST-TR-PST.3SG
'Он больше и не взглянул на него' [Абаев 1959, 99].

Иногда вспомогательный глагол *каенын* 'делать' может опускаться. Например:

(61) *Разай кард-гае, фаестейае ссив-гае*
спереди косить.PRS-PART сзади сгребать.сено.PRS-PART
амае фондз-ы-ссæдз маекъуыл-ы ац-амад-т-а
и пять-GEN-двадцать копка-GEN PREF-складывать.PST-TR-PST.3SG
'Вперед косил, сзади сгребал (сено) и быстро сложил сто копен' [Абаев 1959, 99].

Вспомогательный глагол *каенын* 'делать' не может опускаться при образовании перифрастического глагольного словосочетания от превербного глагола или в предложении с отрицанием. Глагол *каенын* 'делать' также не может опускаться в форме первого или третьего лица. Ср.:

(62) *Зар-гае [каен]-ут*
петь.PRS-PART делать.PRS-IMP.2PL
'Пойте'.

(63) **Зар-гае-æд*
петь.PRS-PART-IMP.3SG

(63а) *Зар-гае каен-æд*
петь.PRS-PART делать.PRS-IMP.3SG
'Пусть он поет'.

(64) **Зар-гае-æм*
петь.PRS-PART-PRS.1PL

(64а) *Зар-гае каен-æм*
петь.PRS-PART делать.PRS-PRS.1PL
'Мы поем'.

Перифрастические глагольные выражения используются для выражения эмпазы. Ср. пример (27), приводившийся в разделе 7.2.

ж) Пассивная конструкция.

Как уже отмечалось в разделе 7.2, причастие на *-гае* вместе с глаголом *уавын* 'делать' может образовывать пассивную конструкцию. Агентивное дополнение при этом маркируется аблативом.

³⁰ Перевод предложения мой — А. В.

з) Модальные конструкции.

Причастие на *-гә* используется в двух модальных конструкциях со вспомогательным глаголом *уаввын* 'быть': в конструкции деонтической необходимости (раздел 7.3.2) и в конструкции неизбежности (65). Конструкция неизбежности состоит из отрицательной частицы *әнә* 'без'³¹, причастия на *-гә* и вспомогательного глагола *уаввын* 'быть' (или хабиутального глагола бытия *ваййын*) в форме 3SG с глагольным отрицанием (раздел 4). В настоящем времени индикатива в качестве вспомогательного глагола используется экзистенциальная связка *и(с)*. В конструкции неизбежности могут употребляться как переходные глаголы, так и непереходные. Агентивный участник всегда маркируется дативом (65).

(65) *Уымаән әнә сәф-гә нә-й*
 он.DAT без гибнуть.PRS-PART NEG-EXT
 'Ему не спастись' / 'Он обязательно пропадет' (букв. «ему без гибели не существует»).

Конструкция неизбежности упоминается в монографии Ф. Д. Техова [Техов 1970, 95] (подробно рассматривается в: Выдрин 2011б). Конструкция выражает частное значение внешней необходимости, а именно значение «сильной необходимости», неизбежности, неотвратимости совершения действия. Например:

(66) *Дыууә хылганәг нәлгоймаджы ахсан сәлгоймаг йә кәлмарзән куы әрәптәрстаид, уәд цыфәнды карз әмә әвирхәу хылән дәр әнә бауромгә нә уыди.*

'Если женщина между двух дерущихся мужчин бросила бы свой платок, любую, даже самую яростную и неожиданную драку, нельзя было не остановить' (Мах дуг. 2002. № 1. С. 128).

(66a) *цы-фәнд-ы карз әмә әвирхәу хыл-ән дәр*
 что-хотеть.PRS-PRS.3SG яростный и страшный драка-DAT FOC
әнә ба-уром-гә нә уыди
 без PREF-останавливать.PRS-PART NEG быть.PST.3SG
 'любую, даже самую яростную и неожиданную драку, нельзя было не остановить'.

Эта конструкция также может передавать частное значение внешней необходимости — деонтическую необходимость. Например:

³¹ Частица употребляется препозитивно с именами, местоимениями и отглагольными формами. Частица *әнә* не может употребляться с финитными глаголами.

(67) *Цасдәр рәстәдж-ы фәстә йын аивәй*
 несколько время-GEN после 3SG.ENCL.DAT незаметно
ба-мбар-ын чынд-ә-уыд, чингуы-тә
 PREF-понимать.PRS-INF делать.PART.PST-IMPERS-быть.PST.3SG книга-PL.NOM
цы-фәнд-ы-йә дәр адәм-ән әнә
 что-хотеть.PRS-PRS.3SG-ABL FOC человек-DAT без
дәт-гә нә-й, зәгъ-гә
 давать.PRS-PART NEG-EXT говорить.PRS-PART

'Некоторое время спустя ему тонко намекнули, что книги в любом случае нужно отдать людям' (букв. «книги нельзя не отдать людям») (Мах дуг. 2003. № 12. С. 75).

Конструкция неизбежности может (как правило, в будущем или прошедшем времени) также использоваться для выражения эпистемической высоковероятной оценки со стороны говорящего.

Например:

(68) *На-уәд, дам, хәст куы ра-кбах-ой дунә-змәнтәг*
 NEG-быть.IMP.3SG CIT война если PREF-копать.PRS-CONJ.3PL мир-бунтовщик
коммунист-тә, уәд уын уә ракетон база
 коммунист-PL.NOM то 2PL.ENCL.DAT POSS.2PL ракетный база
әнә ахс-гә нә уыдзән
 без стрелять.PRS-PART NEG быть.FUT.3SG

'А то, говорит, если войну затеют мятежные коммунисты, ваша ракетная база обязательно будет обстреляна' (Гусалов Б.М.И воздастся каждому. Владикавказ: ИП, 2003. С. 92).

10.3. КОНВЕРБ НА -ГӘЙӘ

Форма на *-гәйә* образуется от основы настоящего времени глаголов. У глаголов с основной настоящего времени, оканчивающейся на удвоенную согласную, при присоединении суффикса *-гәйә* геминация устраняется (*бәлл-ын* 'мечтать' — *бәлгәйә*). Этимологически суффикс *-гәйә* представляет собой застывшее сочетание суффикса *-гә* и показателя аблатива *-йә* [Абаев 1959, 65].

Отглагольная форма на *-гәйә* употребляется в функции конверба, а также используется в одной модальной конструкции. В функции конверба форма на *-гәйә* охватывает больший спектр значений, чем форма на *-гә*. В частности, форма на *-гәйә* может передавать значение условия, отсутствующее у причастия на *-гә* (69) (более подробно см.: Медоева 1969; Thordarson 1994; Belyaev, Vydrin 2011). По терминологии, принятой в работе В. П. Недялкова

[Nedjalkov 1995], форма на *-гæйæ* может быть названа «каноническим конвербом».

(69) Телевизор-ы цур æнафон-мæ бад-гæйæ райсом-æй раджы
 телевизор-GEN около поздно-ALL сидеть.PRS-CONV утро-ABL рано
 нæ сы-ст-дзынæ
 NEG PREF-вставать.PRS-FUT.2SG
 'Если будешь сидеть допоздна у телевизора (букв. «сидя допоздна у телевизора»), завтра рано утром не встанешь.'

Конверб на *-гæйæ*, так же как и причастие на *-гæ*, может употребляться в модальной конструкции деонтической необходимости (раздел 7.3.2).

10.4. ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА *-ÆН*

Отглагольное имя на *-æн* образуется от основы настоящего времени глаголов.

Суффикс *-æн* с одной стороны омонимичен показателю дативного падежа, а с другой — сближается по своим функциям с показателем инфинитива *-ын*. Происхождение суффиксов *-æн* и *-ын* подробно обсуждается в диссертации Х.А. Таказова [Таказов 1992, 108–137]. Ссылаясь на Вс. Ф. Миллера [1962] и Э. Бенвениста [1965], Таказов возводит *-æн* (образующий отглагольные имена) к арийского отглагольному суффиксу *-anā* (ср.: авест. *-anā*, санскр. *-anā*, хот. *-na* [Чёнг 2008, 188]), а *-ын* — к арийскому суффиксу *-upa*. Падежный показатель *-æн* М.И. Исаев [Исаев 1987, 587] возводит к «дательному падежу общеарийского указательного местоимения» (авест. *aēm*, др.-инд. *ayām*). Д. Вебер [Weber 1981: 130–133] считает, что показатель датива в осетинском языке восходит к местоименному окончанию инструменталиса **(a)na*. Однако, как отмечает О. Беляев [Belyaev 2010: 299] вслед за Дж. Чёнгом [Cheung 2008], образование датива от местоименного показателя инструменталиса сомнительно по функциональным причинам — у осетинского датива нет инструментального значения. Скорее происхождение осетинского датива связано с послелогом **ana/u* [Cheung 2008: 91].

Форма на *-æн* используется для образования отглагольных имен, которые употребляются в функции определения — например, *фысс-æн дзаума-тæ* 'письменные принадлежности' (писать).

PRS-NMLZ вещь-PL.NOM) — или в качестве субстантивированного имени: *хиз-æн* 'пастбище' (пасты.PRS-NMLZ). Форма на *-æн* используется также в фацитивно-дифицитивной конструкции (раздел 7.3.1) и в модальной конструкции внешней возможности (70). Конструкция внешней возможности состоит из основы настоящего времени смыслового глагола, маркированной суффиксом *-æн*, и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть' в форме 3SG, изменяющегося по временам и наклонениям (или вспомогательного хабитуального глагола *вæййын* 'бывать, случаться'); при этом агентивный участник маркируется дативом. Конструкция выражает внешнюю возможность (в терминологии, предложенной в статье Й. ван дер Ауверы и В. Плунгяна [van der Auwera, Plungian 1998]), т.е. внешние обстоятельства, окружающую обстановку, моральные нормы, позволяющие контролируемому участнику ситуации (как правило, субъекту) осуществить ситуацию, описанную в предложении (71), а также деонтическую возможность, т.е. позволение или запрет, исходящие от говорящего и обусловленные внешними обстоятельствами — обычно моральными или общественными нормами (70).

(70) Ардæм цæу-æн нæ-й
 сюда идти.PRS-NMLZ NEG-EXT
 'Вход воспрещен' (надпись на ограде одного из госучреждений во Владикавказе).

(71) Уырдаем мæнæн куыдæй ба-хау-æн ис?
 туда я.DAT каким.образом PREF-падать.PRS-NMLZ EXT
 'Как мне туда попасть?' (букв. «Каким образом я могу туда попасть?»)

Конструкция внешней возможности подробно обсуждается в моей работе [Выдрин 2013].

В осетинских грамматиках и исследованиях нет единого мнения, как называть данную форму на *-æн* (см. подробную дискуссию в диссертации Х.А. Таказова [1992, 108–137]). В другой нашей работе [Выдрин 2011б] предлагается эту форму условно называть отглагольным именем, а суффикс *-æн* глоссировать NMLZ (однако номинализация в осетинском языке требует отдельного детального исследования).

Инфинитив образуется от основы настоящего времени глагола с помощью суффикса *-ын*, который совпадает по форме с окончанием 1SG настоящего времени индикатива.

Инфинитив используется в составе модальной конструкций внутренней возможности (см. (72)), в каузативной конструкции (раздел 6), при глаголах, требующих сентенциальный актанта (например, *идайын* ‘начинать’, модальные глаголы (см. (73)) и др.) и в равносубъектной целевой конструкции (см. (74)–(75)). Конструкция внутренней возможности состоит из смыслового глагола в форме инфинитива, маркированного дативом, и вспомогательного глагола *уавын* ‘быть’, который согласуется с подлежащим в лице и числе. Конструкция выражает значение внутренней возможности (в терминологии, предложенной ван дер Ауверой и Плунгином [van der Auwera, Plungian 1998]), т. е. свойства контролирующего участника ситуации (как правило, субъекта), способности, физические возможности (см. (72)). Конструкция внутренней возможности подробно описывается в моей работе [Выдрин 2013].

(72) (Æз) *кус-ын-æн* *дæн*
я работать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
‘Я могу работать’ = ‘Я в состоянии работать’.

(73) *Мæн хъæу-ы* *ба-фынаей кæн-ын* *цамай райсом*
я.GEN быть.нужным.PRS-PRS.3SG PREF-CON делать.PRS-INF чтобы завтра
мæ-хи *хорз* *æнкъар-он*
POSS.1SG-RFL.GEN хороший чувствовать.PRS-CONJ.1SG
‘Мне нужно уснуть, чтобы завтра хорошо себя чувствовать’.

При нефинитном способе выражения целевого значения глагол, выражающий цель, ставится в форму инфинитива и маркируется аллативом или дативом³²:

(74) *Кæу-ын-мæ* *дæм* *фæ-цæу-æнтт*
плакать.PRS-INF-ALL 2SG.ENCL.ALL PREF-идти.PRS-IMP.3PL
‘Пусть оплакивают тебя’ (букв. «Пусть они пойдут плакать к тебе») (Мах дуг. 2001. № 3. С. 92).

³² Распределение аллатива и датива в данном случае связано с семантикой матричного глагола: аллатив употребляется только с глаголами движения, датив — с глаголами «не-движения» и с некоторыми глаголами движения.

(75) *Лагъстае кæн-ын-æн* *æгæр* *фæ-карджын* *дæ*
мольба делать.PRS-INF-DAT слишком PREF-пожилой быть.PRS.2SG
‘Ты слишком стар, чтобы упрашивать’ (Дегоева С. М. Погасший луч солнца. Владикавказ: ИП, 2002. С. 219).

10.6. ПРИЧАСТИЕ НА -АГ

Причастие будущего времени образуется с помощью суффикса *-аг* от инфинитива, претерпевшего фонологические изменения (показатель инфинитива *-ын* изменяется на *-ин*)³³. Суффикс *-аг* может также использоваться для образования причастий настоящего времени со значением постоянного свойства от основ настоящего времени глаголов — например, *зар-ын* ‘петь.PRS-INF’ — *зараг* ‘поющий’, *зар-аг цъиу* ‘певчая птица’ (петь.PRS-SUF птица); кроме того, этот же суффикс используется в отыменном словообразовании с различными функциями (например, *Китай* ‘Китай’ — *китайаг* ‘китаец’) [Ахвледиани 1963, 101–103, 268–269].

В грамматиках осетинского языка у причастия будущего времени обычно выделяются два основных значения: 1) обозначение объекта действия, которое необходимо совершить; 2) обозначение субъекта, намеревающегося совершить действие [Абаев 1959, 63; Ахвледиани 1963, 270]. Например, *хæр-ын* ‘есть’ (есть.PRS-INF) — *хæр-ин-аг* (есть.PRS-INF-SUF) ‘то, что необходимо съесть’ и ‘намеревающийся съесть’.

Причастие будущего времени может употребляться в качестве определения — например, *æлхæн-ин-аг чиныг* (покупать.PRS-INF-SUF книга) ‘книга, которую нужно купить’ (букв. «подлежащая покупке книга»). Причастие будущего времени может субстантивировать

³³ Аналогичное образование причастия будущего времени от инфинитива с помощью специального суффикса отмечается во многих других иранских языках. Например, в персидском *kard-an* ‘делать’ (делать-INF) — *kard-an-i* ‘то, что нужно сделать’ (делать-INF-SUF). Заметим также, что в дигорском диалекте (который считается более архаичным, чем иронский) при образовании причастия будущего времени происходит вставка эпендетического *-й-* внутрь инфинитивного показателя *-ун* — *кæнун* ‘делать’, *кæнуйнаг* ‘то, что нужно сделать’. В современном иронском при присоединении суффикса *-аг* к именам с конечным *-н* часто также возникает эпендетический *-й-* (например, *Ирыстон* ‘Осетия’ — *ирыстойнаг* ‘житель Осетии’), что позволяет предположить, что в иронском диалекте причастие будущего времени изначально выглядело как «основа настоящего времени глагола + *-ыйн-аг/-ийн-аг*» (INF-SUF), а затем уже преобразовалось в современное «основа настоящего времени глагола + *-ин-аг*» (INF-SUF).

роваться — например: *хъус-ын кæн-ын* ‘извещать, сообщать’ (слушать.PRS-INF делать.PRS-INF) — *хъус-ын-гæн-ин-аг*³⁴ ‘извещение, декларация’ (слушать.PRS-INF-делать.PRS-INF-SUF). Помимо употребления причастия будущего времени в функции определения или в качестве субстантивированного имени, оно может участвовать в двух конструкциях с глаголом *уæвын* ‘быть’: в пассивно-долженствовательной (раздел 7.3.3) и в проспективной конструкции.

Проспективная конструкция состоит из причастия будущего времени и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’; агентивный участник при этом маркируется номинативом и согласуется со вспомогательным глаголом в лице и числе. Образование проспективной конструкции возможно от непереходных, переходных, простых, сложных, превербных и каузативных глаголов. Сравним следующие примеры с проспективной конструкцией, образованной от непереходного, переходного, простого и превербного глаголов:

(76) *Райсом цы кус-дзына?*
завтра что делать.PRS-FUT.2SG
Æз цау-ин-аг дæн горæт-мæ
я ийти.PRS-INF-SUF быть.PRS.1SG город-ALL
‘Что ты будешь делать завтра? Я собираюсь ехать в город.’

(77) *уыдон сты дуне сæ-хи ба-кæн-ин-аг*
они быть.PRS.3PL мир POSS.3PL-RFL.GEN PREF-делать.PRS-INF-SUF
‘Они намерены захватить весь мир’ [Техов 1970, 96].

В проспективной конструкции вспомогательный глагол может изменяться по всем наклонениям кроме императива и по всем временам кроме будущего.

Конструкция практически не употребляется с неконтролируемыми предикатами и неодушевленными подлежащими (см. (78)), а также с подлежащими-механизмами (см. (79а)).

(78) **къæвда уар-ин-аг у*
дождь дождить.PRS-INF-SUF быть.PRS.3SG
Ожидаемый перевод: ‘Скоро пойдет дождь’, ‘Дождь собирается’

³⁴ При образовании лексикализованных имен от сложных или каузативных глаголов, имеющих в своем составе вспомогательный глагол *кæнын* ‘делать’, у этого вспомогательного глагола начальное *к* меняется на *г*, при этом глагол пишется слитно с именем (в случае сложного глагола) или с другим глаголом (в случае каузативной конструкции).

(79) *дæ машинаæ тагъд фæ-хал-дзæн*
POSS.2SG машина скоро PREF-ломаться.PRS-FUT.3SG
(двигатель стучит) ‘Твоя машина скоро сломается.’

(79а) *дæ машинаæ фæ-хал-ин-аг у*
POSS.2SG машина PREF-ломаться.PRS-INF-SUF быть.PRS.3SG
*‘Твоя машина скоро сломается’ / ‘(Кому-то) нужно сломать твою машину.’

Однако в письменных текстах можно обнаружить употребление конструкции с небесными телами в качестве подлежащих (см. пример ниже).

(80) *Хур-ы тымбыл цалх арв-ы астæу-мæ*
Солнце-GEN круглый колесо небо-GEN середина-ALL
с-тылди, уым æр-лаууыд æмæ йæ
PREF-трясти.PRS.3SG там PREF-стоять.PRS.3SG и POSS.3SG
мидбынат-ы с-зылди, цыма кæдæм цау-ин-аг
место-INESS PREF-кружиться.PST.3SG будто где ийти.PRS-INF-SUF
уыд, уырдаем с-хæццуæ...
быть.PST.3SG там PREF-достигло

‘Круглый солнечный диск достиг зенита (букв.середины неба), остановился и завертелся на месте, словно достиг намеченной цели (букв. будто пришел туда, куда собирался прийти)...’ (Хугаев С. З. Нарты фарнаг. Владикавказ: ИП, 2000).

Ф. Д. Техов [1970, 83] в своей монографии, посвященной исследованию модальности осетинского языка, ошибочно усматривает у проспективной конструкции значение долженствования, приводя, в частности, следующий пример:

(81) *Нæ-й мын цау-æн, ныртæккæ мæм*
NEG-EXT 1SG.ENCL.DAT ийти.PRS-NMLZ сейчас 1SG.ENCL.ALL
иу чи-дæр æрба-цау-ин-аг у
один кто-FOC PREF-идти.PRS-INF-SUF быть.PRS.3SG
‘Мне нельзя ийти, сейчас кто-то должен прийти ко мне.’

В результате работы с информантами удалось выяснить, что более точным переводом приведенного примера является следующий: ‘Мне нельзя ийти, сейчас кто-то придет / собирается прийти ко мне’, где нет значения долженствования.

На правильность нашей трактовки этой конструкции указывает тот факт, что проспективная конструкция в осетинском языке не может употребляться в предложениях, однозначно выражающих только значение долженствования. Ср. следующую пару примеров:

(82a) *Ды хъуамæ кæн-ай* *дæ* *урок-тæ*
ты нужно делать.PRS-CONJ.2SG POSS.2SG урок-PL.NOM
кæннод *дæ* *скъола-йæ* *а-тæр-дзысты*
иначе 2SG.ENCL.GEN школа-ABL PREF-ГНАТЬ.PRS-FUT.3PL
‘Ты должен делать уроки, иначе тебя выгонят из школы.’

(82б) **Ды кæн-ин-аг* *дæ* *дæ* *урок-тæ*
ты делать.PRS-INF-SUF быть.PRS.2SG POSS.2SG урок-PL.NOM
кæннод *дæ* *скъола-йæ* *а-тæр-дзысты*
иначе 2SG.ENCL.GEN школа-ABL PREF-ГНАТЬ.PRS-FUT.3PL

10.7. ПРИЧАСТИЕ НА -ÆГ

Причастие на *-æг* образуется от основы настоящего времени. По своему значению это причастие близко к причастию настоящего времени на *-аг* (раздел 10.6). Семантически эти два причастия различаются тем, что причастие на *-аг* выражает постоянное свойство (individual level), а причастие на *-æг* — временное свойство (stage level). Например, *хуыссаг* ‘соня’, *хуыссаг* ‘спящий’ (*хуысс-æг лæг* (спать.PRS-SUF человек) ‘спящий человек’).

Причастие на *-æг* может субстантивироваться — например, *ху-дын* ‘смеяться’ — *худæг* ‘смеющийся’, ‘смешной’, ‘смех’.

Заключение

В статье были рассмотрены основные аспекты глагола современного осетинского языка (иронский диалект): парадигмы форм времени и склонения, происхождение глагольных окончаний, преверб, частицы глагольного отрицания, сложные глаголы, каузативные глаголы, собственно пассивные и модально-пассивные конструкции, субъектный имперсонал, показатель *-цæй-*, а также глагольные дериваты (причастие прошедшего времени, причастие на *-гаг*, конверб на *-гайæ*, отглагольное имя на *-æн*, инфинитив на *-ын*, причастие будущего и настоящего времени на *-аг* и причастие на *-æг*) и конструкции, в которых они участвуют.

Список условных сокращений

ABL — аблатив;
ALL — аллатив;
CIT — цитатив;
CNTRF — контрафактив;

COMPAR — сравнительная степень;
CON — конатив;
CONJ — конъюнктив;
CONTR — контрастивная частица;
CONV — конверб;
DAT — датив;
EMPH — эмфатическая частица;
ENCL — энклитическое местоимение;
EQU — экватив;
EXT — экзистенциальная связка;
FOC — фокус;
FUT — будущее;
GEN — генитив;
HAB — хабитуалис;
IMP — императив;
IMPF — имперфект;
IMPRS — имперсонал;
INESS — инессив;
INF — инфинитив;
ITER — итератив;
NEG — отрицание;
NMLZ — номинализация;
NOM — номинатив;
OPT — оптатив;
PART — причастие;
PL — множественное число;
POSS — посессивность;
PREF — преверб;
PRS — настоящее;
PST — прошедшее;
REFL — рефлексив;
SG — единственное число;
SUF — суффикс;
SUPER — суперэссив;
TR — переходность.

Литература

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Том I. М. —Л.: Издательство академии наук СССР, 1949.
Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1958.
Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
Ахведиани Г. С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.

Ахведиани Г. С. Превербный тмезис в осетинском языке // Краткие сообщения института народов Азии. 67. Иранская филология. М.: Издательство восточной литературы, 1963а.

Ахведиани Г. С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.

Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть II (синтаксис). Орджоникидзе: ИР, 1982.

Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965.

Ван дер Аувера Й., Схаллей Э. От оптатива и конъюнктива к ирреалису // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 75–87.

Виноградова С. П. Древнеперсидский язык // Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М.: Индрик, 1997. С. 35–57.

Виноградова С. П. Авесты язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточно-иранские языки. М.: Индрик, 2000.

Выдрин А. П. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты. Дис... маг. востоковедения и африканистики. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, 2006. (http://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/1813/2268/7045/complex_predicated_in_Persian_Vydrin.pdf).

Выдрин А. П. Грамматические средства выражения повеления в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / отв. ред. Н. Н. Канзанский. Т. 7, Ч. 1. СПб: Наука, 2011а. С. 169–200.

Выдрин А. П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении. Дис. ... канд. филол. наук. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2011б. (<http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>).

Выдрин А. П. Две конструкции возможности в осетинском языке // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–142.

Выдрин А. П. Специализированный имперсонал в осетинском языке. К типологии имперсональности в иранских языках // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 20–33.

Выдрин А. П. Легко и трудно в осетинском языке. Редкий случай грамматикализации модального значения // Известия академии наук. Отделение языка и литературы (в печати). <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>

Гагкаев К. Е. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Севосгиз, 1952.

Гагкаев К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Гращенко П. В. Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. — Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8–10 октября 2008 г. М., 2010. С. 115–130.

Гуриева М. А. О словообразовательной функции глагольных префиксов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1959. Т. 21, вып. 4. С. 45–68.

Гусев В. Ю. Неспециализированные формы в функции императива // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 385–413.

Добрушина Н. Р. К типологии оптатива // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 7–27.

Исаев М. И. Осетинский язык // Расторгуева В. С. (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М.: Наука, 1987. С. 537–643.

Камбаров Т. Т. Очерк истории осетинского языка: Учебное пособие для вузов. Владикавказ: Ир, 2006.

Козырева Т. З. Категория глагольного вида в современном осетинском языке: Автор. дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

Козырева Т. З. Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1954. Т. 16. С. 112–132.

Козырева Т. З. О категории наклонения в осетинском языке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1956. Т. 27. С. 251–267.

Левитская А. А. Аспектуальность в осетинском языке: Генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 29–41.

Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.

Мазурова Ю. В. Иранские и кавказские черты в системе пространственных показателей осетинского языка // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2012. С. 147–162.

Медоева Б. Г. Деепричастие и деепричастные конструкции в осетинском языке: Автор. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1969.

Миллер В. С. Ф. Язык осетин. М. — Л.: Издательство академии наук СССР, 1962.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. (3-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2009).

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М.: Восточная литература, 2003.

Соколов С. Н. Язык Авесты // Расторгуева В. С. (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 129–233.

Стойнова Н. М. Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского

диалекта) // Выдрин А. П., Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М., Сай С. С. (ред.). Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 145–147.

Таказов Х. А. Категория глагола в современном осетинском языке: Дис. ... д-ра. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992.

Тедеев Г. З. Семантическая структура осетинского глагола. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

Техов Ф. Д. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Токазов Х. А. Значение повелительного наклонения в осетинском языке // Проблемы осетинского языкознания. 1984. Вып. 1. С. 106–119.

Холодович А. А. Залог I: Определение. Исчисление // Храковский В. С. (отв. ред.). Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 277–292.

Цаболов Р. Л. К истории осетинских преврбов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. 19. С. 319–353.

Цаболов Р. Л. Составные глаголы в осетинском языке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1964. Т. 24, вып. 1. С. 113–121.

Цалиева А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ—Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008.

Шёгрэн А. М. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русский и русско-осетинским. СПб., 1844. (репринтное изд. 2010).

Belyaev O. Evolution of Case in Ossetic // Iran and the Caucasus. 2010. № 14. pp. 287–322.

Belyaev O., Vydrin A. Participle-Converbs in Iron Ossetic: Syntactic and Semantic Properties // Korn A., Haig G., Karimi S., Samvelian P. (eds.). Topics in Iranian Linguistics. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. 2011, P. 117–134.

Benveniste E. Prétérit et optatif en indo-européen // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1951. Vol. 47 (1). P. 11–20.

Benveniste E. Études sur la langue ossète. Société Linguistique de Paris. Collection Linguistique 60. Paris : C. Klincksieck, 1959.

Bielmeier R. Präverbien im Ossetischen // Monumentum Georg Morgenstierne I. Acta Iranica 21. Leiden: E. J. Brill, 1981. P. 27–46.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994.

Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Beiträge zur Iranistik. Gegründet von Georges Redard, herausgegeben von Nicholas Sims-Williams. Band 21. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag 2002.

Cheung J. The Ossetic Case System Revisited // Alexander Lubotsky, Jos Schaecken, Jeroen Wiedenhof (eds.), Evidence and Counter-Evidence: Essays in Honour of Frederik Kortlandt, Amsterdam-New York. 2008.

Dobrushina N., Van der Auwera J., Goussev V. Optative // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. New York: Oxford University Press, 2005. P. 298–302.

Erschler D. Possession marking in Ossetic: Arguing for Caucasian influences // Linguistic Typology. Vol. 13 (2009), Issue 3. P. 417–450.

Gershevitch I. The Ossetic 3rd plural imperative // Transactions of the Philological Society. — 1991. Vol. 89. № 1. P. 221–233.

Gronas M. The origin of the Russian historical imperative // Russian Linguistics. 2006. Vol. 30. № 1. P. 89–101.

Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). The World Atlas of Language Structures. New York: Oxford University Press, 2005.

Hettich B. Ossetian: Revisiting Inflectional Morphology. A Thesis submitted to the Graduate Faculty of the University of North Dakota in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Grand Forks, North Dakota, 2002.

Hettich B. Ossetian. Languages of the World/Materials 475. 2010: Lincom.

Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath & E. König (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds. Empirical approaches to Language Typology, 13. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–138.

Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Samvelian P. Grammaire des prédicats complexes: Les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier, 2012.

Thordarson F. Preverbs in Ossetic // Monumentum Georg Morgenstierne II. Acta Iranica 22. Leiden: E. J. Brill, 1982. Pp. 251–261.

Thordarson F. Ossetisch *uæxsk / usqæ* ‚Schulter‘. Lexikalische Marginalien // Prods O. Skjærvø, R. Schmitt (eds.). Studia Grammatica Iranica. Festschrift für Helmut Humbach. Munich: Kitzinger, 1986. P. 499–511.

Thordarson F. Ossetic // R. Schmitt (ed.). Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 456–479.

Thordarson F. The Ossetic Gerund // Proceedings of the 7th Caucasus Colloquium. Marburg, 1994. (Reprinted in Nartamongæ. 2005. Vol. III, № 1–2. Paris–Vladikavkaz. P. 49–58).

Thordarson F. Ossetic grammatical studies. (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse, Bd. 788, Veröffentlichungen zur Iranistik. Nr. 48). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 1998. № 2. P. 79–124.

Vydrin A. Counterfactual Mood in Iranian // Korn A., Haig G., Karimi S., Samvelian P. (eds.). Topics in Iranian Linguistics. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. 2011. P. 71–88.

Weber D. Beiträge zur historischen Grammatik des Ossetischen // W. P. Schmid (ed.). Indogermanische Forschungen. B. 5 (1981). P. 126–137.

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ: ВАЛЕНТНОСТЬ, МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ, ДЕРИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ*

Введение. Общие положения

Глаголы движения употребительны во всех языках, и их исследование актуально как в плане типологической и теоретической лингвистики, так и в прикладном отношении. В последние два десятилетия привлекают большое внимание и оживленно обсуждаются вопросы валентности и глагольного управления в связи с семантикой глагола.

В настоящей статье рассматриваются синтаксические и семантические валентности и модели управления индонезийских глаголов движения и возможности деривации одних глаголов движения от других. Источники языкового материала — индонезийская периодика и художественные тексты 1950–70-х годов. Часть материала и некоторые примеры ниже принадлежат автору как носительнице языка.

Нам неизвестны специальные работы по индонезийским глаголам движения, хотя различные проблемы морфологии, управления и валентности глагола в индонезийском языке освещаются в «Грамматике индонезийского языка» и ряде других публикаций¹.

Сначала нам нужно уточнить традиционное понимание управления как одного из видов подчинительных синтаксических связей в словосочетаниях. В русском языке управлением называется такой вид подчинительной связи, при котором в качестве зависимого слова употребляется форма косвенного падежа имени существительного или любого субстантивированного слова с предлогом или без него. Глагольное управление бывает сильным и слабым. К сильному относятся переходные глаголы, которые без сильноуправляемых косвенных падежей не употребляются (*послать письмо*), приставочные глаголы, обозначающие направленное движение в пространстве (*войти в дом*), и другие глаголы,

при которых зависимое существительное употребляется в той или иной падежной форме по требованию (то есть соответственно семантике) самого глагола (*владеть языком*). Такие зависимые слова и группы в предложении необходимы для реализации глагольного значения, и при их отсутствии предложение является, по общему правилу, эллиптическим (неполным). К слабому управлению относятся глаголы, при которых подчиненные слова употребляются для выражения определенного значения независимо от лексико-грамматического характера глагола и не являются необходимыми для реализации значения этого глагола (*гулять с дочкой*).

В индонезийском языке финитные и нефинитные формы глагола не различаются, и только переходным глаголам свойственны категории залога (актива и пассива) и некоторые другие, имеющие специфический характер. Отсутствует словоизменение имен и местоимений. Из-за отсутствия этих и других грамматических категорий в индонезийском языке обычно рассматривают аналогичную по семантике синтаксическую связь не как управление, а как примыкание. Так, в «Грамматике индонезийского языка» средствами выражения синтаксических связей В. Д. Аракин называет примыкание и служебные слова. Он пишет, что при первом из этих способов выражения синтаксической связи «входящие в состав словосочетания члены связаны друг с другом только порядком слов»². Сходное положение содержится в работе С. В. Кологривовой: «... Основными средствами выражения объектных отношений являются служебные слова (предлоги) и порядок слов»³. В работе А. К. Оглоблина и А. А. Холодовича, в соответствии с вербоцентрической концепцией предложения, учитывается сочетаемость индонезийских глаголов не только с дополнениями, но и с подлежащим, и исследуются механизмы изменения глагольной валентности при деривации нескольких глаголов и глагольных основ от одной исходной корневой основы⁴. Такой же подход принят и в другой совместной статье этих авторов, где глагольная валентность рассматривается в плане диатез и залогов⁵.

Термины, в которых описывается состав конструкций предложения по вербоцентрической концепции — актанты и сирконстанты. Актанты — синтаксемы (слова, синтаксические группы), которые зависят непосредственно от ядра-глагола и отражают его обязательные валентности; сирконстанты — синтаксемы, ко-

* Статья написана в период работы автора в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

торые отражают факультативные валентности глагола. По рангу различаются: актант I ранга — подлежащее, актанты II, III и т. д. ранга — дополнения, в разной степени связанные со значением глагола. Выделяются также синтаксемы-определения, которые зависят от актантов, сирконстантов или других определений. Ядро, актанты (подлежащее и дополнения), сирконстанты (обстоятельства) и определения и есть четыре уровня иерархии синтаксической структуры⁶.

В настоящей статье термин «управление» употребляется в широком смысле — как синоним термина «зависимость» (от глагола)⁷. Когда мы говорим, что глагольное ядро управляет двумя актантами, это значит, что данный глагол имеет две зависимые синтаксемы, то есть это — двухвалентный глагол. Валентность определяется как «внутренняя способность слова вступать в те или иные сочетания»⁸.

Говоря о валентности глагола, мы не можем не коснуться ее семантической природы и вслед за С. Д. Кацнельсоном различаем содержательную и формальную валентность. Валентность обладает планом содержания и планом выражения, и формальная валентность представляет собой форму выражения содержательной валентности. К плану содержания относятся семантические отношения между глаголом и зависимыми от него именами, к плану выражения — морфологическая форма зависимых от глагола членов. По мнению С. Д. Кацнельсона, формальная и содержательная валентность могут быть также названы соответственно «поверхностной» и «глубинной»⁹. Формальная валентность обычно используется для сравнения разных языков по их формальным синтаксическим признакам, то есть изучаются типологические расхождения по языкам. Например, русский глагол *лечить* управляет винительным падежом, а латинский *mederi* — дательным. Расхождения в употреблении синтаксических форм рассматриваются и в одном и том же языке (ср. русские глаголы *жалеть* (кого) и *сочувствовать* (кому)). Валентность содержательная изучается в плане семантики — например, русский глагол *давать* предполагает субъект (агенса), объект давания и адресат давания (трехвалентный глагол). Содержательная валентность считается универсальной, тогда как формальная варьирует по языкам¹⁰. Наличие тех или иных валентностей, по словам В. Б. Касевича, «есть след-

ствие условий, которые необходимы, чтобы распространить данную словоформу до высказывания»¹¹.

Разграничивая валентность обязательную и факультативную, мы должны обращать внимание на то, имеем ли мы дело с содержательным или формальным планом. Факультативное в формальном плане дополнение может быть обязательным в содержательном плане. В предложении *Он сейчас рисует* (то есть 'занят рисованием') прямое дополнение отсутствует и, следовательно, формально необязательно. Но в содержательном плане оно предполагается, то есть обязательно.

Валентность глаголов движения имеет свою специфику. Дополнение со значением пространственной координаты у этих глаголов может быть факультативным для глаголов другого лексического значения. Сравним предложения *Дети играют во дворе* и *Он поехал в Крым*. Если в первом предложении опустим группу *во дворе*, выполняющую функцию обстоятельства, то остальная часть образует полное предложение, во втором же — без дополнения в *Крым* предложение получилось бы неполным. Мы совершенно согласны с мнением В. Б. Касевича, что обязательная валентность — это «требование слова употребить вместе с ним какое-то другое слово, иначе данный фрагмент текста будет неполным, эллиптическим, ущербным»¹². Например, в предложении *Иван находится в комнате один* слова *Иван*, *в комнате* употреблены по требованию значения глагола *находиться*, а слово *один* допускается этим значением и реализует его факультативную валентность.

В лингвистической литературе проблема валентности глагола до сих пор не получила единого решения. Одни ученые считают, что количество валентностей глагола зависит от числа актантов, то есть синтаксем, обозначающих обязательных участников ситуации глагола¹³. Другие учитывают все возможные позиции при глаголе как его валентности, выделяя среди них факультативные¹⁴. Мы условимся определять количество мест глагола по предметным (обязательным и необязательным) актантам глагола-сказуемого.

В индонезийском языке среди актантов глаголов движения различаются подлежащее и дополнения. Выделяются два формальных типа дополнений — предложное и беспредложное. Изучение сочетаемости глаголов движения с различными предлогами и является одной из задач настоящей работы.

Индонезийские глаголы движения делятся на переходные и непереходные. У тех и других имеются свои характерные особенности, которые сказываются в их моделях управления, в связи с чем мы будем рассматривать их по отдельности. Приведем краткую грамматическую справку.

Переходные глаголы включают словоизменительные префиксы залога и основу — корневую либо аффиксальную. Префиксов залога три: *meN-* активного залога, *di-* и нулевой префикс — пассивного залога (*men-dengar* ‘слышать’, *di-dengar*, *dengar* (= \emptyset -*dengar*) ‘слышаться’) ¹⁵. Префикс *di-* используется при субъекте 3 лица, нулевой — преимущественно при субъекте 1 и 2 лиц. Активная форма сочетается с лично-местоименными энклитиками *-ku* ‘меня’, *-mu* ‘тебя’, *-nya* ‘его, ее’ в значении объекта действия и функции прямого дополнения: *mendengar-nya* ‘слышать его/ее’. Пассивная форма с префиксом *di-* сочетается с энклитикой *-nya* в значении субъекта действия и функции агентивного дополнения: *di-dengar-nya* ‘слышится им / ею’. В том же значении и той же функции с нулевой пассивной формой сочетаются лично-местоименные проклитики *ku-* ‘мной’, *kau-* ‘тобой, вами’: *ku-dengar* ‘мной слышится’, *kau-dengar* ‘тобой/вами слышится’. Вместо энклитик в тех же позициях могут использоваться полные личные местоимения и существительные.

Аффиксы основы глагола (деривационные) указывают на характер переходности и у многих глаголов — на семантику прямого дополнения. Из этих аффиксов мы рассмотрим наиболее употребительные — суффиксы *-kan* и *-i*.

Непереходные глаголы в морфологическом плане могут быть корневыми — то есть состоять из одной корневой морфемы — и аффиксальными. Аффиксы указывают на семантику глагола (непереходность, акциональность и пр.), у части глаголов — на наличие при глаголе дополнений и на их семантику и синтаксическую сочетаемость. Префикс *meN-* (совпадает с показателем активного залога переходных глаголов) указывает на активность действия, *ber-* — на непереходность, *ter-* — на неконтролируемость действия или результативное состояние; конфикс *ber-* *-an* — на множественность действия и его участников: *men-didih* ‘кипеть’, *ber-kuda* ‘ехать на лошади’ (*kuda* ‘лошадь’), *ber-juang* ‘бороться’, *ter-sandung* ‘спотыкаться’, *ber-lari-an* ‘бегать’ (о многих лицах, в разных на-

правлениях). Имеются и другие аффиксы. Непереходные глаголы не имеют словоизменения по залогам и не сочетаются с лично-местоименными клитиками в функции дополнений.

Некоторые индонезийские глаголы движения образованы от прилагательных. Индонезийские прилагательные объединяются с глаголом в класс предикатива по признакам синтаксической и аффиксальной валентности. Большинство прилагательных в исходной форме (положительной степени сравнения) — корневые слова.

Удвоение корня глагола и прилагательного означает множественность и разнообразие действия и может иметь другие, более или менее сходные значения (подробнее см. работы, указанные в примеч. 1).

1. Непереходные глаголы движения

1.1. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Корневые непереходные глаголы движения немногочисленны (около 40), в частности: *balik*, *kembali*, *pulang* ‘возвращаться’, *bubar*, *bubar* ‘расходиться’, *datang*, *tiba* ‘приходить, приезжать’, *jatuh* ‘падать’, *kabur* ‘убегать, удирать’, *keluar* ‘выходить, выезжать’, *lewat* ‘проходить’, *maju*, *mara* ‘двигаться вперед’, *singgah*, *mampir* ‘заходить, заезжать (на время)’, *masuk* ‘входить, въезжать’, *muncul* ‘появляться, возникать’, *oleng* ‘качаться’ (о лодке), *pergi* ‘идти, ехать, уходить, уезжать’, *rebah*, *roboh*, *rubuh* ‘рухнуть, валиться’, *runtuh* ‘рушиться, обваливаться’, *sampai* ‘доходить, доезжать’, *surut* ‘отступать’ (также о воде), *tampil* ‘выступать (вперед)’, *terbang* ‘лететь’, *terjun* ‘прыгать вниз’, *timbul* ‘всплывать; возникать’, *tumbang* ‘валиться, падать’ (обычно о дереве). Хотя перевод этих корневых глаголов выше почти везде дан в форме несовершенного вида, в тексте они часто соответствуют совершенному виду: *pergi* ‘пойти, уйти, поехать, уехать’, *terbang* ‘полететь, улететь’ и т. п.

Другая часть непереходных глаголов движения — аффиксальные (их всего в нашем материале около 120). Они образованы от корней различных других классов с помощью префиксов *ber-*, *meN-*, *ter-* и конфикса *ber-* *-an*. От относительно немногих корневых глаголов движения образованы с помощью аффиксов дру-

гие непереходные глаголы движения, отличающиеся от исходных в плане аспектуальности и акциональности, неконтролируемости или других компонентов значения: lari 'бежать (сов. и несов. вид), убежать' — berlari 'бежать (несов. вид); побегать', turun 'спуститься; спускаться (неоднократно)' — menurun 'спускаться' (процесс), jatuh 'упасть' — terjatuh 'упасть нечаянно / неожиданно', datang 'прийти, приехать, явиться; приходиться, приезжать, являться (неоднократно)' — berdatangan 'приходить, прийти с разных сторон, сходиться, сойтись, съезжаться, съехаться' (о многих лицах, предметах или явлениях — письмах, приветствиях и др.). Отдельные однокоренные глаголы движения с префиксом принадлежат литературному, а без префикса — устно-разговорному стилю: berjalan 'идти, ходить' — jalan (то же, разг.).

1.2. ЗНАЧЕНИЯ СПОСОБА И НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ

Характерное отличие индонезийских непереходных глаголов движения от русских, как видно по некоторым переводам выше, состоит в выражении семантики способа движения и направленности движения. У индонезийских глаголов направленного движения обычно не различаются движение пешком и на каком-либо транспортном средстве, как это характерно для русских глаголов (*приходить* — *приезжать* и т. п.). Уточнение движения на транспортном средстве по-индонезийски чаще реализуется соответствующим сочетанием: datang dengan mobil 'приехать на автомобиле' или глаголом с префиксом ber-, производным от существительного — названия средства передвижения: bermobil 'ехать на автомобиле (управляя им)' (ср. berkuda выше). Также возможно сочетание (группа) глаголов, один из которых выражает направление, а второй (последующий) — способ движения: datang berlari 'прибежать' (букв.: прибыть + бежать).

Направление движения у русских глаголов выражается приставками (*входить*, *выходить*, *переходить* и др.), а в индонезийском языке входит в значение корня глагола — корневого (см. naik, pulang и др. выше) либо аффиксального (например, menukik, menungki (варианты корня: tukik / tungkik) 'двигаться вертикально вниз; пикировать'). Другой способ выразить направление движения — глагольная группа, где один глагол обозначает движе-

ние без указания направления, а второй — глагол направленного движения, — служит своего рода модификатором¹⁶. Кроме того, направление движения может содержаться в корне глагола с префиксом meN-, образованного от имени, обозначающего в данном случае конечный пункт или ориентир движения: darat 'суша' — mendarat 'приземляться; приставать, причаливать', pinggir, tepi 'край' — meminggir, menepi 'отходить к краю/обочине, сторониться', langit 'небо' — melangit 'подниматься к небу', angkasa 'небеса; космос' — mengangkasa 'взлетать высоко; выходить в космос', orbit 'орбита' — mengorbit 'выходить на орбиту'.

1.3. УЧАСТНИКИ СИТУАЦИИ ДВИЖЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ АКТАНТЫ

Участники ситуации глаголов движения: субъект движения; исходный, промежуточный и конечный пункты движения; адресат — лицо, к которому движутся; область движения (пространство, в котором оно совершается); средство передвижения (транспорт). Сочетаемостью глагола с названными участниками определяется общая количественная валентность (местность) глагола, включая обязательную и факультативную.

У непереходных глаголов субъект движения выражен подлежащим, а остальные участники ситуации — дополнениями, большей частью предложными, но иногда беспредложными (возможно чередование тех и других без существенного изменения семантики предложения). Встречаются глаголы одноместные, двухместные, и, значительно реже, трехместные.

- (1a) Anak itu *merangkak* 'Этот ребенок *ползет*' (одноместный глагол);
- (2) ibu Hadijah *terhuyung* dari dapur (Sn 17) '*шаптаясь*, тетушка Хадиджа [вышла] из кухни' (двухместный глагол);
- (3) Dirumah masih *berdatangan* undangan dari para pembesar Pribumi setempat (PAT 142) 'В дом все еще *поступают* приглашения от местных туземных начальников' (трехместный глагол).

Словообразовательная структура у глаголов движения связана с их валентностью и моделями управления. В приведенных выше глаголах mendarat 'приземляться, приставать', menepi 'отходить

к краю' и им подобных уже содержится указание места, куда направляется данный субъект, и повторное указание на место в виде дополнения или обстоятельства необязательно или излишне. В семантике других глаголов такого указания нет и они, естественно, нуждаются в уточнении: *naik* — 1) 'подниматься' (в гору, по лестнице, в воздух и пр.), 2) 'садиться' (на транспортное средство); *turun* — 1) 'спускаться, сходить' (с горы, с крыши и пр.), 2) 'выходить' (из транспортного средства), *menukik* 'пикировать' (к земле, к воде, к лесу и пр.). Сравним следующие примеры:

- (4a) *Aku dan Suurhof turun dari tangga, naik ke kereta* (PAT 40)
'Я и Сюрхоф сошли с лестницы, сели в экипаж.'
(5) *Ketika pasukan serdadu masuk ke dalam kampung itu, orang kampung menepi* (MO, 129) 'Когда воинская часть вступила в деревню, сельчане отошли на обочину.'

В (4a) группы *dari tangga* 'с лестницы' и *ke kereta* 'в экипаж', в (5) группа *ke dalam kampung* 'в деревню' — необходимые компоненты семантики предложения. Так, предложение (4b) является неполным, не законченным ни в синтаксическом, ни в семантическом плане:

- (4b) *Aku dan Suurhof turun* 'Я и Сюрхоф сошли.'

Вместе с тем такое предложение возможно в диалоге, когда значение актанта ясно из контекста и ситуации (см. (17–24) ниже). В индонезийском предложении пропуск актантов в значении эллипсиса, то есть неупоминания, эквивалентного личному или указательному местоимению, вообще очень обычен. Пропуск второго актанта, помимо эллипсиса, может иметь и другое значение — неопределенности, неизвестности этого актанта говорящему или обоим собеседникам. Два этих значения пропуска соответствуют обязательной и факультативной валентности. Эллипсис — это пропуск обязательного актанта, а неопределенность — факультативного. В большинстве случаев контекст позволяет установить, вид пропуска и тем самым определить обязательный или факультативный характер валентности на данный актант (ср. ниже).

В таблице 1 знаком <+> отмечена возможность эллипсиса актантов со значением исходного и конечного пункта движения у непереходных глаголов и знаком <-> — возможность пропуска тех

же актантов со значением неопределенности (перевод — в форме сов. или несов.вида).

Таблица 1. Обязательные и факультативные валентности непереходных глаголов (значения исходного и конечного пункта)

I актант	«Откуда?»	Глагол	«Куда?»
Amir 'Амир'	–	<i>datang</i> 'прийти, прибыть'	+
“	+	<i>pergi</i> 'уйти, уехать'	–
“	+	<i>turun</i> 'спуститься'	–
“	+	<i>naik</i> 'подняться'	–
“	+	<i>pindah</i> 'перейти, переехать'	–
“	–	<i>sampai</i> 'дойти, доехать'	+
“	–	<i>lari</i> 'бежать'	–
“	–	<i>merangkak</i> 'ползти'	–
“	–	<i>berjalan</i> 'ходить, идти'	–
“	–	<i>beringsut</i> 'передвигаться сидя'	–
apel 'яблоко'	–	<i>berjatuhan</i> 'падать' (много предметов)	+
tamu 'гости'	–	<i>berdatangan</i> 'прийти с разных сторон'	+

Если для смысловой законченности предложения глагол как в семантическом, так и в синтаксическом плане не нуждается в указании ни исходного, ни конечного пункта движения (пропуск означает не эллипсис, а неопределенность), то такой глагол нужно признать одновалентным (значения промежуточного пункта и области движения почти при всех непереходных глаголах факультативны). Как можно заметить из таблицы 1, обязательность выражения либо исходного, либо конечного пункта движения характерна для глаголов направленного движения, соответствующих по значению русским глагольным приставкам *в-*, *вы-*, *до-*, *от-*, *под-* и др.

1.4. ОДНОВАЛЕНТНЫЕ НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Одновалентные глаголы движения делятся на два типа.

К первому типу относятся глаголы с невыраженной ориентацией движения. Они обозначают способы и состояния движения, не требуя указания на то, откуда и куда, а также где и через какой промежуточный пункт оно совершается. В предложении может быть предложное дополнение, но оно не связано с обязательной валентностью. Сюда относятся, например, глаголы *berjalan* (разг.

вариант jalan) 'ходить', oleng 'качаться', terbang 'лететь', beterbangan 'летать' (о множественном субъекте), mengalir 'течь', mengimbak-imbak 'болтаться в воздухе', menjalar, melata 'ползти' (о змее и т. п.), berjingkrak-jingkrak 'подпрыгивать, скакать', menjungkir 'кувыркаться', melangkah 'шагать', melompat 'прыгать', merangkak 'ползти, двигаться на четвереньках', melambung 'взлетать', lari, berlari 'бежать, бегать', mendayung 'грести', berkuda 'ехать на лошади', berpacu 'нестись, мчаться', berlayar 'плыть по воде' (на судне и пр.), berperahu 'плыть на лодке', berakit 'плыть на плоту', berenang 'плыть, плавать' (с помощью рук и ног), bersepeda 'ехать на велосипеде', melayang 'парить', terapung-arung 'держаться на воде'. Пример:

(6) Bola itu *melambung* 'Этот мяч *взлетает вверх*'.

В предложении одновалентные глаголы часто сопровождаются сирконстантами: обстоятельствами времени, образа действия и другими, в которых содержится основная информация данного высказывания:

- (1b) Anak itu *merangkak cepat* 'Это ребенок *ползет* быстро';
 (7a) Gadis itu *berenang berjam-jam* 'Эта девушка *плавает* целыми часами';
 (8a) Orang sakit itu *melangkah pelan-pelan* 'Этот больной *шагает* медленно';
 (9) Anak-anak *menjingkrak-jingkrak* kegirangan 'Дети *скачут* от радости';
 (10) Kapalnya *oleng* karena ombak (KU 626) 'Судно *качается* на волнах' (букв.: из-за волн).

Одновалентные глаголы могут зависеть от другого глагола, модального либо сходного с ним:

- (7b) Gadis itu pandai *berenang* 'Эта девушка хорошо *плавает*' (букв.: умеет плавать);
 (8b) Orang sakit itu *melangkah* pun tak bisa, apalagi berjalan 'Этот больной даже *шагнуть* не может, тем более ходить'.

Ко второму типу относятся упомянутые выше глаголы, образованные от существительных, обозначающих конечный пункт или ориентир движения: mendarat 'приземляться; приставать, причаливать', meminggir, menepi 'отходить к краю, сторониться', melangit

'подниматься к небу', mengangkasa 'взлетать высоко' и т. п. Они вообще не нуждаются в дополнении, выражающем конечный пункт движения, но все же он может быть конкретизирован в предложении, например, при глаголе mendarat:

(11) Garuda hari ini *mendarat* di Dili (IM 6) '[Самолет компании] «Гаруда» сегодня *приземлился* в Дили'.

К одновалентным можно отнести и глагол pulang 'возвращаться домой'. В отличие от синонимичных глаголов kembali, balik 'возвращаться', этот глагол содержит в своем значении указание на конечный пункт, хотя и допускает сочетание с обозначением последнего.

(12) Dia *pulang* ke Moskow 'Он *вернулся* в Москву'.

В данном предложении подчеркивается не значение места, а то, что субъект движения — москвич, что он возвращается домой. Поэтому, на наш взгляд, данная валентность является необязательной.

1.5. ДВУХВАЛЕНТНЫЕ НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

1.5.1. Валентность и эллипсис

Основная масса глаголов движения — двухвалентные, их в нашем материале около 110. Укажем некоторые из них, не упомянутые в разделе 1.3: membelok 'поворачивать', menuimprang 'уклоняться, двигаться в сторону', mendekati 'подходить, приближаться', menghambur 'сыпаться, бегать' (о множественном субъекте), menghindar 'отходить', menghinggar 'садиться' (о птицах, насекомых), beranjak 'сниматься с места', bergegas 'торопливо идти', berkelana 'странствовать', berkeliling 'идти вокруг, обходить', bertualang 'скитаться', tergelincir, terpeleset 'поскользнуться', terhuyung 'идти шатаясь', terjatuh 'неожиданно упасть', terjerumus 'упасть ничком', terperosok 'провалиться', bergelandangan 'бродяжничать', berkeluyuran 'слоняться', bepergian 'путешествовать', bersebaran, bertebaran 'распространяться, рассеиваться', bertaburan 'разлетаться, рассыпаться'. Примеры:

(13) Darsam *terlonjak* dari jongkoknya (PAT 266) 'Дарсам *вскочил* с корточек'.

- (14) nenek-moyang Indonesia yang pertama *berdatangan* dari daratan Asia (TI 35, 33) ‘Первопредки индонезийцев *прибывали* с азиатского континента.’
- (15) Tropez dan orang-orang Fretilin *bertebaran* dari truk (IM 2) ‘Тропес и фретилинцы *врасыпную бросились* с грузовика.’
- (16) Kami *bergulingan* berdua di atas karpet dan tertawa bergelak-gelak (K 104, 56) ‘Мы *катались* вдвоем по коври и хохотали.’

Валентность глагола движения на второй актанта (дополнение) не всегда выражается синтаксически, то есть сочетание глагола движения только с первым актанта (подлежащим) еще не означает, что мы имеем дело с одновалентным глаголом. Второй актанта может быть опущен в порядке эллипсиса, поскольку ясен из контекста. Если он необходим для полноты смысла предложения, то глагол должен считаться двухвалентным, несмотря на возможность эллипсиса (ср. (17ab)).

- (17a) Sabir *datang* kepadaku (AR, 566) ‘Сабир *пришел* ко мне.’
- (17b) Tamu kita sudah *datang* (K 104, 55) ‘Наши гости уже *пришли*’ (= пришли сюда, к нам).

Аналогичные эллиптические пропуски второго актанта допустимы и при других двухвалентных глаголах.

- (18) Ketika Alam *pergi*, Mira perlahan-lahan membuka pintu (PI-50 42) ‘Когда Алам *ушел*, Мира потихоньку открыла дверь комнаты.’
- (19) Gemius pun *turun*, latihan bubar (PI 50, 27) ‘И Гемиус *вышел* [из самолета], тренировка закончилась.’
- (20) Perkiraan-perkiraan sulit membuatnya, karena tidak semua pekerja *pindah* secara legal (M 12, 6) ‘Трудно составить подсчеты, так как не все работники *переехали* [туда] легально.’
- (21) “Kau jadi segera *berangkat*?” “Ya, mammi, aku harus *berangkat*” (AR, 248) ‘«Ты действительно тотчас *уезжаешь*?» «Да, мама, я должен *ехать*».’

Эллипсис второго актанта типичен, если глагол движения, как в примере (21) выше, зависит от модального или другого глагола.

- (22) Aku bukan *mau pergi*. Tapi aku mau pulang...Pulang ke tanah leluhurku (K 104, 63) ‘Я не то что *хочу уехать*. А я хочу вернуться. Вернуться на землю моих предков.’

- (23) Untung Erlangga dan Rudi *keburu datang* (PI 50, 27) ‘К счастью, Эрлангга и Руди *успели прийти*.’
- (24) Katanya ia tak setuju dengan hukum adat yang akan membunuh anak itu, tetapi tak *mau minggat* (F 41, 99) ‘Говорят, он не согласен с обычаем, который требует убить этого ребенка, но не *хочет бежать* [куда-нибудь].’
- (25) Aku *terpaksa mendekat*, takut kalau dia meneriakkan namaku (Sn, 234) ‘Я *был вынужден подойти* [к ней], боясь, что она выкрикнет мое имя.’

В отличие от этого глагол *melangkah* ‘шагать’ не требует других актанта, кроме субъекта, то есть является одновалентным.

- (26) Tak mau dia *melangkah* lagi, berat kaki seperti diganduli batu (F 41, 87) ‘Не хочет он больше *шагать*, ногам тяжело, как будто к ним привязаны камни.’

То же относится к глаголу *lari* ‘бежать’, употребленному в значении способа движения.

- (27) Mereka *lari* dan *lari* dan *lari*... Hanya *lari* dan *lari* yang mereka bisa (PAT, 64) ‘Они *бежали*, (и) *бежали* и *бежали*...Только бежать и бежать они были в состоянии.’

В рассматриваемом материале изредка встречаются трехместные глаголы. При них заполнены по две позиции, помимо позиции субъекта, но обязательную валентность реализует только одна из них.

- (28a) Pamanku *pindah* ke Amerika dari Bandung ‘Мой дядя *переехал* в Америку из Бандунга.’
- (29a) Saya harus *pindah* dari Medan ke Jakarta ‘Я должен *переехать* из Медана в Джакарту.’

В (28a) и (29a) группы *ke Amerika* ‘в Америку’, *ke Jakarta* ‘в Джакарту’ (конечный пункт движения) могут быть опущены как факкультативные, см. табл. 1. Информативность предложения при этом уменьшается, но оно сохраняет смысловую законченность и остается синтаксически полным.

- (28b) Pamanku *pindah* dari Bandung ‘Мой дядя *переехал* из Бандунга.’

(29b) Saya harus *pindah* dari Medan ‘Я должен *переехать* из Медана’.

Группы, означающие исходный пункт, тоже могут быть опущены, но предложение становится неполным (исходный пункт известен обоим собеседникам и подразумевается).

(28c) Pamanku sudah *pindah* ‘Мой дядя уже *переехал*’.

(29c) Saya harus *pindah* ‘Я должен *переехать*’.

Таким образом, синтаксически трехместные глаголы — двухвалентные. Третий актант вводится как носитель дополнительной — или даже главной — информации. Рассмотрим таблицу 2, где знаком <+> отмечено обязательное выражение актанта со значением исходного или конечного пункта движения либо эллиптический пропуск этого актанта.

Таблица 2. Условия определения количественной валентности непереходного глагола

«Откуда?»	«Куда?»	Количество валентностей
–	–	Одновалентный
+	–	Двухвалентный
–	+	Двухвалентный

Обязательными, как выяснено выше, являются дополнения исходного или конечного пунктов движения при глаголах, обозначающих направленное движение — например, дополнение конечного пункта при глаголе *masuk* ‘входить’ и исходного при глаголе *keluar* ‘выходить’.

1.5.2. Предлоги

Предлоги, вводящие дополнения, делятся на следующие разряды.

1) Собственно предлоги: *di* ‘в, на’ (местоположение), *ke* ‘в, на’ (направление), *dari* ‘из, от’, *kepada* ‘к’ и др.

2) Сложные локативные предлоги — сочетания предлогов *di*, *ke*, *dari* с пространственными именами *atas* ‘верх’, *bawah* ‘низ’, *dalam* ‘внутренность’ и др.: *di atas* ‘на; над’, *dari bawah* ‘из-под’, *di antara* ‘между’. Среди этих предлогов мы особо отметим ниже предлог *ke dalam* ‘в, вовнутрь’. Сложные локативные предлоги могут употребляться

без последующего имени, уподобляясь наречиям (как рус. «вокруг», «позади»): *di bawah* ‘внизу’, *ke bawah* ‘вниз’, *dari bawah* ‘снизу’.

3) Отглагольные, внешне совпадающие с непереходными и переходными глаголами, от которых они образованы по конверсии. Отглагольные предлоги могут быть корневыми и аффиксальными: *sampai* ‘доходить’ > ‘до’, *lewat, melalui* (= *me-lalu-i*) ‘проходить’ > ‘через, сквозь’.

Дополнения с семантикой разных участников ситуации движения вводятся следующими предлогами: исходный пункт движения; лицо, находящееся в этом пункте: *dari, dari pada* ‘от, из’; конечный пункт и адресат движения: *ke, di* ‘в, на’, *pada, kepada* ‘к’, *ke dalam* ‘в (вовнутрь)’; промежуточный пункт движения: *dari, melalui, melewati, lewat* ‘через, сквозь’; область движения: *di, pada* ‘в, на, по’; средство передвижения: *dengan* ‘на’ (или рус. тв. падеж: *поездом*).

Как видно из этих соответствий, предлог *dari* употребляется в двух значениях — ‘от, из’ (исходный пункт движения) и ‘через, сквозь’ (промежуточный пункт движения).

Предлог *di* также неоднозначен. Он может вводить обозначение конечного пункта движения, чередуясь с предлогом *ke* и соответствуя русским «в», «на» с винительным падежом. Если предлог *di* вводит обозначение области движения, чередования с *ke* нет, а русскими соответствиями будут «в», «на» с предложным падежом или предлог «по» с дательным. Наряду с *di, ke* обозначение конечного пункта изредка может вводиться предлогом *pada*.

В употреблении предлогов *pada* и *kepada* ‘к’ при II актанте играет роль значение лица I и II актантов. Если один из этих актантов или оба они означают нелицо, допустим только предлог *pada*. Рассмотрим таблицу 3 (I актант — субъект, II актант — конечный пункт (место) или адресат).

Таблица 3. Условия выбора предлогов *pada* и *kepada* при выражении конечного пункта и адресата движения

I актант	II актант	<i>pada</i>	<i>kepada</i>
Лицо	Лицо	+	+
Нелицо	Лицо	+	–
Лицо	Нелицо	+	–
Нелицо	Нелицо	+	–

Примеры:

- (30) Anak itu *lari* kepada kakaknya ‘Ребенок *побежал* к своей сестре’;
 (31) Tamu *berdatangan* pada saya ‘Гости *приходят* ко мне’;
 (32) Apel *jatuh* pada saya ‘Яблоко *упало* на меня’;
 (33) Burung itu *terbang* ke tiang itu ‘Птица *летела* к этому столбу’;
 (34) Lampu *jatuh* pada meja itu ‘Лампа *упала* на стол’.

В таблице 4 приведены примеры сочетаемости непереходных глаголов с различными предлогами, вводящие дополнения определенных пространственных значений.

Таблица 4. Сочетаемость непереходных глаголов движения с предлогами при дополнениях пространственной семантики (примеры)

Семантика	Исходный пункт, лицо в исходном пункте		Промежуточный пункт		Конечный пункт, адресат				Область движения	
	1	2	1	3	4	5	6	7	8	5
Предлоги										
Глаголы										
bubar ‘расходиться’									+	
datang ‘приходить’	+	+	+	+	+		+		+	
oleng ‘качаться’									+	
mengangkasa ‘взлетать высоко’									+	
menjauh ‘удаляться’	+	+			+					
menyeludup ‘прокрадываться’	+			+	+					
berlari ‘бежать’	+	+		+	+		+	+	+	+
berperahu ‘плыть на лодке’	+			+	+				+	
terjatuh ‘упасть (нечаянно)’	+				+	+			+	
berpergian ‘путешествовать’	+			+	+					

1 — dari, 2 — daripada, 3 — melalui, melewati, lewat, 4 — ke, di, 5 — pada, 6 — pada, kepada, 7 — ke dalam, dalam, 8 — di.

Предложные дополнения реализуют обязательные и факультативные валентности глаголов. Обязательными, как выяснено выше, являются дополнения исходного или конечного пунктов при глаголах направленного движения — например, дополнение конечного пункта при глаголе masuk ‘входить’ и исходного при глаголе keluar ‘выходить’.

Для наглядности рассмотрим сочетания глагола datang ‘прибывать, приходить, приезжать, являться’ с разными предлогами. Обязательная валентность у этого глагола — на конечный пункт движения или адресат. При пропуске обозначения конечного пункта или адресата получается значение прибытия в место или прибытия к адресату, которые известны обоим собеседникам. Дополнение конечного пункта вводится предлогами di, ke ‘в, на’ без смыслового различия, дополнение адресата — предлогами pada, kepada ‘к’, также без смыслового различия.

- (35) Dia *datang* ke sekolah / di sekolah ‘Он *пришел* в школу’.
 (36) Kalau ada waktu dia *datang* pada temannya ‘Когда [у него] есть время, он *приходит* к своему другу’.
 (37) Kalau ada pertanyaan dia *datang* kepada gurunya ‘Когда [у него] есть вопрос, он *приходит* к своему учителю’.

В примерах (36) и (37) оба предлога употребляются в одном значении ‘к’.

Факультативны при этом глаголе дополнения, обозначающие исходный пункт движения, с предлогом dari ‘от, из, с’ и промежуточного пункта движения с отглагольным предлогом — например, melalui ‘через’:

- (38) Adik *datang* dari Jakarta ‘Брат *приехал* из Джакарты’;
 (39) Amir *datang* melalui hutan ‘Амир *пришел* через лес’.

Как показывают примеры, предложное дополнение обычно следует за глаголом. Возможна также позиция перед группами подлежащего и сказуемого:

- (40) Dan kalau *mengungsi*, ke mana mau *mengungsi*? (AR 261) ‘А если *эвакуироваться*, то куда *эвакуироваться*?’

Возможен также порядок «сказуемое — подлежащее — дополнение»:

- (41) *Sampailah* ia di muka rumah besar (AR 273) ‘*Дошел* он до большого дома’ (букв. «перед домом», сложный предлог di muka ‘перед’).

1.5.3. Предлоги и семантические подклассы глаголов

Предлоги, вводящие дополнения, распределены между глаголами различной семантики.

1.5.3.1. Предлог *ke*

Предлог *ke* присоединяет обозначение конечного пункта движения к широкому кругу глаголов:

- (42) *Larilah ke rumah bidan* (AR 252) ‘Беги в дом повитухи’;
- (43) *ibu terdesak ke dinding* (AR 260) ‘(Все сидели тесно друг к другу, и) мама была оттеснена к стене’;
- (44) *Anak-anak kecil tak henti-hentinya bersuruk-suruk ke sela-selanya* (AR 255) ‘Детишки непрерывно лазили в промежутки между ними [= ящиками]’;
- (45) *Kemudian pelan-pelan dia berjalan ke belakang kursi tempat Bawuk duduk* (AR 248) ‘Потом она медленно пошла за спинку кресла, в котором сидела Бавук’;
- (46) *tak lama lagi serbuk sari akan melekat ke kepala putik* (AR 252) ‘Скоро пыльца осядет на тычинки’ (*melekat* ‘приставать’).

Используются также сложные предлоги с первым компонентом *ke*:

- (47) *Lekas-lekas aku melompat ke atas sepeda* (PKor 22) ‘Поспешно я вскочил на велосипед’ (*atas* ‘верх’).

(См. также примеры (4а), (12), (22), (28)–(29)).

Сложный предлог без последующего имени выступает как самостоятельный член предложения (дополнение, обстоятельство места):

- (48) *Air matanya meleleh ke bawah* (AR 248) ‘Ее слезы стекали вниз’.

При части глаголов чередуются в этом значении предлоги *ke*, *di* (35). Не сочетается *ke* с глаголами, означающими: 1) движение на месте: *oleng* ‘качаться’; 2) движение без определенной цели: *berjalan-jalan* ‘прогуливаться’; 3) движение через промежуточный пункт: *lewat* ‘проходить’.

По общему правилу конечный пункт движения при предлоге *ke* — нелицо. Но есть исключение — обозначения обслуживаю-

щего специалиста, которые также могут вводиться предлогом *ke*: *pergi ke dokter / ke dukun* ‘пойти к врачу / к знахарю’¹⁷.

- (49) *Jangan pergi ke dukun, Nak* (AR 159) ‘Не ходи к знахарю, сынок’.

Некоторые глаголы с предлогом *ke* употребляются в переносном значении — например, *jatuh* ‘падать’ > ‘попадать’:

- (50) *jatuhlah segala rahasia jaringan itu ke tangan intelejens tentara* (AR 241) ‘Все секреты [подпольной] сети попали в руки военной разведки’.

1.5.3.2. Предлог *ke dalam*

Сложный предлог *ke dalam* ‘в, вовнутрь’ означает движение, которое ведет внутрь помещения или ограниченного пространства. Он сочетается с большинством глаголов движения, за исключением обозначающих: 1) движение на месте: *oleng* ‘качаться’; 2) движение без определенной цели: *berkeliaran* ‘слоняться’; 3) движение в разные стороны: *bersebaran* ‘расходиться, распространяться’.

Глаголы, сочетающиеся с предлогом *ke dalam*, обязательно сочетаются и с предлогом *ke*, но не наоборот, так как последний не всегда означает движение внутрь помещения в конечном пункте. Лишь при последнем значении эти предлоги чередуются:

- (51) *sebelum kita masuk ke dalam kamar* (Inet) ‘прежде чем мы войдем в комнату’ <...>;
- (52) *Paula masuk ke kamarnya* (F 39, 34) ‘Паула вошла в свою комнату’.

Глагол в сочетании с предлогом *ke dalam* может иметь переносное значение:

- (53) *papa Bawuk secara resmi belum pernah masuk ke dalam koran* (AR 241) ‘Имя Бавук официально никогда не помещалось в газетах’ (букв.: не входило).

Вместо *ke dalam* может использоваться *dalam*:

- (54) *Chevrolet itu /.../ akhirnya terperosok juga dalam kubangan* (Sn 101) ‘Этот «шевроле» в конце концов провалился-таки в лужу’;
- (55) *Ingin aku segera pulang dalam perlindungan rumah tanggaku* (PKor 22) ‘Мне очень захотелось скорей вернуться под защиту своего домашнего очага’.

Без последующего существительного предлог *ke dalam* означает направление движения в помещение:

- (56) “*Ke dalam kita duduk*” (AR 273), «[Зайдемте] в [дом], *посидим*», (сказала женщина);
(57) *ayah turun ke dalam* (AR 253) ‘Отец спустился внутрь [могилы].’

1.5.3.3. Предлог *dari*

Предлог *dari* в каждом из двух указанных значений — ‘из, с, от’ и ‘через, сквозь’ — сочетается с глаголами следующих семантических подклассов.

А. Значение исходного пункта движения.

Дополнение с этим значением и предлогом *dari* присоединяют глаголы: 1) способа движения: *lari* ‘бежать’, *melangkah* ‘шагать’; 2) начала и конца движения: *pergi* ‘уходить’, *datang, tiba* ‘приходить’, *pulang* ‘возвращаться домой’; 3) движения на транспортном средстве: *berperahu* ‘плыть на лодке’, *bersepeda* ‘ехать на велосипеде’. Вместо исходного пункта может выступать лицо, находящееся в некотором пункте начала движения:

- (58) *Dia lari dariku* (K 104, 63) ‘Он бежал от меня’;
(59) *Bawuk dapat keluar dari kepungan itu* (AR 239) ‘Бавук смогла выйти из окружения’;
(60) *Alangkah asing surat begitu datang dari Bawuk* (AR 225) ‘Как непохоже, [что] такое письмо пришло от Бавук’;
(61) *Kota ini bagaimana terangkat sepuluh senti dari tempatnya* (AR 260) ‘Наш (букв. этот) город точно подняло с места на десять сантиметров’ [от взрыва].

С предлогом *dari* не сочетаются глаголы, обозначающие: 1) движение на месте: *oleng* ‘качаться’, *mengimbak-imbak* ‘болтаться в воздухе’, *berlabuh* ‘становиться на якорь’; 2) движение к конечному пункту, от обозначения которого образован данный глагол: *melangit* ‘стремиться к небу’, *mengangkasa* ‘взлетать высоко’, *meminggir, meneri* ‘сторониться, идти на край’; 3) прибытие в пункт для временной остановки движения: *tampir* ‘заходить’.

Б. Значение промежуточного пункта.

В этом значении *dari* сочетается с глаголами: 1) способа движения: *terbang* ‘лететь’, *merangkak* ‘ползти’; 2) направленного движения: *naik* ‘подниматься’, *turun* ‘спускаться’, *masuk* ‘входить’, *keluar* ‘выходить’.

- (62) *Anak itu merangkak dari pintu belakang* ‘Ребенок ползет через заднюю дверь’.

Предлог *dari* в значении промежуточного пункта не сочетается с глаголами начала движения: *berangkat* ‘отправляться, уезжать’, *beranjak* ‘сниматься с места’. Если обозначение места в зависимости от контекста может относиться и к промежуточному, и к исходному пункту, то предлог *dari* не употребляется ввиду его неоднозначности. Вместо него используются однозначные предлоги *lewat, melalui, melewati* ‘через, сквозь’.

1.5.3.4. Предлог *daripada*

Предлог *daripada* присоединяет дополнение со значением лица, находящегося в исходном пункте движения, и сочетается с широким кругом глаголов способа движения и направленного движения: *pergi* ‘идти, уйти’, *minggat* ‘удирать’, *beranjak* ‘сниматься с места’, *lari* ‘бежать’, *menyingkir* ‘бежать, спасаться бегством’, *menghindar* ‘уклоняться, отходить в сторону’, *menjauh* ‘удаляться’.

- (63) *Pergi daripadaku* (Idr 26) ‘Уходи от меня’.
(64) *Siti lari daripada laki-laki itu* ‘Сити убежала от этого мужчины’.

В данном значении употребляется также предлог *dari* (60). Некоторые глаголы в сочетании с *daripada* употребляются в переносном значении. К ним относятся: *bertolak* ‘отталкиваться, отправляться’, *datang* ‘являться’, *keluar* ‘выходить’, *mundur* ‘отступать, двигаться назад’.

- (65) *Dia bertolak daripada pendapat yang lama* ‘Он отталкивается от прежних воззрений’.

Предлог *daripada* используется также в значении причины при переносном значении глагола *datang* ‘происходить’:

- (66) *Tindakan itu datang daripada pendapat yang salah* ‘Это поступок совершается (букв.: является, приходит) из-за неверного суждения’.

1.5.3.5. Предлог *di*

Предлог *di* вводит дополнения области движения при широком классе глаголов ненаправленного движения — например, *bergelandangan* ‘бродяжничать, шататься’, также при глаголах *lalu, lewat* ‘проходить, проезжать’:

(67) Mereka *lewat di* depan rumah saya ‘Они *проходят* перед моим домом’ (*depan* ‘перед’).

Некоторые из таких глаголов не сочетаются с другими предлогами — например, *bubar* ‘расходиться’, *buar* ‘расплываться’.

Предлог *di* сочетается также с рядом глаголов направленного движения в значении конечного пункта: *tiba* ‘прибывать’, *sampai* ‘доходить, доезжать’, *jatuh* ‘падать’:

(68) dua butir air /.../ *jatuh di* tanah kelahirannya (AR 261) ‘Две слезинки *упали* на ее родную землю’ (ср. (50));

(69) Satu-dua ekor kunang terbang *hinggap di* semak (AR 272) ‘Пара подлетевших светлячков села на куст’ (букв.: лететь + сесть).

Не сочетаются с *di* в этом значении другие глаголы направленного движения (приближения, удаления): *kembali* ‘возвращаться’, *mendekat* ‘приближаться’, *mundur* ‘отступать’, *menuju* ‘направляться’, *menyingkir* ‘отходить, уходить в сторону; спасаться бегством’, *menjauh* ‘удаляться’ и др.

1.5.3.6. Предлог *pada*

Предлог *pada* присоединяет дополнение со значением адресата (70) и конечного пункта (71) при глаголах направленного движения:

(70) Dua orang haji *datang padaku* dan berteriak (AR 157) ‘*Пришли* ко мне двое хаджи и крикнули’;

(71) Air mata berlinang, *meleleh pada* pipi mereka (AR 234) ‘Выступили слезы, *потекли* по их щекам’ (букв.: на щеки).

В отличие от предлогов *di, ke* предлог *pada* означает более ограниченный контакт — в частности, контакт с поверхностью области движения. Этот предлог используется и для введения дополнения конечного пункта в переносном (непространственном) значении ситуации движения:

(72) Sersan itu *sampai* pada giliran saya ‘Сержант *дошел* до моей очереди’.

5.3.7. Предлог *kepada*

Предлог *kepada*, как уже говорилось, присоединяет дополнение адресата при глаголах направленного и ненаправленного движения при условии, что субъект и адресат относятся к классу лиц:

(73) tentu aku akan *kembali* kepadamu (Idr 25) ‘Конечно, я *вернусь* к тебе’.

1.5.3.8. Предлогу *melalui, melewati, lewat*

Эти предлоги со значением ‘через, сквозь’ используются при глаголах направленного и ненаправленного движения, включая глаголы способа движения: *masuk* ‘входить’, *keluar* ‘выходить’, *melompat* ‘прыгать’, *bergeser* ‘подвигаться, сдвигаться’, *berlayar* ‘плыть (на судне)’, *bergerahu* ‘плыть на лодке’.

(74) Air *mengalir* melalui pancuran ‘Вода *течет* по бамбуковой трубке’.

1.5.3.9. Предлог *dengan*

Предлог *dengan* присоединяет дополнение, означающее средство передвижения и сочетается с глаголами направленного движения, означающими, как уже было сказано, движение как пешком, так и на транспорте.

(75) Tadi kami *datang* dari M. *dengan* bus (AR 235) ‘Мы сегодня *приехали* из М. на автобусе’.

1.5.3.10. Беспредложная связь

Вместо предложного дополнения при глаголах направленного движения и некоторых других встречается беспредложное:

(76) Ia *naik* langkan (AR 273) ‘Он *поднялся* на балкон’;

(77) Seorang berpeci putih *turun* langkan (AR 272) ‘С балкона *сошел* человек в белой шапочке’;

(78) Ia menyimpang *dengan* hati berdebar, *masuk* kebun (AR 272) ‘С бьющимся сердцем он пошел стороной, *вошел* в огород’;

- (79) Chevrolet tahun 50 [limapuluh]-an yang kami carter dari Tumpang beberapa kali *terperosok* lumpur (Sn 101) «Шевроле» пятидесятих годов, который мы наняли [на проезд] от Тумпанга, несколько раз *проваливался* в грязь»;
- (80) Mas Mamok dan Mas Tok, meskipun harus *lewat* jalan berliku-liku (AR 247) «Мамок и Ток, хотя им и пришлось *пройти* сложными путями, (все же добились хорошего положения в обществе)».

Возможно, такие конструкции образуются под влиянием разговорного стиля. Этот вопрос нуждается в исследовании. Сочетания с глаголом pindah «перемещаться, переезжать» образуют особую модель, в которой беспредложное дополнение означает одинаковые исходный и конечный пункты: pindah kereta «делать пересадку» (о поездах; kereta — сокращенно от kereta api «поезд»), pindah kapal (то же, о судах). С глаголом pulang сочетаются обозначения исходного пункта — pulang kantor, pulang kerja «возвращаться с работы» — или конечного пункта — pulang kampung «возвращаться в родные места» (kampung «деревня»; фразеологизм). Еще один вид беспредложного дополнения реализует факультативную валентность глагола: berjalan «идти, ходить» — berjalan kaki «идти / ходить пешком» (kaki «нога»).

1.5.4. Подклассы синонимичных глаголов

В рассматриваемом материале наблюдаются подклассы синонимичных глаголов, которые, как правило, сочетаются с одними и теми же предлогами. Так, глаголы со значениями «проникнуть», «скрытно/тайком войти» и сходными значениями употребляются с предлогами: dari «из, от»; ke «в, на» (с вин. пад.); ke dalam, dalam «в, во внутрь»; di «в, на» (с предл. пад.). К этим глаголам относятся: merembes «просачиваться, проникать», menyelinar «проскальзывать, пробираться», menyeludup / menyelundup «прокрадываться, пролезать», menyuruk «проползать, продвигаться согнувшись», menyusup «проникать, пролезать».

- (81) Anak-anaknya disuruhnya *menyuruk* ke dalam tempat tidur (KU 919) «Своим детям он велел *залезть* в постель».
- (82) Kapal yang sedang besarnya dapat *menyusup* ke bawah jembatan (KU 922) «Корабли средней величины могут *пройти* под мостом» (букв.: под мост).

С этими же предлогами сочетаются глаголы со значениями разного рода падения. К таким глаголам относятся: jatuh «падать», terjatuh «упасть нечаянно/неожиданно», tergelincir, terpeleset «поскользнуться», terjerembab «упасть ничком», terjerumus «упасть ничком; провалиться», terperosok «провалиться».

- (83) Di tengah-tengah paya-paya aku tak bisa mencari jalan, sebentar *terjerumus* ke dalam lumpur dan sebentar *masuk* ke dalam air (RB 7) «Среди заросшего болота мне было не найти дорогу, [я] то *проваливался* в грязь, то *попадал* (букв. входил) в воду».

Глаголы со значениями нецеленаправленного, непринужденного передвижения, сочетаются, как правило, только с предлогом di «в, на (с предл. пад.); по (с дат. пад.)». К этим глаголам относятся: berjalan-jalan «гулять», berkeliaran, berkeluyuran «бродить, шататься», bergelandangan «болтаться без дела; бродяжничать».

- (84) Akhir-akhir ini nampak bertambah banyak orang yang *bergelandangan* di jalan-jalan (KU 293) «В последнее время значительно прибавилось людей, которые *бродяжничают* на улицах».

Глаголы со значениями движения в разные стороны сочетаются с предлогами ke «в, на (с вин. пад.)» и di «в, на (с предл. пад.); по (с дат. пад.)». К этим глаголам относятся: menyebar «распространяться», bersebaran, bertebaran «распространяться», bertaburan «рассыпаться, рассеиваться», berhamburan «разлетаться, разбрасываться».

- (85) Pecahan dinamit *bertaburan* ke mana-mana (B3 5) «Осколки динамита *разлетелись* в разные стороны (букв.: повсюду)».

2. Переходные глаголы движения

В русском языке образование переходных глаголов движения от непереходных с помощью приставок связано с дополнительными значениями ориентации движения (*ехать* — *объехать*) и способа действия (*ходить* — *исходить*). В индонезийских переходных глаголах движения главная функция суффиксации — изменение управления глагола. В частности, переходные глаголы очень употребительны в пассивной конструкции с подлежащим объекта.

При этом глаголы с суффиксом -i сохраняют свое первоначальное значение движения¹⁸.

2.1. КОРНЕВЫЕ ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Корневые переходные глаголы движения различаются по семантике, валентности и управлению. Выделяются два подкласса этих глаголов.

1) Субъект действия глагола движется, но не приводит в движение объект действия. Объект действия при этом имеет три варианта значения:

а) место движения субъекта: -tuju 'направляться к' (чему-л.; объект = конечному пункту), -rañjat 'лезть, взбираться на' (дерево и т.п.), -daki 'всходить на' (гору и т.п.), -gaуар 'ползти по' (чему-л.; объект = области движения), -seberang 'переходить, переправляться через' (что-л.; объект = промежуточному пункту);

б) движущийся конечный пункт движения субъекта или лицо в этом движущемся пункте: -kejar 'преследовать', -susul 'следовать за, идти следом за' (кем / чем-л.), -kebut 'мчаться на обгон за' (кем-л.);

с) средство передвижения субъекта: -tumpang 'ехать на' (чем-л.), -bonceng 'ехать вместе с' (кем-л., на одном велосипеде / мотоцикле).

2) Субъект действия глагола приводит в движение объект, при этом возможны два варианта значения:

а) субъект также движется: -antar 'проводить, сопровождать', -bawa 'нести; вести; везти', -angkut 'перевозить, транспортировать', -bajak 'угонять', -bimbing 'вести за руку', -cangking, -jinjing 'нести в руке', -rasu 'гнать (во весь опор)', -pikul 'нести на коромысле', -seret 'тащить', -tuntun 'вести' (за руку, на поводку / на поводке);

б) субъект не обязательно движется: -angkat 'поднимать', -ayun 'качать', -dorong 'толкать вперед'.

Глаголы подкласса 1 — двухвалентные, имеют одну обязательную валентность на дополнение в активной или подлежащее в пассивной конструкции.

- (86) *Perlahan-lahan ia mendaki jembatan lintas* (RB 57) 'Он медленно поднимается по проезжему мосту'.
(87) *Kebetulan team Sus lewat langsung mengejar dan membekuknya* (MM 14.08.83, 4) 'Как раз отряд Сус проходил мимо и сразу погнался за ним] и поймал его'.

Глаголы подкласса 2 — двух- или трехвалентные. К двухвалентным относятся глаголы способа перемещения объекта: -pikul 'нести на коромысле', -gendong 'нести на руках' и т.п.

- (88) *Seorang dua temikul sayuran untuk dijual di Surabaya* (PAT 112) 'Один [или] два человека несли (на коромысле) овощи на продажу в Сурабае'.

Факультативные дополнения при таких глаголах могут обозначать то, с помощью чего перемещают объект, либо направление движения субъекта и объекта:

- (89) *Jim menggendong Jelka di bahunya* (Sn 268) 'Джим несет Джелку на плече'.

У глагола *mendorong* 'толкать' возможно факультативное дополнение со значением 'вперед', дублирующее значение самого глагола:

- (90) *Arman mendorong lemari itu ke depan* 'Арман толкнул этот шкаф вперед'.

Иногда глагол *mendorong*, обычно означающий 'толкать вперед' употребляется в несколько ином значении, утрачивая смысловый элемент направления. В таком случае на это указывает контекст с выражением иного направления:

- (91) *Ia mendorong emak ke samping* (RB 9) 'Он подтолкнул мать в сторону'.

Вопрос о количественной валентности у глаголов такого типа может решаться по-разному. С нашей точки зрения, обозначение этого направления реализует факультативную валентность, и глагол остается двухвалентным, но, возможно, для решения вопроса требуются дополнительные данные.

Трехвалентные корневые переходные глаголы в исследованном материале немногочисленны. Это глаголы подкласса 2а, обозначающие способ движения и нуждающиеся в указании направления

движения: -angkut 'перевозить', -bawa 'везти, нести', -rasu 'гнать (лошадь, автомобиль)', -seret 'тащить'.

- (92) Ia pun langsung *diangkut* ke rumah sakit (Int 222, 70)
'И он был сразу *перевезен* в больницу.'
(93) Dokter *membawa* kami ke kantor polisi Surabaya (PAT 119)
'Двуколка *везла* нас в полицейский участок Сурабаи.'
(94) Tanpa membantah Erlangga *tetasi* vespa ke luar (PI 50, 28)
'Не возражая, Эрлангга *выгнал* мотоцикл на улицу.'

Глагол -angkut 'перевозить', трехвалентный, может выступать и в четырехместной конструкции, присоединяя дополнение исходного пункта:

- (95) Kapal-kapal pesiar siap tiap hari *mengangkut* wisatawan ke pulau Samosir dari dermaga hotel tersebut (TI, 35, 30) 'Прогулочные катера каждый день готовы *перевозить* туристов на остров Самосир от пристани той гостиницы.'

Итак, большинство корневых переходных глаголов движения — двухвалентные. Трехвалентные — это те, предложения с которыми неполны без указания направления движения. Предлогов, вводящих дополнения при корневых глаголах, всего два: ke 'к, в, на' и dari 'от, из, с'. Последний встречается гораздо реже первого.

2.2. ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С СУФФИКСОМ -KAN

Число валентностей и употребление предлогов при глаголах с суффиксом -kan зависит от семантики корневых морфем, от которых образован глагол и принадлежности этих морфем к разным классам — существительным, прилагательным, непереходным и переходным глаголам¹⁹.

Глаголы, образованные от существительных jejak 'след, отпечаток', gelinding 'колесо' и других, в значении которых не содержится указание направления движения, присоединяют дополнение цели движения с предлогами di, ke.

- (96) Pesawat GARUDA mengurangi laju sehabis *menjejakkan* roda-rodanya di lapangan udara Polandia (TI 35, 27) 'Самолет «Гаруда» уменьшил скорость, как только *приземлился* (букв.: *отпечатал* свои колеса) на польском аэродроме.'

- (97) Melihat Supadmi tersangkut pada pohon di bawah sana, yang seorang turun dan *menggelindingkannya* lagi ke tempat yang lebih dalam (Mt 39, 9) 'Увидев, что Супадми там внизу зацепилась за дерево, один из них спустился и *прокатил* ее на более глубокое место.'

Глаголы, образованные от существительных pinggir 'край', pojok 'угол' и других, в значении которых содержится указание направления движения, обычно двухвалентны:

- (98) Lantas Linda *dipojokkan* dan diminta semua miliknya (Mt 216, 36) 'Затем Линду *загнали* в угол и потребовали [у нее] все ее имущество.'

Отдельные глаголы, означающие расстояние, — а именно, образованные от прилагательных jauh 'далекий', dekat 'близкий' — сочетаются с предлогами ke 'в, на' и dari 'от', вводящими обязательное дополнение, то есть трехвалентны:

- (99) Dia *menjauhkan* keluarganya dari tempat pertempuran
'Он *увез* (букв.: *удалил*) свою семью из района боев.'

Глаголы движения с суффиксом -kan, образованные от глаголов, обозначающих положение в пространстве — такие, как berbaring 'лежать', tidur 'спать', duduk 'сидеть, сесть', — присоединяют обязательное дополнение цели движения с предлогами di, ke, то есть трехвалентны:

- (100) Tiba-tiba tanpa diberitahukan apa-apa, saya diangkut ke sebuah bilik *dibaringkan* di atas meja pemeriksaan (MM 14.8.1983, 10)
'Вдруг без всякого предупреждения меня понесли в какую-то комнату [и] *положили* на смотровой стол.'

Самая большая группа глаголов движения с суффиксом -kan образуется от непереходных глаголов движения. Эти глаголы сочетаются с предлогами ke, di 'в, на', ke dalam 'в, вовнутрь', dari 'от', вводящими обязательное дополнение и, как правило, трехвалентны, несмотря на то, что третий актанта с локативным значением может опускаться. Например:

- (101) Ayahanda telah *mendatangkan* gamelan terbaik dari perunggu tulen dari kota T. (PAT 126) 'Отец *привез* из города Т. лучший'

набор музыкальных инструментов из чистой бронзы' (datang 'прибывать');

- (102) iman yang *memindahkan* gunung 'вера, что движет горами' (букв.: перемещает горы; pindah 'перемещаться');
- (103) Kancil *memasukkan* kakinya ke dalam air (B 28, 14) 'Канчиль опустил ноги (свои) в воду' (masuk 'входить').

Двухвалентными являются глаголы, образованные от переходных глаголов способа движения:

- (104) Pada waktu *melompatkan* kedua kuda tadi kuda itu meronta-ronta dan mendengus dengan galaknya (RR 84) 'Когда [я] заставлял обеих лошадей прыгать, эти лошади вырывались и злобно фыркали' (me-lompat 'прыгать');
- (105) Dengan demikian telah sejam lamanya mereka itu *melarikan* kudanya itu (DA 153) 'Таким образом они (уже) целый час гнали своих лошадей' (lari 'бежать').

Глаголы с суффиксом -kan, образованные от переходных глаголов melangkah 'шагать', mengayun 'качаться', menginjak 'ступать', сочетаются со словом kaki 'нога' (объект — часть тела субъекта). Эти словосочетания обозначают единое понятие и фактически равнозначны исходным переходным глаголам. Глаголы этого типа также трехвалентны, присоединяя дополнения с предлогами ke, di 'в, на' в значении конечного пункта:

- (106) Dia sempat juga *menginjakkan* kakinya di tanah Padang 'Он успел-таки ступить на землю Паданга'.

Глаголы с суффиксом -kan, образованные от переходных глаголов, немногочисленны. Суффикс в них не имеет каузативного значения. Они требуют прямого дополнения со значением лица и предложного с di, ke, означающего конечный пункт, то есть являются трехвалентными. В примере (107) используется пассивная конструкция:

- (107) Oleh sebab ia lebih kuat daripadaku, dapatlah aku ditangkapnya dan *dilontarkannya* ke bawah gunung ini (P 39, 14) 'Так как он был сильнее меня, я была им схвачена и сброшена под эту гору'.

Среди глаголов движения с суффиксом -kan, образованных от переходных и от переходных глаголов, присоединяющих возвратное местоимение diri 'себя', выделяются две семантические группы: 1) со значением конкретных физических действий; 2) со значением перемещения субъекта в пространстве. Все глаголы со значением конкретных физических действий — трехвалентны и сочетаются с предлогами di, ke, а также сложными предлогами ke dalam 'в, вовнутрь', di atas 'на' и др.:

- (108) Sampai di sana aku *hempaskan* diriku di atas perahu dengan kesal (F 41, 99) 'Добравшись туда, я в досаде бросился (букв.: бросил себя-мое) на [дно] лодки'.

Глаголы со значением перемещения субъекта в пространстве — двух- или трехвалентны. Двухвалентные образуются от глаголов способа движения:

- (109) Tapi sudah terlambat bagiku untuk kabur *melarikan* diri (VPI 324, 42) 'Однако мне уже поздно спастись бегством (букв.: исчезать + заставлять бежать себя)'.

Трехвалентным является, например, глагол в сочетании menjauhkan diri 'отдаляться, избегать', образованный от jauh 'далекий' и присоединяющий дополнение с предлогом dari 'от'.

Итак, глаголы движения с суффиксом -kan бывают как двухвалентными, так и трехвалентными. Двухвалентны глаголы, образованные от 1) существительных со значением места (-pinggirkan

Таблица 5. Трехвалентные переходные глаголы с -kan: примеры моделей управления с дополнением места

Исходный пункт	Конечный пункт	Примеры
dari 'от, из' (dari 'от, из') (dari 'от, из')		-jauhkan 'отдалять' -angkutkan 'перевозить' -bawakan 'нести, вести'
	di, ke 'на'	-jejakkan (roda) 'приземляться' (букв.: отпечатывать (колеса))
	ke dalam 'в = вовнутрь'	-masukkan 'совать, вкладывать'
	ke bawah 'под'	-lontarkan 'сбрасывать'
	di atas 'на'	-hempaskan (diri) 'бросать(ся)'

‘отводить на обочину’, -rojokkan ‘загонять в угол’); 2) непереходных глаголов способа движения (-lompatkan ‘заставлять прыгать’); 3) части непереходных и переходных глаголов, сочетающихся с местоимением diri ‘себя’ (-rebahkan diri ‘валиться’); другая часть таких глаголов относится к трехвалентным (-hempaskan diri ‘бросаться’).

Модели управления трехвалентных глаголов движения с суффиксом -kan можно показать на примерах таблицы 5 (в скобках — примеры предлогов, вводящих факультативные дополнения места).

2.3. ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С СУФФИКСОМ -I

Как и глаголы с суффиксом -kan, глаголы движения с суффиксом -i образуются от существительных, прилагательных, непереходных и переходных глаголов. В отличие от глаголов с -kan, у которых прямое дополнение или подлежащее в пассиве обозначает подвижный объект, глаголы с -i имеют другой круг объектов — неподвижных, которые обозначают место или ориентир движения²⁰. Именно поэтому все глаголы движения с суффиксом -i — двухвалентные. Прямое дополнение и пассивное подлежащее обозначают конечный пункт, промежуточный пункт или область движения.

(110) Setelah *menyusuri* jalan kampung tibalah kami di depan rumah Pak Amat (B 52, 12) ‘После того, как [мы] *прошли по* деревенской тропинке, мы пришли к дому дядюшки Амата.’

(111) Paulina hilang pada saat *menyeberangi* sungai itu (IM 3) ‘Паулина пропала, когда *переправлялась через* эту реку.’

(112) Pada malam yang gelap itulah ia meninggalkan tempat dengan *melangkahi* beberapa mayat temannya (IM, 3) ‘Именно в эту темную ночь он покинул [это] место, *перешагнув через* несколько трупов своих спутников.’

(113) Seluruh ceruk-ceruk warung minum di sekitar pelabuhan *kujela-lajahi* (Sn 244) ‘Я *исходила* все уголки чайных вокруг порта [но не встретила Мару] (букв.: **исхаживаются мною*.’)

Глаголы с суффиксом -i сочетаются с предложными группами со значениями исходного пункта или области движения, которые вводятся предлогами dari ‘от, из, с’, сложными предлогами dari

belakang ‘сзади’ (направление), di belakang ‘позади’ (местоположение), di samping ‘около’ и др. Но эти обозначения места — необязательные, и их следует считать обстоятельствами. При этом глаголы с суффиксом -i остаются двухвалентными:

(114) Seorang *melompatiku* dari belakang (F 39, 41) ‘Кто-то *прыгнул на* меня сзади’:

Прямое дополнение может быть опущено в порядке эллипсиса. В примере (115) при этом имеется предложная группа, дублирующая семантику глагола -buntuti ‘следовать за (кем / чем-л.)’. (Ср. о глаголе -dorong ‘толкать’ — пример (91)).

(115) Erlangga beberapa kali terpaksa mengerem vespa dan *membuntuti* di belakang (PI 50, 55) ‘Эрланга несколько раз был вынужден придержать мотоцикл и *следовать* [за ним] позади’.

Таким образом, основную массу переходных глаголов движения составляют двухвалентные. К ним относятся большинство корневых и все глаголы с суффиксом -i; в последних аффиксация не связана с повышением валентности. К трехвалентным относится часть глаголов корневых и с суффиксом -kan. У большинства их, а именно, означающих каузацию движения, аффиксация соотносительна с повышением валентности исходного глагола или прилагательного. Они требуют дополнений, вводимых целым рядом предлогов: ke, dari, ke dalam, ke bawah, di atas и др. Модели управления глаголов с суффиксом -kan более разнообразны, чем у глаголов с суффиксом -i.

В заключение надо отметить необходимость дальнейшего исследования валентности и моделей управления индонезийских глаголов движения и уточнения связи между их синтаксическими свойствами и аффиксальной деривацией. Данная статья представляет лишь один из первых шагов в этом направлении.

Источники

В ссылках одна цифра обозначает страницу, а в периодических изданиях первая цифра — номер издания, вторая — страницу.

AR — *Ajip Rosidi (ed.)*. Laut biru langit biru. Bunga rampai sastra Indonesia mu-takhir. Jakarta, 1977; B — Bobo. Jakarta.

DA — *Dumas A.* Dua puluh tahun kemudian. Diterjemahkan dan dipendekkan oleh N. St. Iskandar. Djakarta, 1953.

- F — Femina. Djakarta.
 IM — *Ircham Machfoedz*. Buaian jang hilang / Bonus Kartini 230. Pemenang keti-ga sajembara novelet KARTINI '83.
 Idr — *Idrus*. Dari Ave Maria ke Djalan lain ke Roma. Djakarta, 1959.
 Inet — www.tripadvisor.co.id/.../Burgundy/html. 27.09.2012).
 Int — Intisari. Jakarta.
 K — Kartini. Jakarta.
 KU — *Poerwadarminta W.J.S.* Kamus umum bahasa Indonesia. Djakarta, 1961.
 MM — Minggu Merdeka. Jakarta.
 MO — *Opl M.* Učebnice indoneštiny. Indonesian language. Praha, 1966.
 Mt — Mutiara. Jakarta.
 PAT — *Toer P.A.* Bumi manusia / Manus Amici. Holland. 1980.
 PI — Puteri Indonesia. Jakarta.
 PKor — *Toer P.A.* Korupsi. Bukittinggi — Djakarta, 1961.
 RB — Rumah baru dan tjerita-tjerita lain. Peking, 1957.
 RR — *Raspe R.E.* Baron von Munhhausen. Diterjemahkan oleh *Zuber Usman*. Djakarta, 1949.
 Sn — Senang. Edisi gemilang. Jakarta, 1981.
 SuaP — Suara Pembaruan. Jakarta.
 TI — Transtel Indonesia. Jakarta.
 VPI — Variasi PUTRA Indonesia. Jakarta.

Примечания

1. См.: *Алиева Н. Ф.* Соотношение словообразовательных и синтаксических функций глагольных аффиксов в индонезийском языке // Вопросы языкознания. 1963, № 2; *Оглоблин А. К., Холодович А. А.* Механизм изменения валентностей индонезийского глагола и место в нем основ с каузативным значением // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969; *Полозова Н. В.* О характере категории пассива в индонезийском языке // Вопросы сопоставительного и общего языкознания / Сб. статей. Унив-т Дружбы народов. М., 1969; *Кологривова С. В.* О некоторых семантико-синтаксических группах глаголов в индонезийском языке // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса / Отв. ред. Н. Ф. Алиева, Ю. Я. Плам. М., 1971 (глаголы давания и близких значений); *Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972; *Оглоблин А. К.* Синтаксис морфологического каузатива в индонезийском языке // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. 1973, № 2; *Оглоблин А. К., Холодович А. А.* Диатезы и залогов в индонезийском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974; *Алиева Н. Ф.* Индонезийский глагол. Категория переходности. М., 1975; *Оглоблин А. К.* Рефлексив и реципрок в индонезийском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1981; *Демидюк Л. Н.* Удвоение в предикативах индонезийского языка. М., 1987; *Dardjowidjojo S[oenjono]*. The meN-, meN-i and meN-kan verbs in Indonesian // Philippine Journ. of linguistics. 1971. Vol. 1, No 1; *Dardjowidjojo S[oenjono]*. Semantic analysis of *datang* in Indonesian // Nguyen Dang Liem (ed.). South-East Asian linguistic studies. Vol. 1. / Pacific Linguistics. Ser. C, No 31. Canberra, 1974.

О сущности диатезы и залога А. А. Холодович писал в предшествующей работе: «Диатеза — это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня», а «залог — это грамматически маркированная в глаголе диатеза». См.: *Холодович А. А.* Залог // Категория залога. Л., 1970. С. 13.*

2. *Алиева Н. Ф. и др.* Грамматика индонезийского языка. С. 273.
 3. *Кологривова С. В.* Ук. соч. С. 51.
 4. *Оглоблин А. К., Холодович А. А.* Механизм изменения валентностей индонезийского глагола ...
 5. *Оглоблин А. К., Холодович А. А.* Диатезы и залогов в индонезийском языке.
 6. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 105. — В отношении критерия отличия обстоятельства от дополнения будем придерживаться того, что пишет об этом С. М. Кибардина: «С точки зрения содержательной валентности компоненты, называющие место и направление при глаголах движения в пространстве (находиться, быть, быть расположенным, ехать, прибывать), являются дополнениями, а при всех прочих глаголах, не предполагающих своей семантикой аргумент с таким категориальным признаком, — обстоятельством» (*Кибардина С. М.* Основы теории валентности. Вологда, 1979. С. 43).
 7. *Касевич В. Б.* Ук. соч. С. 117.
 8. Там же, с. 96.
 9. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 1972. С. 196–197.
 10. *Кацнельсон С. Д.* К понятию типа валентности // Вопросы языкознания. 1987, № 3. С. 32.
 11. *Касевич В. Б.* Ук. соч., с. 97
 12. Там же, с. 96.
 13. *Храковский В. С.* Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974. С. 10; *Долнина И. Б.* Валентностные категории английского глагола. Автореф. докт. дисс. Л., 1982. С. 13.
 14. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 48. Ср. также: *Оглоблин А. К.* Мадурский язык и лингвистическая типология. Л. 1986. С. 57. В последней работе различаются обязательные и необязательные актанты. При анализе текста предложное словосочетание и группа существительного с определением (неделимые синтаксические группы) рас-
-
- * Вдобавок к работам, отмеченным автором, можно указать, в частности, следующие: *Алиева Н. Ф.* Порядок слов индонезийского простого предложения // Очерки типологии порядка слов / Отв. ред. *И. Ф. Вардуль*. М., 1989; *Ландер Ю. А., Крамарова С. Г.* Индонезийские глаголы плавания и их система // Глаголы движения в воде. Лексическая типология. Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: «Индрик», 2007; *Оглоблин А. К.* Грамматика индонезийского литературного языка. Изд-во СПбГУ, 2008. — Ред.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В российских японоведческих трудах и в зарубежных (в том числе — в японских) лингвистических работах уделяется значительное внимание словообразованию в современном японском языке (далее — СЯЯ), рассматриваются различные пути формирования новых лексем: аффиксация (суффиксация, префиксация), основосложение, конверсия и аббревиация. Значимость последней отмечают многие японские исследователи. Кубодзоно Х., рассматривая различные модели образования *рякуго* и анализируя возможные причины их появления в языке, говорит: «Мотивацией служит, в основном, стремление “экономить энергию”: утомительно каждый раз проговаривать длинное слово, следовательно наиболее употребимые единицы сокращаются»¹. Термин «аббревиатура» встречается в лингвистической литературе в узком и широком понимании, обозначая в первом случае лишь буквенные сокращения, а во втором — «не только все типы буквенных сокращений и сложносокращенных слов, но и различные усечения отдельных слов»², независимо от длины аббревиатурного звена (буква, морфема, произвольная часть морфемы). В нашей работе мы будем использовать термин «аббревиатуры» по отношению ко всем типам сокращенных единиц, наблюдаемых в СЯЯ.

Особую значимость имеет аббревиация и в процессе поэтапного вхождения иностранных слов — *гайкокуго* — в лексический состав японского языка: таких слов в настоящее время становится все больше и больше. Постепенно в семантической дистрибуции им начинает отводиться роль, сопоставимая с ролью исконно японских лексем, — а именно, обозначение понятий, предметов, новейших явлений, для которых десигнаты *ваго* или *канго* отсутствуют, и они переходят в разряд *гайрайго*, т. е. слов иностранного происхождения. Кроме того, подобным образом активно пополняются синонимические ряды.

Другой ученый, Исивата Т.³, отмечает, что сейчас, в эпоху, когда в японский язык приходит особенно большое количество заимствований из европейских языков, многие слова находятся в про-

смаатриваются как единый член предложения в модели управления. Подробнее о синтаксических группах индонезийского языка см.: Сирк Ю. Х. Структура группы существительного в индонезийском языке // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса / Отв. ред. Н. Ф. Алиева, Ю. Я. Плам. М., 1971; Алиева Н. Ф. и др. Грамматика индонезийского языка. С. 254; на материале родственного языка также Оглоблин А. К. Мадурский язык и лингвистическая типология. С. 51.

15. На префиксально-корневых границах обычны изменения. Префикс *meN-* имеет варианты *met-*, *men-*, *menp-*, *menq-*, *me-* в зависимости от первой фонемы основы, которая (фонема) сохраняется или выпадает. Упоминаемые ниже префиксы с конечным [r] имеют варианты без этого согласного, если корень глагола также начинается на [r], и в некоторых других случаях.

16. Квонг Лай Ю И. (Квонг И.) Модификаторы со значением направления движения в индонезийском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока / АН СССР. Институт востоковедения, Ленинградское отделение. XXII. Часть II. М., 1989.

17. Отмечено в: Оглоблин А. К., Холодович А. А. Диатезы и залого в индонезийском языке. С. 144.

18. Подробнее см.: Квонг Лай Ю И. Ук. соч.

19. Квонг Лай Ю И. (Квонг И.) Глаголы движения с суффиксом *-kan* в индонезийском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока / АН СССР. Институт востоковедения, Ленинградское отделение. XXI. Часть II. М., 1987.

20. Алиева Н. Ф. и др. Грамматика индонезийского языка. С. 151; Алиева Н. Ф. Индонезийский глагол. Категория переходности. С. 85–101.

цессе «японизации». Под этим следует понимать аббревиацию: иностранные слова, для которых характерно сочетание нескольких согласных подряд, попадая в СЯЯ, автоматически, в силу его особенностей, удлиняются путем вставки дополнительных гласных, с целью приспособления к фонетическому строю японского языка. Большинство полученных таким образом *гайрайго* естественным образом подвергаются последующей аббревиации, после чего они не превышают, как правило, 2–4 мор. Это считается оптимальной длиной, сопоставимой с длиной *ваго* и, в некоторой степени, *канго*. Однако в некоторых случаях длина *рякуго* может быть продиктована особенностями производящего слова. Если четвертой по счету стоит так называемая особая мора (долгий гласный, двойной согласный), то слово сокращается до длины в 2 или 3 моры: *опэ(рэ:сён)* вместо *опэрэ* ‘операция’, *тоирэ(тто)* вместо *тоирэт* ‘туалет’.

В ходе анкетирования, проведенного автором в Токио в 2004 г., большинство респондентов на вопрос о наиболее распространённых способах пополнения словарного состава японского языка дали следующие ответы: «Слова сокращаются и упрощаются»; «Произносить утомительно, поэтому уже существующие слова сокращаются»; «Наиболее популярны *рякуго*, поэтому сокращается все подряд». Из этого следует, что в современном японском языке наиболее распространённым словообразовательным способом может считаться аббревиация, вне зависимости от типа и происхождения производящей основы: на произнесение и запись длинного слова затрачивается больше времени и энергии. Это особенно неудобно, когда одно и то же слово приходится использовать очень часто. Как мы уже отмечали выше, самая подходящая длина для слов, встречающихся в повседневной речи, составляет 2–4 моры, а многие единицы, особенно имена собственные (названия различных учреждений, организаций), — это основосложные слова, длина которых может достигать 25 мор. Например:

Кокуруицу кокуго кэнкю:дзё → *коккэн* ‘Институт исследования японского языка’;

О:сака дайгаку бисэйбуцубё: кэнкю:дзё → *бикэн* ‘Лаборатория Осацкого университета, занимающаяся изучением болезней, вызванных микроорганизмами’;

Нихон энерги: кэйдзай кэнкю:дзё → *энкэн* ‘Центр исследования энергетического сектора экономики Японии’.

Названия учреждений сокращаются, как правило, до длины минимум в 3 моры. В противном случае, если получившаяся аббревиатура будет двуморной, может оказаться неясным, о чем идет речь: многие названия содержат одни и те же компоненты, и в результате сокращения до 2 мор станут омонимами. При необходимости усечения наименования до длины в 2 моры для избежания омонимии возможны, например, следующие варианты:

Дзэнкоку но:гё: кё:до: кумиаи тю:о:кай → *дзэнтю*: ‘Общество сельскохозяйственных профсоюзов Японии’;

Дзэнкоку но:гё: кё:до: кумиаи рэнго:кай → *дзэнно*: ‘Объединение сельскохозяйственных профсоюзов Японии’.

Вышеприведенные *рякуго* — примеры сокращений, к которым прибегают работники соответствующих организаций, вынужденные довольно часто использовать эти слова в своей речи.

Помимо необходимости упрощения слишком длинного слова существует и еще одно объяснение необычайной популярности *рякуго*. Это игра со словами, стремление в неофициальной ситуации отойти от строгих языковых норм, поддержать интерес у слушающего, придать речи живость, выразительность. В психологии и лингвистике существует представление о том, что, помимо значения, слово передает «символ», «образ». Во многом образность, символика зависят от звукового состава, от комбинации гласных и согласных, но не меньшую роль играет и продолжительность звучания, то есть длина слова. Как отмечает Кидори Т., выразительность возрастает по мере уменьшения количества слогов. В качестве примера он приводит префикс *тё:* и, в частности, его еще более краткий вариант *тё*. В японском языке существует немало синонимичных выражений со значением «чрезвычайно, очень» (*хидзё:-ни*, *тотэмо*, *сугоку* и т.д.), но наибольшее предпочтение в разговорной речи отдается *тё:*, поскольку «2-морный *тё:* — это звук, обладающий силой, в два раза превосходящей силу 4-морного *хидзё:-ни*»⁴. Выразительностью объясняется, следовательно, и причина популярности сокращенной формы слова по сравнению с полной. Мы можем предположить, что наиболее эффективным станет сокращение до 1 моры. Тем не менее подобные *рякуго* слишком малочисленны. В работе Исино Х.⁵ находим лишь два примера:

Сэнторау ри:гу → *сэ* ‘Центральная лига’;

Пасификку ри:гу → *па* ‘Тихоокеанская лига’.

Сюда же можно добавить и весьма часто встречающееся сейчас в разговорной речи омонимичное *па* от *па:сэнтто* «процент», однако это слово нельзя назвать типичным примером односложного *рякуго*, поскольку оно используется, как правило, в сочетании с числительным: *итипа* '1 процент', *нидзюппа* '20 процентов' и т. д.

Подытожив вышесказанное, мы можем сделать вывод о значительной роли аббревиации в СЯЯ, независимо от происхождения сокращаемой лексемы и сферы ее употребления.

Необходимость нашего исследования была обусловлена отсутствием работ, освещающих диахронические изменения в создании и использовании сокращений, а также работ, где бы в рамках синхронии рассматривались различия в появлении и употреблении аббревиатур в соотношении с тематикой текста. В основном имеющиеся на данный момент материалы о *рякуго* — это статьи в лингвистических энциклопедиях («*Нихонго бумпо: дайdzитэн*», «*Нихонго хякка дайdzитэн*») или труды, в которых *рякуго* рассматриваются синхронически с морфологической точки зрения, приводятся наиболее распространенные модели их образования — сокращение начала слова, конца слова и т. д. (Нисио Т. «*Рякуго-но ко:дзо:*» (1980), Исино Х. «*Рякуго-но дзо:гохо:*» (1993)), рассматриваются условия появления (Мориока К. «*Рякуго-но дзэ:кэн*» (1980)), стилистические особенности (Канно К. «*Масукоми гэнго-но сё:ряку хё:гэн*» (1993)).

Язык может проявляться в самых разнообразных сферах (выражение на письме: газета, журнал, книга; звуковое выражение: телевидение, радио), но для анализа сокращенных слов в СЯЯ нами были отобраны именно журнальные тексты, для которых явление аббревиации предположительно более характерно, чем, например, для газетных статей. Литературные произведения в силу значительной зависимости от стиля изложения и особенностей языка каждого конкретного автора также не дают объективное представление о существовании *рякуго* в СЯЯ. Язык телевидения и радио, в свою очередь, не может быть использован как объект исследования из-за затруднительности проведения диахронического сравнения. Таким образом, материалом для исследования стали тексты японских журналов; были взяты первая половина 3-х журналов разной тематической направленности («*Studio Voice*» — фотография, кинематограф, «*Vintage*» — мода, стиль, интерьер, «*Newsweek*» — общий) за июль 2006 года для анализа в рамках син-

хронии и выпуски одного журнала («*Nikkei business*») полностью за март 1986, март 1996 и март 2006 года для проведения диахронического сопоставления. Рассмотрим полученные результаты.

Общее количество слов в первой половине «*Studio Voice*», журнала наиболее узкой специализации из всех выбранных нами изданий, составило 15305 значимых единиц, 325 из которых — сокращения⁶. Здесь необходимо отметить, что в материал исследования нами не были включены рекламные статьи, а также записанные латиницей *гайрайго* (кроме случаев, когда такие *гайрайго* являются частью основосложного слова, появившегося уже в японском языке — например, *UHF-кэй*) и все слова, уже пришедшие в японский язык как аббревиатуры (TV, DVD и т. д.). Из общего числа (325) сокращенных слов в «*Studio Voice*» 277 (85.2%) — это специальная лексика, относящаяся к области кинематографа, мультипликации, фотографии: *анимэ* (от *анимэ:сён* 'анимация'), *кяра* (от *кяракута*: 'герой, действующее лицо'), *сирокуро* (от *сирокуро сясин* 'черно-белая фотография'), *сунанпу* (от *сунанпу сётто* 'снимок'), *вайдо* (от *вайдо рэндзу* 'широкая линза'). Отмечается разнообразие моделей аббревиатур: у простых слов — сокращение начальной ((*инта:*)*нэтто* 'интернет'), средней (*мини(а)тюа* 'миниатюра') и конечной части (*апури(кэ:сён)* 'приложение'); у сложных слов — сокращение конца первого компонента (*мэка(никку)/дэзаин* 'дизайн механики'), начала второго компонента (*кидо:/(бу)тай* 'маневренная группа'), середины второго компонента (*дзэ:си/ко:(ко:)сэй* 'ученица старшей школы'), отбрасывание второго компонента (*кара:/(сясин)* 'цветная фотография'), сокращение конечной части каждой из основ (*дзю:хаму(сай)/кин(си)* 'запрещено до 18-ти лет'), акронимы (*М(ainichi) В(roadcasting) S(ystem)* 'MBS'). Приведенные примеры моделей *рякуго* отчетливо показывают стремление аббревиации к концу слова/производящей основы независимо от морфологического типа лексемы.

В журнале «*Vintage*», подразумеваемом, как и «*Studio Voice*», довольно ограниченный круг читателей (в данном случае — молодежь 20–25 лет), на 10 454 слов первой половины номера приходится 112 сокращений, из которых 76 (67.9%) — терминология, относящаяся к тематике «мода, интерьер» — например: *акусэ* (от *акусэсари*: 'аксессуар'), *каттосо:* (от *катто эндо со:* 'майка'), *дайя* (от *дайямондо* 'бриллиант'), *фандэ* (от *фандэ:сён* 'основа под макияж'), *ТРО* (от *Time, Place, Occasion* 'соответствие стиля времени

и месту'). Большого разнообразия моделей *рякуго* не отмечается: отсекание конечной части у простых слов (*комби(нэ:сён)* 'комбинация'), редукция конца первой основы (*фураи(ингу)/пан* 'сковорода'), сокращение полностью второй основы у основосложных слов (*рибингу/(ру:му)* 'гостиная'), акронимы (*T(ime) P(lace) O(ccasion)* 'соответствие стиля времени и месту'), сокращение словосочетаний (*катто(эндо)со*: 'майка').

Третий из журналов, отобранных для синхронического исследования, «Newsweek», является наиболее общим по тематике публикуемых в нем статей. Из 7366 слов 86 являются аббревиатурами, из которых далее можно выделить (в порядке убывания) 24 слова (28%) по теме «терроризм», 17 (20%) — по теме «спорт», 9 (10%) — «политика», 7 (8%) — «торговля», 6 (7%) — «общественная деятельность», а также 22 лексемы (25%), тематическая классификация которых затруднительна. Из этого следует, что 3/4 всех встретившихся сокращений — это слова, имеющие четко выраженную принадлежность к определенной тематике. Из моделей *рякуго*, как в случае простых, так и в случае производных слов, в основном преобладают образованные путем сокращения конечной части слова/основы, независимо от морфемного шва: *дэмо* (от *дэмонсупорэ:сён* 'демонстрация'), *тихо:сэн* (от *тихо:/сэн-кё:* 'выборы на местах'), *сорэнгун* (от *собизэто сьякайсюги кё:ваоку / рэмпо: / гунтай* 'советские войска'), *W-хай* (от *ва:рудо хай* 'кубок мира').

Синхронический анализ сокращений *рякуго*, встречающихся в журнальной лексике, позволил сделать следующие наблюдения. В рассмотренных нами текстах, независимо от специализации, в основном встречаются аббревиатуры, образованные по модели «отбрасывание частично или полностью конца простого слова / конца компонента основосложного слова». С повышением степени специализированности текста возрастает процент *рякуго*, имеющих отношение к профессиональной лексике. В журналах общей тематики процент сокращений и их семантическая дистрибуция довольно сильно варьируются в зависимости от актуальности событий, происходящих на момент выхода номера в печать. В частности, из всего числа *рякуго* в «Newsweek» на втором месте после группы «терроризм» находится группа «спорт», — номер был выпущен в июле 2006 года, вскоре после проведения Кубка мира.

Перейдем к диахронической части исследования. Принимая во внимание неодинаковое количество страниц в номерах (от 100 до 200), нами было отобрано равное количество (19 000) слов за каждый месяц (март 1986 г., март 1996 г., март 2006 г.). Число сокращений *рякуго* составило 219, 301 и 435 слов соответственно, что дает основание сделать вывод об увеличении процентного соотношения аббревиатур в более поздних текстах, особенно за период с 1996 по 2006 год (приблизительно в два раза). Отмечается тенденция к возрастанию разнообразия моделей *рякуго*. В 1986 году встречается лишь один тип сокращенных простых слов — отбрасывание конечной части (например, *инфура(супоракутя:)* 'инфраструктура'), в то время как *рякуго* в номерах за 2006 год представляют уже большее количество словообразовательных моделей: сокращение начальной, срединной, конечной части, сокращение в двух местах. Классификация аббревиатур, образованных от основосложных слов, также значительно разнообразнее в 2006 году: наблюдаются частичное или полное отсекание по отдельности какой-либо из производных основ в составе слова (*эсутэ(тикку)сарон* 'салон красоты', *(мэмор:и)ка:до* 'карта памяти', *унко:дайя(гура:му)* 'график движения', *кома:сяру(мэссэ:дзи)* 'реклама', *тоирэ(ттонэ:на:)* 'туалетная бумага'), сокращение одновременно каждой из основ (*ко:(сэй)ро:(до:)сё* 'Министерство здравоохранения и труда'), сокращение в 3-х местах (*ка(тэй:ё)дэн(кисэйхин)* 'электротовары для дома'), акронимы (*J(apan) T(ourist) V(ureau)*) и сокращение словосочетаний (*Фую(-но) сона(та)* 'Зимняя соната').

Помимо наблюдающихся изменений в морфологическом строе аббревиатур *рякуго* в СЯЯ, рассмотренных выше, обращает на себя внимание и некоторая разница в их использовании в текстах, а также неравнозначность в семантическом соотношении «сокращенное слово — полная форма». Исследование показало, что для большого количества слов одинаково употребимы как исходный, так и сокращенный варианты: «усеченное слово... представляет разговорный или просторечный дублет полного базового слова»⁷. Однако многие лексемы, прочно вошедшие в состав СЯЯ как *рякуго* и практически уже не встречающиеся в разговорной речи в изначальной форме, могут все же быть употреблены в не сокращенном виде, в области специальной терминологии; при этом они обозначают какой-то конкретный предмет или историческое яв-

ление — например, *закондисэна:ё: кантан римокон* ‘простой пульт дистанционного управления для кондиционеров’ (в описании новой модели); *19 сэйки-но дэфурэ:сён-ва надзэ хадзимари, надзэ оватта но ка?* ‘Почему началась и закончилась дефляция в XIX веке?’ (в тексте о конкретном экономическом явлении). Наибольшее число примеров составляют *рякуго*, которые первоначально ограничены «стилистически, а также кругом употребляющих их лиц»⁸, но получили или постепенно получают широкое употребление.

Из всего материала для исследования были отобраны наиболее интересные примеры параллельного употребления *рякуго* и полной формы и рассмотрены с точки зрения диахронических изменений: *анимэ* и *анимэ:сён* (‘аниме’ и ‘анимация’), *кара:контакуто* и *кара:контакуто рэндзу* (‘цветные контактные линзы’), *комбини* и *комбиниэнсу сутао* (‘небольшой супермаркет’), *дэдзикамэ* и *дэдзитару камэра* (‘цифровой фотоаппарат’), *то:син* и *то:сисинтаку* (‘доверие вкладов’), *нанотэку* и *нанотэкунородзи*: (‘нанотехнология’), *нэтто* и *инта:нэтто* (‘интернет’), *бабуру* и *бабуру кэйдзай* (‘экономика мыльного пузыря’), *рисутора* и *рисуторакутярингу* (‘реструктуризация’). В 1986 г. не встречается ни одного примера *анимэ* или *анимэ:сён*, — что, однако, не свидетельствует об отсутствии этой лексемы в СЯЯ на тот момент: впервые слово «анимэ» появилось намного ранее, в 1965 г., в журнале «Когата эйга» и в то время представляло собой термин, использовавшийся только в рассчитанной на довольно узкий круг читателей специализированной литературе. Свое специфическое употребление это слово стало постепенно утрачивать в 1990-е годы. В текстах за 1996 и 2006 гг. наряду с сокращенной встречается и полная форма «*анимэ:сён*», но семантика этих двух лексических единиц различна. *Анимэ:сён* обозначает уже ‘анимация, мультипликация’: *CG анимэ:сён* ‘анимация с использованием компьютерной графики’ и *CG анимэ* ‘мультфильм анимэ, для создания которого применена компьютерная графика’. Не менее интересен и пример вхождения в состав СЯЯ лексемы *нэтто* от *инта:нэтто* ‘интернет’. В привычном нам значении ‘всемирной паутины’ слово *инта:нэтто* стало появляться начиная с 90-х годов. Оба варианта — полная и сокращенная формы — продолжают активно использоваться, однако обращает на себя внимание следующая особенность: в примерах за 1996 г. гораздо больше основосложных слов, содержащих

в качестве основы *инта:нэтто*, в то время как к 2006 г. в роли одного из компонентов все чаще выступает *нэтто*. Некоторым косвенным доказательством нашего предположения о наблюдаемом постепенном расширении значения *рякуго* как условия приобретения им самостоятельности могут послужить нижеследующие высказывания:

1) *Инта:нэтто дэва аримасэн. [...] Дзё:хо: нэтто* ‘Это не интернет. [...] Это информационная сеть’ («Nikkei Business», 1996.03.18);

2) *Дзэнсяин 9маннин-то мусубу нэтто-ни* ‘[Стал] сетью, соединяющей с 90 000 сотрудников’ («Nikkei Business», 1996.03.18).

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о расширении значения слова: *инта:нэтто* уже не просто «компьютерная сеть», а система, предоставляющая пользователям большой спектр возможностей. Сокращенное *нэтто* теперь не воспринимается как арготизм или разговорное выражение — оно прочно вошло в состав современной лексики японского языка и используется образно для создания всевозможных основосложных слов, обозначающих совсем новые реалии: *нэтто бабуру* ‘расцвет интернета’, *нэтто ёяку* ‘заказ по интернету’, *нэтто мэдиа* ‘интернет-медиа’, *нэтто гэ:му* ‘интернет-игры’, *нэтто анкэ:то* ‘интернет-опрос’, *нэтто гинко*: ‘интернет-банк’, *нэтто сёппингу* ‘покупки в интернете’, *нэтто хамбай* ‘продажа через интернет’ и т. д.

В паре *бабуру кэйдзай* — *бабуру* ‘экономика мыльного пузыря’ оба слова — базовое и производное — активно употребляются в текстах как за 1996, так и за 2006 г., количество примеров практически совпадает, однако наблюдается качественное различие в особенностях использования. В 2006 г. *бабуру* заметно обособляется от исходного *бабуру кэйдзай*, начинает использоваться метафорически, приводя к возникновению нетождества значений дериватора и деривата. Особенно примечательно то, что в 2006 году усеченное *бабуру*, участвуя как словообразовательный компонент в создании новых лексем, все больше встречается в постпозиционном употреблении в составе основосложного слова: *IT бабуру* ‘расцвет информационных технологий’, *минибабуру* ‘небольшой расцвет’, *фудо:сан бабуру* ‘бум недвижимости’, *нэтто бабуру* ‘расцвет интернета’, *дзю:таку бабуру* ‘жилищный бум’. О приобретении достаточной самостоятельности словом *бабуру* свидетельству-

ет и постепенная смена глагола-сказуемого: [*бабуру-га*] *хадзикэ́та* 'пузырь' лопнул' вместо привычного *хо:кай сита*.

Рисутора — пример слова, встречающегося сейчас уже только в сокращенном варианте: в текстах за 2006 г. не наблюдаем ни одного примера употребления полной формы *рисуторакутярингу*, произошедшей от английского «restructuring». Как и в случае с *бабуру*, отмечается расширение значения формы *рисутора* и последующее несовпадение со значением исходного слова. Семантика *рисутора*, таким образом, варьируется от изначального «реструктуризация, реорганизация, перестройка» до приобретенного «увольнение сотрудников», «переформирование штата».

Отбор и рассмотрение примеров параллельного употребления *рякуго* из всего материала исследования позволили выделить следующие 3 их типа: значение полной и сокращенной формы слова 1) совпадает (*комбини/комбиниэнсу сута* 'небольшой супермаркет'); 2) совпадает в некоторых случаях (*рисутора* 'увольнение/реорганизация' и *рисуторакутярингу* 'реорганизация'); 3) не совпадает (*анимэ* 'аниме' и *анимэ:сён* 'анимация').

Исследование текстов 3-х различных журналов за 2006 г. («Newsweek», «Vintaigne», «StudioVoice») с точки зрения синхронии, а также диахроническое сопоставление текстов «Nikkei Business» позволило сделать интересные наблюдения над особенностями употребления аббревиатур в СЯЯ. В частности, специализация текста может оказывать влияние на процентное соотношение *рякуго* и на связь их возникновения и употребления с общей тематикой текста. Кроме того, на определенном этапе для большого количества слов при наличии усеченного дублета одинаково допустимы как исходный, так и сокращенный варианты. Примечателен процесс перехода некоторых *рякуго*-аргоизмов в разряд общей лексики: в какой-то момент появляясь в сокращенной форме в литературе узкой направленности, за ее пределами слово продолжает использоваться в полной форме до тех пор, пока оно не утратит свое специфическое употребление. Далее *рякуго* начинает постепенно терять сниженную стилистическую окраску и существовать «наравне или даже более широко, чем его полное слово».⁹

Рассмотрение диахронических изменений в процессе формирования и употребления аббревиатур в СЯЯ и более подробный

анализ примеров семантической неравнозначности в параллелях «полное слово — сокращенное слово» позволили выделить три возможных типа отношений дериватора и деривата *рякуго*. Тем не менее особый интерес представляет первый тип в приведенной выше классификации, а именно совпадение семантики. Как отмечает Канно К.¹⁰, многие аббревиатуры затруднительны для восприятия и требуют расшифровки: как правило, она дается в качестве комментария, примечания в начале текста при первом употреблении *рякуго*. Однако далее, несмотря на наличие расшифровки, в тексте может снова неоднократно встречаться и полный вариант исходного слова. Это позволяет предположить, что в данном случае — при совпадении значений — выбор использования *рякуго* или полного наименования обуславливается контекстом. Данный вопрос, — вопрос о влиянии контекста на употребление одного из слов пары «исходный вариант — аббревиатура» представляет особый интерес для последующих исследований.

Примечания

1. Кубодзоно Х. *Синго-ва ко:ситэ цукурарэру* (Новые слова создаются так). Токио, 2002. С. 82–83.
2. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. С. 450.
3. Исивата Т. *Гайрайго-но со:го:тэки кэнкю*: (Общее исследование заимствований *гайрайго*). Токио, 2001.
4. Кидори Т. *Нихонго-но онсо: : котоба-но имэ:дзи-о тораэру гидзюцу, хё:гэн суру гидзюцу* (Фонетика японского языка: техника выражения и передачи образа слова). Токио. С. 252.
5. Исино Х. *Рякуго-но дзо:гохо*: (Способы образования сокращений). Токио, 1993. С. 60–61.
6. Для определения количества слов текст был поделен на так называемые «длинные единицы», или «альфа-единицы», равные по длине соединениям первого порядка (аффиксальные образования, основосложные слова).
7. Янко-Триницкая Н. А. Ук. соч. С. 413.
8. Там же.
9. Там же. С. 447.
10. Канно К. *Масукоми гэнго-но сё:ряку хё:гэн* (Сокращенные выражения языка СМИ). Токио, 1993.

СЕМАНТИКА САМОПОБУЖДЕНИЯ В ИСТОРИИ ЯВАНСКОГО ГЛАГОЛА*

Настоящая статья касается истории соотношения категорий залога и лица яванского глагола с одним из модальных значений, а именно — с семантикой самопобуждения, то есть побуждения, обращенного говорящим к самому себе. В русском языке эта семантика часто выражается аналитическими конструкциями, состоящими из формы 1 лица будущего времени глагола с последующей частицей *-ка* либо с сочетанием частиц *дай-ка*: *пойду-ка, позвоню-ка, дай-ка пойду, дай-ка позвоню*. От обычного императива самопобуждение отличается тем, что в принципе не предполагает какого-либо участия слушающего, второго лица¹.

Обсуждаемое соотношение было различно в разные периоды истории письменного яванского языка — древнеяванский IX–XIV вв., среднеяванский XIV–XVII вв. и новояванский XVIII–XXI вв.

Пассив и лицо Агенса в древнеяванском языке²

Древнеяванская пассивная форма глагола включает инфикс *-in-*, известный в некоторых пассивных формах родственных языков, в частности, филиппинских, причем он выступает как префикс при начальном гласном основы: *p-in-angan* ‘съедаться’, *t-in-op* ‘быть видимым’, *in-alar* ‘браться (быть взятым)’ — от корневых морфем *rangan*, *top*, *alar*, которые могут выступать в функции имени или императива пассивного залога.

В индикативной, иначе нейтральной по модальности пассивной конструкции, Агенса выражается дополнением в виде местоимения (третьего, второго или первого лица) либо существительного. Такими дополнениями часто служат этикетные эквиваленты местоимений 1 и 2 лица — существительные с семантикой социального отношения и родства (‘сударь’, ‘отец’ и др.), выражающие

официальность или почтительность: для 1 лица — *nghulun*, *sanghulun* (букв.: ‘слуга’), для 2 лица — *rahadyan sanghulun* (букв.: ‘сударь слуги’), для обоих этих лиц — обозначения титулов и родственного отношения. Кроме того, имеются лично-местоименные энклитики Агенса. Они совпадают с притяжательными: =*ku* ‘мой, наш; мной, нами’, =*ta* ‘твой, ваш; тобой, вами’, =*ya* ‘его, ее, их; им, ею, ими’ с вариантами =*ngku*, =*nta*, =*nya* после гласного. Примеры:

- (1) *yowana-nta bh-in-ukti-ngku sewu tahun* ‘твоей₁ молодостью₁ я наслаждался тысячу₃ лет₄ (букв.: молодость₁ была₂ тем₂, чем₂ наслаждался₂ я₂; Ad 85);
- (2) *š-in-apa-nta sira* ‘он₂ был проклят₁ тобой₁’ (Ad 51);
- (3) *s-in-ahut-nya ta gulū mahārāja Parikṣit*, досл.: ‘ужалена₁ была им₁ шея₃ махараджи Парикшита’ (*ta* — частица ремы; Ad 53).

Кроме означенных посессивно-агентивных энклитик, в древнеяванском языке имеется другая серия лично-местоименных энклитик, преимущественно консонантных (неслоговых): 1 лица =*k*, 2 лица =*t* и 3 лица =*n* или =*r*². Все три имеют слоговые варианты: =*ak* 1 лица, =*at* 2 лица и =*an* / =*ar* 3 лица. Они обозначают зависимость слова — глагола или глагольного имени со значением ситуации (действия, состояния и т. п.) — от другого, синтаксически главного слова — глагола, наречия, частицы, слова-заместителя со значением модальности, причины, времени, места, оценки, эмоции и некоторых других, присоединяясь к этому главному слову или к целой синтаксической группе.

В части переводов ниже зависимость передается формой инфинитива или союзом *что* (ср. в русском языке *хорошо, что; мало кого; даром что; редко где* (значение оценки)). Пример (4) с энклитикой 3 лица иллюстрирует значение эмоции, пример (5) с энклитикой 2 лица — оценки, пример (6) с двумя энклитиками: 1 лица — дейктического указания на место или обстановку (‘здесь’) и 2 лица — эмоционального отношения (‘любовь’):

- (4) *wēdi=n kantun-a* ‘он₁ боялся₁ остаться₂’ (-*a* — суффикс ирреалиса; КК 90, строфа 17);
- (5) *Prajñā dahat kitāt [kita₃=at] rakorāya mangkana* ‘весьма разумно такое твое старание’ (букв.: разумно₁ весьма₂ + что ты₃ (*at*)₃ + стараться₄ + так₅; Wir 11);

* Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03406).

- (6) *ngke=k ton-a asih=tât* [ta at] *ma-kaka* ‘в этом я увижу твою любовь к старшему брату’ (букв.: здесь₁ + что₁ мне (=k)₁ + вид₂ будет₂ + любовь₃ + что₃ ты (at)₃ + иметь₄ старшего₄ брата₄; суффикс ирреалиса означает будущее; ZD 1212).

Слова, зависимые от слов с консонантной энклитикой в примерах (4)–(6), относятся к разным классам: *kantun* ‘остаться’ — корневой непереходный глагол; *ракорāуа* ‘старание’ — именная форма глагола *макорāуа* ‘стараться’ (< префикс *мака-* + *чрāуа* ‘усилие’); *top* ‘зрение; вид’ — корневое глагольное имя; *ma-kaka* ‘иметь брата’ — отыменный префиксальный непереходный глагол (префикс *ма-* означает посессивность).

Выражение самопобуждения в древнеяванском языке

Значение самопобуждения выражается сочетанием модального служебного показателя *ndak* с последующим глаголом или глагольным именем. Около десятка примеров найдено П. Зутмюлдером в тексте яванской прозаической «Адипарвы» конца X в.⁴ При этом в качестве объекта или адресата действия чаще выступает 2 лицо, и соответствующие формы встречаются в контексте просьбы, то есть заявление о самопобуждении или намерении не исключает присутствия и положительной реакции слушающего, хотя последнее исключается, если высказывание содержит угрозу. В своем словаре Зутмюлдер так объясняет значение этого показателя: *ndak* (*nda + k*) *deictic particle with connotation of the first person, expressing intention or resolution: I will, I shall, let me...*⁵ Составные части показателя *ndak*, отмеченные в скобках, — частица *nda* (также с долгим гласным: *ndā*), означающая, согласно тому же словарю, ‘вот! вон! давай!’, и консонантная энклитика 1 лица =*k*. Последняя в составе *nda=k* имеет статус особой морфемы. Это видно из того, что частица *nda/ndā* сочетается также с энклитикой 2 лица =*t*, как в примере (7), где зависимый глагол с суффиксом ирреалиса пассива *-ĕp* также выражает побуждение:

- (7) *ndā=t usar-ĕp* ‘давай скажи’ (досл.: давай₁ тобой₃ + будет сказано₂; ZD 1180).

Обозначая Агенс — исполнителя действия, консонантная энклитика перед зависимым непереходным глаголом — например,

atakwan ‘спросить’ в примере (8) — очевидно, не может считаться подлежащим. Но и обозначение собеседника (*kita* ‘ты’) — не подлежащее, а дополнение, поскольку вводится предлогом *ri*:

- (8) *nda=k a-takwan ta ri kita* ‘дай-ка₁ я₁ спрошу₂ у₄ тебя₅’ (префикс *a-* означает непереходность, *ta* — контрастивная частица; ZD 1181).

Аналогично — при зависимом переходном глаголе в активной форме с префиксом активного залога *aN-* (*N-* означает переменный назальный согласный *m-*, *n-*, *ñ-* или *ng-*). Пациенс, по аналогии с обычными активными конструкциями, — дополнение:

- (9) *nda=k amalaku [aN-palaku] sĕrĕh* ‘попрошу₂-ка₁ я₁ бетель₃’ (Ibid.).

Таким образом, в конструкциях типа (7)–(9) с непереходным или активным переходным глаголом, где Агенс выражен косвенной формой (энклитикой), нет подлежащего, что, несомненно, связано со спецификой модальности самопобуждения.

В другой конструкции с *nda=k* переходный глагол выступает в виде основы, за ней следует обозначение Пациенса:

- (10) *nda=k gañjar kita* ‘награжу₂ я₁ тебя₃’ (Ibid.)
(11) *nda=k palaku kita wāhana=ngku* ‘Я₁ хочу₁ попросить₂ тебя₃ [стать] моим₄ возницей₄’ (ездовым животным; бог Висну обращается к мифическому орлу Гаруде; Ad 44).

Эта конструкция похожа на императивную пассивную (2 лица), где переходный глагол также выступает в виде основы, что, ввиду сходства значений, явно не случайно: ведь самопобуждение — своего рода императив 1 лица (эксклюзивный, то есть не предполагающий исполнителя-собеседника). Различие с конструкцией самопобуждения состоит в том, что в собственно императиве, то есть в повелительном наклонении, обозначение Агенса — агентивное дополнение с предлогом *de*. Форма императива в примере (12) — основа глагола *takwan-i* ‘спроси’ с суффиксом переходности *-i*:

- (12) *takwanika [takwani + ika] ng naga de=nta* ‘спроси₁ нагов₃ (змея)’ (*de=nta* букв.: ‘тобой’; группа *ika* ‘этот’ + артикль *ng* означает определенность существительного *naga*; Ad 5).

Тем самым обозначение Пациенса в императиве является подлежащим, а конструкция — пассивной. По аналогии с императивной, конструкция самопобуждения, в которой глагол имеет вид основы (примеры (10)–(11)), скорее всего, также должна рассматриваться как пассивная, с подлежащим Пациенса (≈ ‘дай-ка ты будешь мной награжден’ и т.п.). Итак, в древнеяванском языке в плане диатезы имеется две конструкции самопобуждения: бесподлежащая (с неактивными глаголами) и пассивная.

Среднеяванские инновации

В среднеяванских памятниках наблюдаются следующие нововведения.

Чередуются варианты *ndak* и *dak* (возможно, уже в этот период конечный согласный /k/ сменился смычногортанным, как в новояванском). Исчезнувшие в среднеяванский период консонантные служебные слова сливались с предыдущим служебным или местоименным словом в единую морфему. Тем самым вышла из употребления как отдельная морфема и местоименная энклитика =k, сохранившись в составе опрошенного показателя *ndak / dak*, выражающего самопобуждение 1 лица Агенса. Этот показатель по-прежнему сочетается и с активной формой глагола (префикс активной формы *aN-* (см. (13)), и с формой глагольной основы (см. (14)):

(13) *ndak aminta [aN-pinta] pēhan iri kita arih* ‘попрошу-ка₂ я₁ молока₃ у₄ тебя₅’ (*arih* — частица; ZD 1181);

(14) *dak warah kita* ‘я₁ уведомлю₂ тебя₃’ (TK 162).

Пример (15) представляет пассивную конструкцию. Это видно из того, что при такой же форме глагола допускается порядок «Пациенс — показатель (*n*)*dak* — глагол»:

(15) *si kamu dak wikwani* ‘тебя₂ я₃ посвящу₃₋₄ (в₄ монахи₄)’ (*si* — артикль; TP 125);

(16) *ko ndak ilangakēn* ‘тебя₁ я₂ погублю₃’ (P 25).

При таком порядке Пациенс — подлежащее, в отличие от активной конструкции, где обозначение Пациенса должно следовать за глаголом в функции дополнения.

Среднеяванский материал показывает, наряду с сохранением прежней функции модальной частицы со значением самопобуждения и 1 лица, процесс ее перехода (конверсии) в лично-местоименную проклитику 1 лица. Соответственно выделяются конструкции двух видов — обе, судя по форме глагола, пассивные. В одной из них значение 1 лица у частицы (*n*)*dak* дублируется самостоятельным личным местоимением того же лица в одном и том же предложении (*ngong* ‘я, мы’):

(17) *yen tan atut ngong dak gēmpung* ‘(если) послушаетесь, хорошо, если₁ не₂ послушаетесь₃, мы₄₋₅ разгромим₆ [вас]’ (ZD 514);

(18) *tēndas=mu ngong dak suri* ‘я₂₋₃ отрублю₄ тебе (букв.: твою₁) голову₁’ (ZD 1181).

В конструкциях другого вида показатель (*n*)*dak* не просто сопровождает самостоятельное местоимение 1 лица, а заменяется таковым (*ingsun / isun* ‘я, мы’, усеченный вариант *sun*, почтительное *manira* и др.). Такая замена означает, что показатель (*n*)*dak* вошел в отношение синонимии с личным местоимением 1 лица:

(19) *mangko sun wehi pangawayakti* ‘сейчас₁ я₂ дам₂₋₃ [вам] доказательство₄’ (P 21);

(20) *manira bahud angēris [aN-kēris] sirākuwu [sira akuwu]* ‘я₁ убью₂ крисом₃ [≈ кинжалом] его₄ светлость₄ наместника₄ ради₂ [его] жены₂’ (глагол *bahud* ‘убить мужа, чтобы забрать его жену’; *angēris* ‘колоть крисом’; *sira* — показатель почтительности; P 18)⁵.

Таким образом, в конструкциях одного типа слово (*n*)*dak* сохраняет функцию модальной частицы, а в конструкциях другого типа оно эквивалентно личному местоимению. Во втором случае значение самопобуждения может отсутствовать:

(21) *alawas ta ya lunghā dak pupuh ngūni* ‘(нашлась моя собака), давно₁ она₃ ушла₄, [из-за того, что] я₅ побил₆ [ее] прежде₇’ (TP 125).

Далее, позицию местоимения 1 лица может занимать также местоимение 2 лица. Тем самым конструкция уже не ограничена значением 1 лица, а обобщена для обоих лиц дейксиса — первого и второго. В примерах (22)–(23) выражается не самопобуждение,

а побуждение собеседника, обозначенного почтительно pakanira ('Вы, ваше высочество'):

- (22) pakanira tēdah-a ing sirāji [sira aji] Jayakatong '(Есть лесная местность ...), вы₁ попросите₂ [ee] у₃ князя₄ Джайякатонга'; суффикс ирреалиса -a в побудительном значении; P 31);
- (23) pakanira ingētakēn wong=ira sirāji [sira aji] Jayakatong kang tuhu 'вы₁ примечайте₂ [y] князя₄ Джайякатонга верных₇ людей₃' (относительное слово kang 'который' выделяет определение tuhu 'верный'; =ira — генитивный показатель при определении: 'люди=ira князя₄'; глагол ingētakēn 'примечайте' в нейтральном наклонении и в побудительном значении; P 31).

Конструкции с относительным служебным словом si, kang 'который; тот, кто/что' означают признак Пациенса и тем самым указывают на пассивность предложения, от которого такие конструкции образованы. В примерах (24–25) вместо (n)dak выступают местоимения ingong, ingsun 'я':

- (24) ika si ingong karsani hana ratu ing Hastina 'тот₁, кого₂ я₃ желаю₄, — (некий₅) царь₆ в₇ Хастине' (hana букв.: 'есть, имеется' = 'один, некий'; CP 46);
- (25) Singgih kang ingsun gurinda puniki 'Правда₁, вот₅ этот₅ [кинжал], который₂ я₃ точу₄' (P 19).

Если Пациенс — 3 лицо, то он может быть выражен приглагольной лично-местоименной энклитикой 3 лица =ya / =nya 'его / ее / их' или ее стяженным вариантом =e / =ne. Эта энклитика употребляется в функции дополнения исключительно в данной конструкции. Она может быть единственным указанием на Пациенса, как в (26), либо дублировать значение последующего существительного, как в (27):

- (26) dak lawan=ya 'поборюсь₂-ка₁ я₁ с ним₂' (ZD 1181);
- (27) dak odod=e gulu=nta kalih 'давайте₁ я₁ удлиню₂ шеи₃ [y] вас₃ двоих₄ (досл.: их, шеи₃ ваши₃)' (TK 148).

Совместимы с этой энклитикой и личные местоимения 1 лица Агенса, как i(ng)sun, заменяющие слово (n)dak:

- (28) rabi=ne ingsun alar=e 'жену₁ его₁ я₂ заберу₃ (ee₃)' (P 19);

- (29) isun paron=e tēmbhe bhūmi Jawa 'потом₃ я₁ поделю₂ пополам₂ (ee₂) яванскую₅ землю₄' (P 30);
- (30) isun tawanan=e rajaputri 'я₁ полоню₂ (ee₂) принцессу₃' (P 32).

В примере (31) используется вместо энклитики =nya / =ne ее повышенный этикетный синоним =nipun:

- (31) wontēn duhung=ira bara <> ingsun tēda=nipun ibu 'есть₁ отцовский₃ кинжал₂, я₄ прошу₅ его₅ [y вас], матушка₆' (-ira — генитивный показатель последующего определения bara 'отца'; P 23).

Все указанные изменения сближают среднеяванское состояние с новояванским.

Новояванская конструкция самопобуждения

В качестве варианта dak выступает морфема tak. Оба варианта сохраняют прежнюю функцию самопобуждения, причем в отличие от модально нейтральной конструкции глагол при этом не пассивен — это либо непереходный глагол, либо переходный в активном залоге. В этой функции dak / tak — не местоимение, а модальная частица:

- (32) Dak mubeng-mubeng nēng Jawa Barat 'проедусь₂-ка₁ я₁ по₃ Западной Яве₄' Kng 139);
- (33) dak ng-gebyur ing kali 'брошусь₂-ка₁ я₁ в₃ реку₄' (DL 18);
- (34) Wis ah tak mlebu ngomah 'Ах₂ ладно₁, пойду₄-ка₃ в₅ дом₅' (SK 13);
- (35) Coba tak nyambat [N-sambat] kethèk 'ну-ка₁ я₂ попрошу₃ обезьяну₄'; coba- частица 'ну-ка'; TT 179).

Помимо частицы dak / tak, 1 лицо может быть представлено в предложении самостоятельным личным местоимением (см. aku 'я' в примерах (36)–(38)):

- (36) aku dak adus '(посиди,) дай-ка₂ я₁ вымоюсь₃' (TD 29);
- (37) wis wengi, aku dak bali 'уже₁ поздно₂, пойду₅-ка₄ я₃ домой₅' (TD 49);
- (38a) Aku tak nusul [N-susul] bapak dhewean 'Давайте₂ я₁ один₅ пойду₃ (вслед₃) за₃ отцом₄'.

Модальная частица *dak / tak* может отделяться от глагола другим словом⁷:

(38b) *Aku tak dhewean bae nusul barak* (то же; *bae* — частица ‘только, просто’).

Тем самым древняя модальная функция бывшего слова *ndak* в новояванском сохранилась.

Но в пассивной конструкции самопобуждения функция *dak/tak=* — лично-местоименная проклитика Агенса 1 лица. Значение самопобуждения при этом выражено уже не проклитикой, а глагольными суффиксами *-(n)e / -(n)irun*. В примерах (39)–(40) чередуются проклитика и самостоятельное этикетное местоимение *kula* ‘я’:

(39) *Endi layang=e, kene tak=waca-ne* ‘где₁ письмо-то₂, [дай-ка₄] сюда₃, я₄ прочту₄’ (*-waca* ‘читать’; Kng 58);

(40) *mbaku kula tengga=nirun* ‘я₂ присмотрю₃ за₃ [вашей] супругой₁’ (L 20).

Новояванские конструкции самопобуждения представляют, по голландской терминологии грамматик яванского языка, пропозитив, особое наклонение глагола. В нем модальная семантика выражена по-разному: модальной частицей *dak / tak* в пассивной конструкции (при непереходном и активной форме переходного глагола) и модальным суффиксом *-(n)e / -(n)irun* в пассивной форме глагольной основы, которой обязательно предшествует местоименная проклитика *dak=/tak=* ‘мной’ — грамматический омоним модальной частицы — либо полное местоимение 1 лица. Пропозитив противопоставлен нейтральному, иначе индикативному, наклонению, в котором пассивная форма глагола употребляется без модального суффикса. Суффиксы *-(n)e / -(n)irun* — омонимы таких же посессивных лично-местоименных суффиксов 3 лица ‘его’, ‘ее’, ‘их’. При том что прежний модально-дейктический показатель *ndak* в пассиве лишился модальности самопобуждения и сохранил дейксис 1 лица, прежняя лично-местоименная энклитика лишилась местоименного значения (анафорического) 3 лица и приобрела вместо него модальность самопобуждения.

Правда, в связи с омонимией модальности и посессивности в некоторых описаниях отмечается ограничение употребления глагола в данной форме только 3 лицом Пациенса, что отмечено вы-

ше для среднеяванского языка⁸. Это означает, что суффиксы самопобуждения не совсем утратили значение 3 лица. Но в новейшем учебнике приведен в числе прочих пример на Пациенс — 2 лицо, как в древнеяванском:

(41) *Kowe ora tak=sangon-ane* ‘Не₂ дам₄ я₃ тебе₁ ничего₄ в₄ дорогу₄’ (основа глагола в индикативе: *-sangon-i* ‘снабжать деньгами / провизией в дорогу’; суффикс переходности *-ane* используется вместо суффикса *-i* в пропозитиве)⁹.

Из этого следует, что модальные суффиксы глагола и притяжательные суффиксы 3 лица — действительно омонимы. Но употребительность Пациенса 2 лица в данной конструкции нуждается в детальном исследовании.

Новояванский пассив и лицо Агенса¹⁰

В новояванском языке категория лица выражается только в пассивном залоге переходных глаголов и различает две формы — третьего и не третьего (то есть первого и второго) лица, — но не подлежащего, а субъекта действия (Агенса), выраженного дополнением. Агенс 3 лица отражается в форме глагола в виде флективного префикса *di-*:

(42) *Layang iku di-waca Amir* ‘это₂ письмо₁ читается₄ / было прочитано Амиром’. (время действия определяется чаще всего по контексту).

Обозначение Агенса либо примыкает к глаголу справа, то есть в контактной постпозиции, как в (42), либо вводится предлогом *dening* (или иным), независимо от позиции в предложении:

(43) *Dening Amir layang iku durung di-waca* ‘Амиром₁₋₂ это₄ письмо₃ еще₅ не₅ прочитано₆’.

Форма с префиксом *di-* используется также, если Агенс не назван. Пропуск Агенса может означать его неопределенность для собеседника или для говорящего либо анафору со значением 3 лица:

(44) *Layang iku wis di-posake* 1) ‘это₂ письмо₁ уже₃ (было) отправлено₄’; 2) ‘это₂ письмо₁ он(а) отправил(а) / они отправили (было отправлено₄ им / ею / ими).

Если Агенс — 1 или 2 лицо, то глагол имеет нулевой префикс, а обозначение Агенса ставится непосредственно перед ним (то есть материально — перед глаголом) в виде либо местоименной проклитики в неофициальном (простом) этикетном стиле, либо в виде полного личного местоимения в официальном или полуофициальном стиле. Используются проклитика 1 лица tak= или ее варианты dak= и более редкий ndak=, проклитика 2 лица kok= или ее вариант ko=, без конечного смычногортанного согласного, и разговорный вариант tok=. Проклитика ko(k)= исторически восходит к древнеяванскому ko ‘ты, вы’ (см. (16)), tok= — вероятно, к древнеяванскому kita ‘ты, Вы, вы’ (с элизией первого слога, передвижением гласного a > o и приобретением конечной гортанной смычки). Проклитиками, а не префиксами, как обычно говорится в имеющихся описаниях яванского языка, эти морфемы являются в силу парадигматического чередования с полными (самостоятельными) личными местоимениями. Полные местоимения официального стиля — это kula ‘я’, sampeyan, panjenengan ‘Вы’. И клитики, и полные местоимения могут означать также множественное число: ‘мы’, ‘вы’.

Этикетные оппозиции в яванском языке охватывают широкий круг лексических значений, что может создавать абсолютную синонимию лексического состава предложений:

- (45) Layangiku tak=/kok=wasa ‘письмо₁ это₂ мной₃/тобой₃ читается₃’ (досл.);
 (46) Serat punika kula/sampeyan waos ‘письмо₁ это₂ мной₃/Вами₃ читается₄’ (досл.).

Пассивный префикс di- имеет официальный вариант dipun-, например:

- (47) Serat punika dipun-waos (dening) Amir ‘это₂ письмо₁ читается₃ Амиром’.

Примеры из текстов с глаголом -wangsuli ‘отвечать’ и Агенсом 1, 2 и 3 лиц:

- (48) Ing wusana layang=e dak=wangsuli ‘наконец_{1,2} на₃ его₃ письмо₃ я₄ ответила₄’ (досл.: мною₄ было отвечено₄; Kng 173);
 (49) Menawa pitakon=KU wis kok=wangsuli ‘когда₁ ты₄ (уже₃) ответишь₄ на₄ Мой₂ вопрос₂...’ (alkitab.mobi/2/kskk/Mrk/11/29; 13.06.13);

- (50) Layang-e Raja Suleman mau di=wangsuli dening Raja Hiram mengkene ‘на₂ письмо₂ царя₂ Сулемана царь Хирам ответил так’ (досл.: письмо <...> отвечено₅ царем₆₋₇ [и т.д.]; alkitab.mobi/2/kskk/2Ta/2/11; ; 13.06.13).

Активная словоформа переходного глагола образуется с помощью назального префикса N- (переменный назальный согласный m-, n- и др.) — например: маса ‘читать’ от корневой основы -wasa. Формы лица в активном залоге не различаются. Таким образом, структура новояванского переходного глагола иерархична, причем категория залога доминирует над категорией лица.

- (51a) Wadon iku masa [N-wasa] layang ‘Женщина₁ эта₂ читает₃ письмо₄’.
 (51b) wadon₂ sing₂ masa layang ‘женщина₁, читающая₂₋₃ письмо₄’ (sing — относительное служебное слово).

В отличие от Агенса 3 лица при глаголе с префиксом di-, Агенс 1 или 2 лица при глаголе с нулевым префиксом в предложении обязательен, не может быть опущен, что противоречит обычному для пассивных конструкций разных языков упоминанию Агенса — как в русском или английском, а в иных языках и запрету упоминания Агенса — как в арабском. Несмотря на обязательность обозначения Агенса 1–2 лиц в пассиве, он не является подлежащим. Подлежащее в яванском языке вообще а) не имеет предлога, б) по позиции подвижно относительно сказуемого, в) соответствует антецеденту относительной конструкции, означающей ‘тот, что; который’. Указанными свойствами яванское подлежащее отличается от дополнений, которые либо привязаны к глаголу своей контактной позицией, либо вводятся предлогами и вдобавок не допускают релятивизации (трансформации предложения в относительную группу)¹¹. Соответствие с относительной конструкцией показывает, что в пассивной конструкции Агенс 1–2 лиц — дополнение, а подлежащим является обозначение Пациенса, объекта действия.

- (52a) Buku iku tak=wasa досл.: ‘книга₁ эта₂ мной₃ читается₃’;
 (52b) buku sing tak=wasa букв.: ‘книга₁, которая₂ мной₃ читается₃’.

Таким образом, в новом языке усложнилась семантика пассива, изменились позиция и материальная форма показателей залога

и лица, энклитические показатели лица сменились проклитиками. Исторические изменения, которые привели к новояванскому состоянию, совершились в среднеяванский период, когда исчез древний способ выражения лица Агенса с помощью консонантных энклитик =k, =t, =n. Новояванская конструкция 1–2 лиц Агенса нейтральна в отношении модальности и продолжает среднеяванскую инновацию: бывший показатель самопобуждения ndak, преимущественно в форме tak=/dak=, утратил модальный семантический компонент и превратился в местоименную проклитику.

Выводы

В итоге из двух древнеяванских конструкций с модальным значением самопобуждения — неактивной бесподлежащей и пассивной — в новояванском языке получились две конструкции — неактивная с такой же модальностью (в косвенном наклонении пропозитива) и пассивная с нейтральной модальностью, а самопобуждение в пассиве выражается в еще одной конструкции суффиксом местоименного происхождения. В древнеяванском языке значения модальности самопобуждения и 1 лица выражены в составе слова ndak двумя морфемами: nda + =k; в среднеяванском в связи с исчезновением консонантных энклитик эти значения кумулятивно совмещаются в составе единой морфемы ndak, но действует тенденция превращения последней в личное местоимение 1 лица. В новояванском языке налицо грамматическая омонимия частицы самопобуждения dak¹ в неактивной и местоименной проклитики 1 лица dak=² в пассивной конструкции, и вместе с тем — омонимия личного местоимения 3 лица в виде суффикса имени и показателя модальности самопобуждения в виде суффикса пассивного глагола¹². В истории яванского глагола происходило своеобразное чередование модальной и местоименной семантики, что представляет определенный типологический интерес.

Источники

Ad — Juynboll H. H. (ed.). Adiparwa. Oudjavaansch prosageschrift. 's-Gravenhage, 1906.

CP — Ensink J. ed. On the Old Javanese Cantakaparwa and its tale of Sutasoma. Verhandelingen KITLV 54. 1967.

- DL — Suwignjo. Dongèng lutju. Djakarta: Balai Pustaka, 1958.
KK — Teeuw A., Robson S. O. (eds). Kuñjarakarṇa dharmakathana. Liberation through the law of Buddha. Poem by Mpu Dusun. The Hague, 1981.
Kng — Senggono (ed.). Kemandang. Kemand Djakarta: Balai Pustaka, 1958.
L — Suharyono A. Y. Lintang saka padhepokan Gringsing. Yogyakarta, 1994.
P — Padmapuspita, J. (ed.). Pararaton. Teks bahasa Kawi. Terjemahan bahasa Indonesia. Yogyakarta, 1966.
SK — Hardjowirogo R. Sri Kuning. Djakarta: Balai Pustaka, 1953.
TD — Sudharama K. D. Tanpa daksa. Jakarta, 1977.
TK — Hooykaas C. (ed.). Tantri Kamandaka. Een Oudjavaansche Pañcatantra bewerking in tekst en vertaling. / Bibliotheca Javanica 2. Bandoeng, 1931.
TP — Pigeaud, Th. G. Th. (ed.). De Tantu Panggëlaran. Een Oud-Javaansch prozageschrift / Universiteit Leiden. 's-Gravenhage, 1924.
TT — Djusar Karta Subrat, Sikun Pribadi, Muhd. Kasim dll. Taman terbuka. Bahasa Djawa. Bagian V. Meppel-Djakarta, 195...
Wir — Juynboll, H. H. (ed.). Wirataparwaa. Oudjavaansch prosageschrift. 's-Gravenhage, 1912.
ZD — Zoetmulder 1982.

Примечания

1. Определение значения императива см.: Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. Авторы не включают в универсальную парадигму императива формы с частицей -ka, но включают в нее (аналитические) формы типа дай пойду, предполагающие слушающего, который позволяет или не препятствует действию говорящего — потенциального исполнителя действия. Некоторые примеры ниже также предполагают согласие собеседника на исполнение действия говорящим. О яванском императиве и модальности см., напр.: Оглоблин А. К. 1) Повелительные предложения в яванском языке // Типология императивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб, 1992; 2) Повелительные предложения в древнеяванском языке // VII междунар. конференция про языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Москва, 16–18 сент. 2003 / Моск. гос. унив-т, Ин-т стран Азии и Африки и СПб гос унив-т, Восточный фак-т / ред. В. Б. Касевич, М. И. Каплун. М., 2003; 3) Древнеяванский ирреалис // Исследования по теории грамматики 3. Ирреалис и ирреальность / Отв. ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян. М.: Гнозис, 2004.

2. В примерах введены дополнительные дефисы на границах морфем, а местоименные клитики отделены знаком <=>. В квадратных скобках показаны составляющие слитных написаний согласно правилам сандхи. Нижние цифровые индексы обозначают соответствия слов русского перевода орфографическим (в латинской транскрипции или графике) словам оригинала, а круглые скобки заключают смысл предтекста или слов оригинала, не нужных в переводе. В ссылке на источники цифра означает страницу.

3. Отмечено в кн. Теселкин А. С. Древнеяванский язык (кави). М.: Наука, 1963. С. 45.

4. *Zoetmulder P.* De taal van het Adiparwa. Een grammaticale studie van het Oudjavaans. Dordrecht, 1983 <1950>. P. 54.

5. *Zoetmulder P.*, with collab. *S. O. Robson.* Old Javanese-English dictionary. 1–2. 's-Gravenhage, 1982, s.v.

6. Эпизодически данная конструкция отмечается и в древнеяванском. См. *Zoetmulder P.* 1983, *ibid.* (два примера в многостраничном тексте).

7. Отмечено в: *Uhlenbeck E. M.* Kajian morfologi bahasa Jawa. Jakarta, 1982. Н. 178, nota. Примеры (38ab) сообщены яванкой Хенни С. Драджати. Вариант ndak в той же функции см. *Ras J. J.* Inleiding tot het modern Javaans. 2de druk. Dordrecht: Foris, 1985. P. 286 (ndak nyuwun [N-suwun] priksa 'спрошу-ка я').

8. Запрет на употребление 2-го лица Пациенса при выражении самопобуждения см.: *Kats J.* Spraakkunst en taaleigen van het Javaansch. Weltevreden, 1912. P. 176. Об этом упомянуто также П. Зутмюлдером, см. *Zoetmulder P.* 1983, *ibid.*

9. Приведено в: *Arps B., Bogaerts E., van der Molen W., Supriyanto I., van den Veerdonk J.* Hedendaags Javaans. Een leerboek. Leiden, 2000. P. 564.

10. Примеры (42)–(47), (51)–(52) составлены автором этих строк по известным образцам.

11. *Кинэн Э., Комри Б.* Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике XI. М., 1982. С. 123.

12. Новояванские морфемы -(n)e, -(n)ipun мы относим к суффиксам, а не эн-клитикам, так как они, помимо значения притяжательного местоимения 3 лица, могут также указывать на последующее именное определение (генитивный показатель) — см.: *Теселкин А. С.* Практическая грамматика яванского языка. М., 2013. С. 71. Эти суффиксы означают также определенную референцию. Все три значения функционально объединяются тем, что можно назвать детерминацией или детерминированностью имени.

ЛЕТОПИСНЫЕ ЛИЦЕВЫЕ СВОДЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ИРАНА: ЧИНГИСИДСКИЕ РОДОСЛОВИЯ НА ПЕРСИДСКОМ И ТЮРКСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблему создания летописных лицевых сводов в средневековых государственных образованиях Ирана имеет смысл начать, вопреки хронологии, не с первых годов XV в. в Иране, а с периода 1568–1576 гг. на Руси. Дело в том, что проблема лицевых сводов на сегодняшний день изучена в российской науке глубже и всесторонней, чем в персидской и мировой.

Само применение русского термина «лицевой свод»¹ в данном случае объясняется тем, что соответствующий термин для Ирана в данный период еще не появился.

Проблемами создания русского летописного лицевого свода в конце XIX — начале XX в. занимались такие исследователи, как Н. П. Лихачев, А. Е. Пресняков, А. В. Арциховский, О. И. Подобедова, В. Ф. Покровская, Т. Н. Протасьева, О. В. Творогов, А. А. Амосов². Русский лицевой летописный свод XVI в. неоднократно издавался в полном объеме: в 1998 г., 1999 г. (переиздание), 2003 г., 2006 г. (факсимильное издание). Иными словами, научная база, созданная теми, кто разрабатывал проблемы летописного лицевого свода в средневековой Руси, настолько велика и многогранна, что не идет ни в какое сравнение со степенью изученности однотипных явлений, условно названных мною «лицевыми сводами», в средневековых государственных образованиях, слагавшихся некогда на территории Ирана, а выводы, полученные российскими исследователями, с поправками на специфические особенности, имевшие место в Иране, вполне уместны.

Лицевой летописный свод XVI в. — самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси — дошел до нас в 10 томах; почти каждая его страница украшена миниатюрами (всего их более 16 000). Первые три тома Свода посвящены всемирной истории; русская история, изложенная в семи томах, начинается с 1114 и обрывается на 1567 г. (в утвержденном окончании

она, по-видимому, была доведена до 1568 г.). Том, содержащий начальную русскую историю, не сохранился³.

Этот свод создавался по заказу Ивана IV Грозного в период 1568–1576 гг. в Александровской слободе, ставшей во времена опричнины постоянной резиденцией царя и политическим центром Московского государства. Изложение исторического процесса в нем соответствовало целям укрепления самодержавной царской власти, созданию представления о том, что Русь является наследницей древних монархий, оплотом православия. По неизвестным причинам работа над Сводом не была завершена: миниатюры последней части выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены, отредактированный текст был переписан не полностью.

Над составлением лицевого свода трудился целый штат царских книгописцев и художников. В настоящее время найдено несколько рукописей, привлекавших при его создании и наглядно отражающих различные этапы работы над ним. В тех местах, где текст основного источника дополнялся по другому, на полях карандашом делался пересчет числа миниатюр. Карандашные пометы об исправлении текста и миниатюр читаются и на готовых листах лицевого свода, но по каким-то причинам не все эти указания редактора были реализованы.

Сначала переписывался текст, а для миниатюр оставлялись свободные места (в соответствии с разметкой редактора), затем делался набросок композиции (свинцовым карандашом или углем), а потом рисунок обводился чернилами и раскрашивался. Среди миниатюристов существовало четкое разделение труда, что позволило в сжатые сроки выполнить колоссальный объем работ по иллюстрированию многотомного свода. Миниатюры свидетельствуют о высоком уровне искусства русской книжной иллюстрации XVI в. Кроме того, они являются ценным историческим источником, донесшим до нашего времени сведения о природе, материальном производстве, культуре и быте средневековой Руси и соседних народов⁴.

Перейдем к уже достаточно известным и изученным летописным лицевым сводам, созданным на территории средневекового Ирана. Самым крупным и общепризнанным историком средневекового Ирана считается Фазлаллах Рашидаддин (1247–1318).

В море исследований, посвященных творчеству этого ученого, как в самом Иране, так и во всем мире, выделены работы Ахмеда Зеки Велиди Тогана (1890–1970). А. Тоган, опираясь на свободное владение многими языками Востока и Запада (включая Россию), изучал документы, собранные в богатейших турецких архивах, и в 1962 г. опубликовал в международном журнале, посвященном языкам, литературе, истории и археологии Центральной Азии, доклад, в котором он излагал свои догадки и сомнения относительно авторства части трудов, приписываемых Рашидаддину⁵.

А. Тоган оспаривал бытующее мнение о том, что Рашидаддин является автором «Общей истории монголов и тюрок», написанной по приказу хулагуидского ильхана Газан-хана, в которой использовались данные, полученные от монгола-информатора Пулад-чинсяна. Еще в 1941 и 1946 гг., изучая материалы, связанные с запутанной проблемой авторства Рашидаддина, он опубликовал данные, которые говорили об обратном, однако эта публикация на турецком языке осталась недоступна для большинства исследователей, изучавших данный период⁶. В дальнейшем, привлекая выдержки из колоссального числа разноязычных рукописей, А. Тоган пришел к выводу, что известная книга Рашидаддина «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих») была написана «отнюдь не на персидском языке». Он предположил, что существовала монгольская версия книги, многие главы которой были составлены Пулад-чинсяном и другими монгольскими учеными, занимавшимися в Тебризе родословием чингисидов и заимствовавшими свои сведения из секретной рукописи «Золотой свиток» («Алтан дептер»). Рашидаддин лишь переписал часть этого монгольского первоисточника, добавив свои комментарии и стихи на персидском и арабском языках. Затем весь этот исторический труд был переведен на многие языки, включая персидский, арабский, монгольский и восточно-тюркский. Известно, что позднее Рашидаддин преподнес в дар брату Газан-хана Улджейту-хану целый ряд книг, написанных им по-монгольски⁷.

Рассказав далее о сочинении Рашидаддина «Пять родословий» («Шу'аб-и панджгана»), А. Тоган переходит к подробному комментированию тимуридского анонимного источника на персидском языке, который был составлен в Герате (Афганистан) по приказу, отданному сыном Тимура Шахрухом в 1426 г.⁸

Закончив свое исследование и передав его на суд международного ученого сообщества, А. Тоган тем самым обрушил на головы своих ученых оппонентов большое число новых, прежде совсем неизвестных или слабо изученных разноязычных исторических источников. Труд его стал широко известен благодаря крупным библиографическим справочникам, в том числе и на русском языке⁹.

Прошло совсем немного времени, прежде чем на вопросы, волновавшие А. Тогана, ответил ученый, который знал о Чингис-хане и чингисидях отнюдь не понаслышке. В 1978 г. вышла в свет книга одного из ведущих историков Монголии, академика Монгольской Академии наук Ш. Биры «Монгольская историография»¹⁰. Автор ставил своей целью зафиксировать совокупность исторических работ, обладавшую внутренним единством в отношении периода от истоков монгольской исторической науки до конца XVII в. К этому времени усилиями монголоведов разных стран была проделана большая работа по собиранию, публикации и изучению памятников монгольской исторической литературы. Однако выражалась она преимущественно в описании и каталогизации, в лучшем случае — в филологическом и текстологическом исследовании публикуемых памятников. Что касается подлинно историографического их изучения, то оно началось не ранее 50–60-х годов XX в.

После появления у монголов уйгурской письменности монгольская историография развивалась в сложных условиях завоевательных войн и образования империи чингисидов. Несмотря на то, что в годы правления монгольской Юаньской династии проводилась интенсивная работа по составлению письменной истории, от тех времен сохранилось очень мало исторических сочинений. Ш. Бира пытался проанализировать монгольскую историографию начального периода не только на основании немногих уцелевших памятников, но и путем реконструкции исторических знаний монголов с помощью китайских и персидских источников. Одним из главных вопросов, вставших в этой связи, был вопрос о степени участия Ф. Рашидаддина¹¹ в составлении «Сборника летописей».

Хотя со времени выхода в свет книги Ш. Биры прошел немалый срок, она не получила известности у исследователей творчества Ф. Рашидаддина — не попала ни в один сколько-нибудь крупный

библиографический словарь и не стала известной в научном мире хотя бы по названию, как это произошло с упомянутым докладом А. Тогана. Объяснить это можно лишь тем, что свою книгу Ш. Бира написал и опубликовал на русском языке, посвятив ее очередной годовщине Академии наук СССР¹². Между тем исследование Ш. Биры было более информативным, точным и аргументированным, чем доклад А. Тогана. Выводами книги Ш. Биры я и намерен воспользоваться в дальнейшем.

На вопрос, представлявшийся А. Тогану основным, — может ли Рашидаддин считаться подлинным автором «Сборника летописей», Ш. Бира отвечает: «Труд Рашидаддина не вполне однороден как по содержанию, так и по стилю повествования. Он представляет собой яркий пример своеобразного синтеза различных историографических традиций своего времени. Есть все основания видеть в нем уникальный по синкретизму памятник персидской историографии эпохи монгольского владычества в Иране, включивший в себя многообразные элементы никогда ранее не соприкасавшихся традиций — мусульманских, монгольских и китайских»¹³.

Хулагуидское государство, основной территорией которого был Иран и началом существования которого можно считать 1258 г., было завоеванием монголов. Первым его государем — ильханом стал сын Тулуя и один из любимых внуков Чингис-хана Хулагу (1258–1265). После того как в стране сменилась чреда ильханов, власть захватил сын Аргуна Газан (1295–1304). Став ильханом при поддержке той части монгольской кочевой знати, которая приняла ислам суннитского толка, Газан-хан, ранее бывший буддистом, принял ислам и мусульманское имя Махмуд¹⁴.

Газан-хан дал Рашидаддину указание составить свой летописный свод, с легкой руки его брата и преемника Улджейту несколько позже получивший название «Газанова история». Этот свод включал все пространство первой книги первого тома «Сборника летописей», где описываются монгольские, тюркские и прочие племена¹⁵.

Во второй книге первого тома «Сборника летописей» содержится повествование о Чингис-хане¹⁶. С раздела, посвященного предкам Чингис-хана, начинается иллюстрирование миниатюрными изображениями-портретами (такое иллюстрирование ислам допускал).

В начале той же второй книги находится рассказ «Относительно изображения Добун-Баяна и его жены Алан-гоа и перечисление ветвей их детей»¹⁷. На следующей странице размещается таблица, в левом верхнем углу которой находится большой лежащий прямоугольник, а справа от него — надпись на персидском языке, повторяющая текст названия рассказа. Справа от этой надписи сиглом 1 обозначен номер постраничного примечания редактора русского перевода А. А. Семенова, которое гласит: «В ркп. миниатюра, изображающая этих супругов»¹⁸. От большого прямоугольника вертикально вниз идет линия родства, соединяя прямоугольник с горизонтальной линией, которая разветвляется и образует два малых лежащих прямоугольника, внутри каждого из которых — имена сыновей обоих супругов. На последующих страницах второй книги первого тома находятся однотипные таблицы, в которых надлежало размещать портреты предков Чингис-хана и имена их потомков¹⁹. Однако большие прямоугольники на этих схемах в дошедших до наших дней списках «Сборника летописей» не сохранили миниатюр.

После описания предков начинается раздел второй первого тома — повествование о самом Чингис-хане в трех частях²⁰. В пространном заголовке ко второй части одно из сообщений гласит: «Изображение трона, супруг, царевичей и эмиров при восшествии его на ханский престол»²¹. Содержание этого сообщения расшифровывалось только при взгляде на схему таблицы, которая размещалась отдельно²². Однако и этот взгляд помогал лишь тому исследователю, который уже обладал некоторым опытом работы с подобными изображениями в средневековых персидских рукописях, пусть даже весьма отдаленных по времени от эпохи Чингис-хана.

К счастью, мой коллега по кафедре тюркской филологии Н. Н. Телицин, тюрколог-лингвист широкого профиля, свободно владеющий турецким и рядом древних и новых тюркских языков, оказался и моим единомышленником по части изучения генеалогии чингисидов. Во время одной из научных командировок в Анкару он познакомился с г-ном Салихом Гюном, депутатом Великого национального собрания Турции (меджлиса) от ила Коджаэли (Измит). Узнав, что Н. Н. Телицин интересуется генеалогией чингисидов, г-н Салих Гюн познакомил его с профессором Юсуфом Халачоглу, председателем Турецкого исторического общества.

Они любезно предоставили Н. Н. Телицину ксерокопию обширной чингисидской части единственной дошедшей до наших дней рукописи «Пяти родословий» Рашидаддина, хранящейся в архиве Стамбула²³. Н. Н. Телицину я обязан и знакомством с прекрасными миниатюрами из тимуридского собрания «Альбома Байсунгура»²⁴.

Только после ознакомления с этими двумя историческими источниками мне стало понятно, что на миниатюре в большом прямоугольнике таблицы Чингис-хана, помещенной в «Сборнике летописей», могло быть изображение ханского трона и восседающих на нем Чингис-хана и его старшей жены. Вертикально вниз от большого прямоугольника с миниатюрой идет линия родства. Справа и слева от нее располагаются списки, в которых перечисляются эмиры, жены и придворные должностные лица государя. Внизу линия родства упирается в горизонтальную линию, на которой крепятся малые прямоугольники с вписанными в них именами сыновей Чингис-хана, расположенными в порядке старшинства справа налево, т. е. в согласии с арабографичным персидским письмом. Ниже находятся малые прямоугольники с именами дочерей Чингис-хана, скомпонованные в том же порядке, только обведенные двойной чертой.

По форме изложения генеалогический материал ставшей доступной мне чингисидской части рукописи «Пяти родословий» отличался от того, который мы наблюдаем в тексте второй книги первого тома «Сборника летописей». Относительно изображения предков Чингис-хана — Добун-Баяна, Алан-гоа, Бодончара, Буки, Дутум-Мэнэна, Кайду-хана, Байсунгура, Тумбинэ-хана, Кабул-хана, Бартан-бахадур и Есугэй-бахадур в «Пяти родословиях» следует отметить, что каждый из них описывался единообразно. В строгих рамках монголо-персидского формуляра каждому отводилось отдельное место, в которое включалось заглавие — *сурэт* (арабск. «образ, портрет») такого-то предка и слова «родословие его потомков». Портрет размещался в большом квадрате, от середины которого вниз отходила двойная линия родства. Предполагалось, что внизу она соединится со следующим прямым потомком, являющимся сыном предыдущего. Справа и слева от центральной линии родства изображались все остальные мужские потомки данного предка, имена которых вписывались в малые квадраты²⁵.

Однако начиная с изображения родословия Чингис-хана проявились качественные изменения. После вышеописанных формальных моментов, помещенных в самом начале, из потомков Чингис-хана были выделены четыре «столпа» — Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй. Их родословия описывались отдельно в правой половине листа. Родословия остальных сыновей Чингис-хана в порядке старшинства изображались в левой половине листа. Дочери Чингис-хана были перечислены в порядке старшинства еще левее. Родословий им не полагалось; под их именами помещались лишь краткие заметки об их судьбах в семьях мужей, попадавших в разряд «кюрегенов» (зятьей Чингис-хана). Четыре «столпа» изображались в виде расположенных вертикально прямоугольников. Имена вписывались в эти прямоугольники вначале уйгурицей по-монгольски, затем арабской графикой по-персидски. Остальные сыновья изображались в виде малых квадратов. Их имена также вписывались вначале по-монгольски, затем по-персидски. Таким же образом в малые круги вписывались имена дочерей Чингис-хана. Этот порядок оформления родословий стал законом при описании потомков Чингис-хана²⁶.

Второй том «Сборника летописей» заключал в себе достаточно подробную достоверную историю четырех сыновей Чингис-хана — Угэдея, Джучи, Чагадай, Тулуй и их детей²⁷. При этом основное внимание было уделено истории тех сыновей и внуков Чингис-хана, которые занимали ханский престол — Угэдея, Гуюка, Мункэ и Хубилая. Таблицы с их предполагаемыми изображениями и расположение символов их детей подобны рассмотренной выше таблице Чингис-хана²⁸. «История каждого хагана, — заключает Ш. Бира, — писалась по единой схеме и состояла из трех частей: родословная, история хаганствования, билики (наставления) и притчи хагана. Подобная схема гораздо больше отвечала представлениям монголов, нежели традиции мусульманской историографии»²⁹.

Третий том «Сборника летописей»³⁰ является свидетельством одного важного аспекта взаимосвязей монгольских и мусульманских историографических традиций той эпохи: монгольская историография, хотя и выступала в качестве официального направления, должна была в конце концов уступить господствующее положение более развитой местной историографической школе,

причем этот процесс ускорялся по мере ассимиляции монгольских завоевателей в мусульманской культурно-этнической среде³¹.

Относительно иллюстраторов, в течение ряда лет украшавших миниатюрами «Сборник летописей», А. Тоган уточнял в своем докладе, что у Рашидаддина содержались в рабстве 20 семей монгольских и тюркских художников³². Время составления летописного свода Газан-хана определяется исходя из введения в «Сборник летописей», написанного самим Рашидаддином. Там он заявляет, что приступил к составлению «Газановой истории» по повелению Газана после восшествия его на престол, т. е. не ранее октября 1295 г., а закончил переписывать набело первую книгу 7 мая 1305 г., т. е. уже после внезапной смерти Газана 17 мая 1304 г.³³

Перед смертью Газан-хан назначил преемником своего брата Улджейту, носившего также мусульманское имя султана Мухаммеда Худабендэ (1304–1316). Улджейту в детстве был окрещен своей матерью-христианкой, потом он принял ислам в суннитской форме, а в конце концов склонился к шиизму. Но попытка этого ильхана сделать шиизм государственным исповеданием кончилась неудачей из-за решительного сопротивления иранской духовной и чиновной знати, твердо державшейся суннизма³⁴.

После кончины Газан-хана Рашидаддин перевел его летописный свод на монгольский язык и, в числе других своих произведений, посвященных Улджейту и также переведенных на монгольский, преподнес в дар новому ильхану, который щедро наградил автора³⁵. По словам Рашидаддина, Улджейту распорядился составить собственный летописный лицевой свод, во имя своего брата включив в него «Газанову историю» в ее изначальном виде³⁶. Эту операцию Рашидаддин проделал весьма искусно: в его редакции «Газанова история» полностью заняла первую книгу первого тома и весь третий том «Сборника летописей», который заканчивается повествованием о Газан-хане и 40 рассказами о реформах Газана³⁷. Вторая книга первого тома и содержание второго тома являются собственно летописным лицевым сводом Улджейту-хана. Свод был иллюстрирован цветными портретами — миниатюрами предков Чингис-хана, его самого, его сыновей и внуков, добившихся ханского достоинства.

После изложения родословия каждого хана, начиная с Чингис-хана, в «Сборнике летописей» помещаются повествования, име-

новавшиеся «летописями государей, халифов, султанов, меликов и атабеков Иранской земли, Рума [Малой Азии], Шама [Сирии], Мисра [Египта] и прочих государей, правивших в упомянутые промежутки времени». Из какого источника черпал Рашидаддин эти сведения?

Дело в том, что не позднее 1310 г. Рашидаддином было создано вышеупомянутое многостраничное сочинение «Пять родословий», представлявшее собой генеалогии царствующих династий мусульман (арабов), монголов, евреев, франков и китайцев.³⁸ Именно в «Пяти родословиях» появились первые изображения-миниатюры, использованные Рашидаддином для иллюстрирования летописного лицевого свода Улджейту-хана в «Сборнике летописей». Значительную роль в составлении иллюстрированных родословий монголов сыграл вышеназванный Пулад-чинсян, который занимал высокую должность министра (*чинсян*) при Хубилай-хагане. Впоследствии Хубилай отправил его своим полномочным представителем в Иран, куда Пулад прибыл в 1286 г. Он пользовался большим уважением при дворе ильханов, занимая должности великого эмира и командующего войсками Ирана и Турана. Умер Пулад в 1312 или 1313 г.³⁹

В «Пяти родословиях» Рашидаддином и его разноязычными соавторами было создано монументальное исследование родословий и историй правления династий широкого ареала, включая как страны, подчиненные монголам, получившим от арабов идеологию ислама, так и стран, еще не подчиненных им. Впервые в мировой истории на первое место были поставлены монголы-чингисиды и «золотой род» Чингис-хана. Собрание было двуязычным — формулярные заставки и некоторые части текста были начертаны уйгурицей по-монгольски и тут же переводились на персидский язык. С этой монгольской частью «Пяти родословий» я и ознакомился с помощью Н. Н. Телицина.

Возвращаясь к вопросу о составе «Сборника летописей», мы можем с определенностью утверждать, что «Газанова история» украшала собой этот свод и завершала его. Летописным — но ни в коей мере не лицевым сводом Газан-хана оканчиваются почти все сохранившиеся списки третьего тома «Сборника летописей».

Только в одном из этих списков можно прочесть: «Господин мирян, Асаф века, составитель этой книги, которая называется

“Благословенной Газановой летописью”, сочинил [ее] для счастливого прощенного [Богом], покойного султана Газан-хана ‘да просветит Бог его доказательство’, а для нынешнего государя, повелителя земель Востока и Запада, он сочинил другой том, называемый “Летописью мира”, и она есть краткое изложение [событий] от Адама до сих пор. Летопись и повествование о нынешнем государе — да пребудет он до дня воскрешенья из мертвых, от его рождения до конца, который будет вечен — приложение к той книге. Не всякому доступно написать эти два больших тома, но если напишут тот [второй] том, то сам составитель, ‘да будет велика его победа’, включил [приложение] в него, то [это] можно, так как на эту дерзость прикроют глаза полою прощения. Окончена эта благословенная книга в конце месяца ша’бана 717 лунного года в Багдаде. ‘Да сохранит ее Бог Всевышний’»⁴⁰.

Я воздержусь от подробного комментирования приведенной цитаты. Скажу только, что дата в конце ее по мусульманской хиджре приходится на начало ноября 1317 г. по европейскому летоисчислению. Последнее означает, что автор «Сборника летописей» и «Пяти родословий» Рашидаддин был еще жив и фактически управлял всеми делами Хулагуидского государства (в период 1298–1318 гг.), а Улджейту-хан, который заказал ему свой летописный лицевой свод, умер в 1316 г. В том же году ему наследовал его 12-летний сын Абусаид Бахадур-хан (1316–1335)⁴¹. Остается признать летописный лицевой свод Улджейту-хана единственным полноценным лицевым сводом за всю историю Хулагуидского государства, а Рашидаддина — его создателем.

После смерти ильхана Абусаида (1335 г.) центробежные стремления крупных феодалов, борьба за власть между феодальными кликами и вновь развернувшиеся народно-освободительные движения привели к тому, что созданное монгольскими завоевателями государство ильханов-хулагуидов распалось (между 1336 и 1353 гг.). Монголы в Иране постепенно ассимилировались частью с жившими там тюрками, частью же с иранцами⁴². В период с 1381 по 1393 г. происходило завоевание Ирана войсками Тимура. В сложившемся в Средней Азии к 1370 г. государстве Тимура сохранялись традиции монгольской государственности. Тимур, происходивший из тюркизованного монгольского племени барлас, возводил на престол марионеточных ханов из потом-

ков Чагатай — второго сына Чингис-хана, управляя формально от их имени, фактически же полновластно. Он, как и последние чагатайские ханы Средней Азии, старался примирить интересы кочевой монголо-тюркской и оседлой таджикской знати, понимая, что эта знать откажется от междоусобных войн и будет лояльно поддерживать сильную центральную власть, если последняя сумеет организовать грабительские завоевательные войны широкого масштаба, дабы получить в результате этих войн новые земельные владения и богатую военную добычу.

Стремление удовлетворить эти интересы побудило Тимура принять план широких завоеваний в сторону Золотой Орды, Ирана, Индии, Кавказа и стран Передней Азии. В этом отношении Тимур действовал по рецепту всех вождей завоевательных движений кочевых племен, в частности Чингис-хана. Только ареал Тимуровых завоеваний, соответственно его военным силам, был значительно меньше ареала завоеваний Чингис-хана⁴³. Полученные в результате войн средства Тимур использовал для создания оросительных систем, строительства и украшения городов. Из покоренных стран он привозил в Самарканд ремесленников⁴⁴.

В своих походах в Иран Тимур встретил поддержку со стороны части местных феодалов, особенно монголо-тюркской кочевой знати, которая не смогла справиться с народными движениями. Укрепившись в Средней Азии, Тимур предпринял поход в Хорасан, подчинил правителей государства гератских меликов Куртов и Сербедарского государства. Поставив в Герате и Себзеваре своих наместников и обложив жителей этих районов огромной контрибуцией, Тимур оставил их правителей номинальными государями, но держал их при своем дворе, а через несколько лет умертвил без всякого повода. Он создал в Иране два больших наместничества-султаната: Хорасан, с центром в Герате, — для сына Шахруха и Западный Иран с Азербайджаном и Арменией, с центром в Тебризе, — для сына Мираншаха. К 1393 г. завоевание Тимуром всей территории Ирана было завершено⁴⁵.

После смерти Тимура (февраль 1405 г.) его огромная империя, не имевшая единой экономической базы, стала быстро распадаться. Из-за верховной власти и титула султана в Хорасане велась междоусобная война, закончившаяся победой Шахруха (правил в 1405–1447 гг.). Государство тимуридов теперь ограничилось Средней

Азией и собственно иранскими областями. Султан Шахрух сделал его столицей Герат, который в XV в. превратился в крупнейший торгово-ремесленный город и центр культурной жизни. В отличие от Тимура, Шахрух старался опираться не на монголо-тюркских кочевников, а на оседлую иранскую (таджикскую и персидскую) знать, преимущественно на гражданскую бюрократию и мусульманское духовенство. Этим объясняется и тот факт, что историки XV в., отражавшие точку зрения названных групп идеализировали личность Шахруха, превознося его мудрость, рисуя его идеальным мусульманским государем. Внутренний распад государства тимуридов Шахрух думал предотвратить, создав несколько наместничеств во главе со своими сыновьями, племянниками и внуками, которым были подчинены местные феодалы. Чтобы возродить производительные силы Ирана, а также успокоить крестьянство, Шахрух вернулся к политике Газан-хана⁴⁶.

Шахрух связывал большие надежды с личностью своего третьего сына Байсунгур-мирзы (1397–1433) в качестве своего преемника на троне Хорасанского султаната. С юношеского возраста Байсунгур постоянно находился в центре событий, участвуя во всех сколько-нибудь существенных внешне- и внутривосточных акциях, проводимых Шахрухом, и выполняя различные миссии, возлагавшиеся на него отцом. При дворе Байсунгура функционировала библиотека-мастерская, в стенах которой были собраны лучшие мастера «книжного рукоделия», создавшие уникальные высокохудожественные рукописные книги для своего патрона. Мастерская стала подлинным центром всего Среднего Востока по производству лицевых списков и, сверх того, центром традиционных художественных промыслов и ремесел. В ней, наряду с мастерами «книжного рукоделия» (каллиграфами, иллюстраторами, миниатюристами, переплетчиками и др.), работали золотых дел мастера, столяры, инкрустаторы, мозаичисты, специалисты по чеканке и художественной ковке⁴⁷.

Взойдя на престол Тимуридского государства, Шахрух, естественно, заказал летописный лицевой свод, который прославил бы в веках лично его и его род. А. Тоган логично полагает, что исполнителем этого свода стал самый выдающийся представитель тимуридской историографии Шихабуддин Хафиз-и Абру, состоявший на службе сначала у Тимура, потом у Шахруха, при дворе ко-

торого в Герате он и писал свои труды. Составление летописного лицевого свода Шахруха, заказанного в 1426 г., было осуществлено под руководством Хафиз-и Абру не полностью в связи с его смертью в 1430 г.⁴⁸ Его сведения по генеалогии тимуридов дополнялись другими значительно позднее. Автор русского перевода 2006 г. (не с оригинала 1426 г., который утрачен, а с позднего списка) — Ш. Х. Вохидов полагает, что одна из последних записей, дополняющих его, была внесена в период между 1486 и 1488 гг.⁴⁹

Название свода Шахруха «*Му'изз ал-ансаб*» («Прославляющее генеалогии») издавна упоминается во многих библиографических изданиях, в том числе и на русском языке⁵⁰. В 1992 г. японский ориенталист Широ Андо в труде, посвященном изучению этой рукописи, разыскал и описал четыре ее поздних списка, лучшим и наиболее полным из которых признал Парижский список⁵¹, выполненный неизвестно где и кем в первые десятилетия XVI в. Его русский перевод с персидского был осуществлен Ш. Х. Вохидовым⁵².

Весь текст Парижского списка, его полное изначальное наименование, осмысление его предназначения и адекватность передачи отдельных слов и выражений при переводе на русский язык вызывают у исследователей множество вопросов. Решить многие из них помог бы исторический источник, современный тимуриду Шахруху и тематически связанный с содержанием Списка. Мы с Н. Н. Телициным знали, что такой источник в удовлетворительном состоянии дошел до наших дней, но не думали, что определить точное предназначение его окажется столь сложным делом. Речь идет об упомянутой выше иллюстрированной рукописи тимуридского времени, обнаруженной в «Альбоме Байсунгура»⁵³.

Широ Андо полагал, что эта рукопись, не имеющая никакого названия, являлась генеалогической записью некоего Хусайна, сына Али Шаха, создавшего ее в начале XV в. Японский ориенталист основывался на том, что на одном из листов этой рукописи была оттиснута прямоугольная именная печать ее предполагаемого автора⁵⁴. Рукопись насчитывает 14 листов, заполненных с обеих сторон миниатюрными, мастерски исполненными портретами чингисидов и тимуридов с двуязычными (арабицей по-персидски и уйгурицей по-тюркски) надписями над ними. Листы в полном беспорядке были подшиты в одном альбоме, включавшем также

листы из других работ мастеров «книжного рукоделия» библиотеки-мастерской Байсунгура.

Внимательно ознакомившись с содержанием этой рукописи, мы установили, что работа над нею была далека от завершения. Прослеживается только общая ее идеологическая направленность — попытка создания совместного родословного древа для монгольских царей родов Чингис-хана и Тимура. В рукописи недостает заглавия, вступительной части и некоторых листов основного текста. Почти все миниатюры на сохранившихся листах списка выполнены только в чернильном очерке (коричневыми чернилами). Надрисуночные надписи, линии родовых связей и пояснения к ним исполнены профессионально, но на общем светлокоричневом фоне страниц коричневые чернила почти не выделяются и читаются с большим трудом. Только миниатюрный портрет Тимура полностью многоцветно раскрашен с поразительным совершенством и на портрете чингиса Джанибека раскрашена одежда хана.

Следует договориться о сущности названия рукописи «*Му'изз ал-ансаб*», которую Ш. Х. Вохидов избрал объектом своего перевода и которую я считаю незаконченным вариантом летописного лицевого свода тимурида Шахруха. Прежде это название не вызвало вопросов. Действительно, в ту эпоху у персидских ученых еще сохранялась традиция давать своим трудам арабские названия (но оформлять их содержание они стали уже исключительно по-персидски). Правда, смысл словосочетания «Прославляющее генеалогии» остается по-прежнему неясным. Вспомним, однако, что в русском дополненном и исправленном переводе библиографического обзора Ч. А. Стори «Персидская литература» отмечено, что только в трудах В. В. Бартольда встречается полное арабское название этого сочинения, гласившее «*Му'изз ал-ансаб фи шаджарат салатин мугул*»⁵⁵, что можно перевести как «Прославляющее родословия в родословном древе монгольских царей». Из этого названия заключаем, что в произведении прославляются не все родословия, а лишь те из них, которые составили родословное древо монгольских царей, когда таковыми стали называть не только владык из рода Чингис-хана, но и представителей вновь сформированной ветви рода тимуридов.

Обратимся к тем принципам, которыми руководствовался переводчик, приступая к изданию факсимильного текста и русского пе-

ревода «Му'изз ал-ансаб»: «После знака (/) приводятся номера листов “Парижского списка”. При этом нами была восстановлена правильная пагинация листов. Указанное на форзацлисте количество листов (161) не соответствует их существу (164)»⁵⁶. По этому поводу еще в 1994 г. Т.И. Султанов писал: «листы 5, 116 и 137 имеют по дополнительному листу»⁵⁷; и далее: «Листы 276, 536, 54а, 566, 58а, 114а, 124а, 144а, 149а — пустые»⁵⁸. Ознакомясь со статьей Т.И. Султанова и фильмокопией текста Парижского списка «Му'изз ал-ансаб», которая хранится в Рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, я обратил внимание на то обстоятельство, что русский перевод нужного мне в ту пору листа 276 наличествовал в публикации 1941 г. того же самого текста Парижского списка, извлеченного, переведенного и подготовленного к печати В.Г. Тизенгаузеном в 1880 г.⁵⁹ А Т.И. Султанов утверждал, что листы 276 и другие 8 листов его фильмокопии — пустые. Я заподозрил, что не лист 276 Парижского списка является пустым, а дефектна его фильмокопия. Благодаря дружескому содействию преподавателей Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Н.В. Григорьевой, Н.Н. Телицина и Е.М. Шабельниковой, мне удалось получить из Парижской Национальной библиотеки ксерокопию интересующего меня листа⁶⁰. Состояние других 8 листов, названных в статье Т.И. Султанова «пустыми», тогда меня не интересовало.

Этот лист 276 Ш.Х. Вохидов поместил в «Факсимильном тексте» на месте листа 286 и присвоил ему номер римскими цифрами LVI. Пустыми он назвал в своем введении листы 546, 55а, 576, 656, 100а, 102а, 107а, 114а, 115а, 116а, 118а, 121а, 126а, 147а, 1506, 1516, 152а, 163а. т.е. 18 листов в факсимильном тексте не были им воспроизведены⁶¹. В настоящее время я подозреваю, что если не все, то большинство из 9 листов «Му'изз ал-ансаб», объявленные в статье Т.И. Султанова «пустыми», и из 18 листов того же списка, объявленные во введении Ш.Х. Вохидова «пустыми», на самом деле таковыми не являются, и точное их число нуждается в дополнительной проверке. Соответственно в указателе имен, составленном к тексту перевода на русский язык⁶², множество имен тимуридов оказались неучтенными.

Во Введении к переводу Ш.Х. Вохидов вскользь замечает: «Во избежание повторов текст в некоторых местах сокращен»⁶³. Такое

замечание, как и сокращение текста первоисточника, для научного труда недопустимы. Похоже, что переводчик ставил себе целью «подчистить» текст исторического источника и создать у читателя впечатление, что перед ним «чисто» персидский, а не персидско-тюркский документ. То же самое он позволил себе и при подготовке к публикации факсимильного текста «Му'изз ал-ансаб». Вся тюркская часть, вместе с параллельным персидским текстом, а также густая сеть линий родовых связей на обрезах многих листов, скреплявшая родословные таблицы чингисидов и тимуридов, в разделе «Факсимильный текст»⁶⁴ оказались полностью или почти полностью уничтожены, будучи превращены в некое невнятное подобие «художественного» оформления. Текст родословий чингисидов и тимуридов в переводе неотличимо слит со списками военачальников, жен и правительственных чиновников того или иного монгольского царя, которые единой массой в алфавитном порядке представлены в прилагаемом к переводу указателе имен.

Отметим также, что в постраничных примечаниях, приводя аналогии к отдельным реалиям своего перевода, Ш.Х. Вохидов, желая продемонстрировать «научную добросовестность», отсылает читателя к русскому переводу «Сборника летописей». В частности, предлагая сверить свой перевод с текстом Рашидаддина, находящимся во второй книге первого тома, он 21 раз отсылает читателя ко второй книге второго тома⁶⁵, хотя второй книги во втором томе «Сборника летописей» никогда не существовало.

Тем не менее сквозь все особенности перевода Ш.Х. Вохидова проступает подлинный текст значительного по объему исторического источника, без помощи которого исследователю не удалось бы раскрыть содержание фрагментарного списка тимуридской рукописи начала XV в., собственником или заказчиком которой выступал Хусайн, сын Алишаха. В то же время текст сохранившегося списка «Му'изз ал-ансаб» (1426) может быть понят и откорректирован благодаря сохранившимся фрагментам списка 1405 г. из «Альбома Байсунгура». Мы постараемся продемонстрировать это в настоящей статье на примере сравнения в обеих рукописях схем начальных этапов построения родословного древа монгольских царей у тимуридов. Создание полной схемы родословного древа монгольских царей — задача будущих исследователей.

Проверить русский перевод Ш. Х. Вохидова, используя приложенный к его изданию факсимильный текст, крайне затруднительно, а в ряде случаев совершенно невозможно. Причиной этого является размер прилагаемых фотографий листов Парижского списка рукописи. Их необходимо было увеличить, а не уменьшить. Значительная часть фототекстов не читается (не говоря уже о тех листах, которые целиком пропали для читателя в результате их небрежного фотографирования). Некоторые слова и целые строки оригинала, чуть поврежденные или совсем мелкие, сливаются на фотографиях в черные кляксы. Особенно это касается листов, содержащих значительные массивы персидского текста, которые не организованы рамками родословных таблиц.

За вступительной частью факсимильного текста⁶⁶ располагается родословное древо Добун-Баяна⁶⁷. Когда именной состав этого древа описывался Рашидаддином в «Сборнике летописей» под названием повествования о Добун-Баяне и его жене Алан-гоа⁶⁸, — уже тогда он сопровождался таблицей с портретом этой супружеской пары в большом прямоугольнике и примечанием Рашидаддина, в котором выражалось сомнение в том, что двоих сыновей Добун-Баяна, которых звали Бугунотай и Бельгунотай, следует относить к роду нирун⁶⁹. В факсимильном тексте диаметр круга, находящегося на месте портрета супружеской пары в большом прямоугольнике, только слегка увеличен по сравнению с прочими кругами (а не прямоугольниками, образующими родословное древо Добун-Баяна в «Сборнике летописей»). Внутри большого круга факсимильного текста по-персидски вписано: «Добун-Баян и потомки его». Из восьми малых кругов, находящихся над большим и образующих корни его родословного древа, имена вписаны только в три, а оставшиеся пять кругов — пустые. Имена всех восьми предков Добун-Баяна можно восстановить в соответствии с текстом «Сборника летописей»: Буртэ-чинэ, Батачи-каан, Тамач, Коричар-мэргэн, Кочам-Борагил, Экэ-Нидун, Сим-Саучи, Кали-Карчу⁷⁰.

Рассмотрим теперь проблемы чингисидских родословий на персидском языке не со стороны правителей, решивших прославить и увековечить свой род на очередном отрезке многовековой истории Ирана, но с точки зрения реальных исполнителей этих планов — крупных историографов и мыслителей Ирана второй половины XIII — первой половины XV в., какими были Фазлаллах

Рашидаддин и Шихабуддин Хафиз-и Абру. Творчество первого из них было глубоко и всесторонне усвоено вторым, качественно переработано и мастерски использовано в интересах правителя.

Вершиной творческой мысли Рашидаддина, как уже говорилось выше, стало грандиозное произведение «Пять родословий» (не позднее 1310 г.), где на первое место среди цивилизованных народов был поставлен принявший идеологию ислама «золотой род» Чингис-хана. Хафиз-и Абру, в написанном им (не ранее 1405 г.) произведении «Прославляющее родословия в родословном древе монгольских царей», согласен со своим знаменитым предшественником по вопросу о месте монгольских царей среди цивилизованных народов. Однако в новых исторических условиях, когда Ираном овладели тимуриды, он провозгласил именно их наиболее заслужившими это место на основании нового родословного древа, которое сам же искусно выстроил.

Эволюция взглядов Хафиз-и Абру представлена в данных ниже схемах (см. рис. 1 и рис. 2), к которым мы ограничимся кратким комментарием.

Согласно древней монгольской легенде, краткий пересказ которой дошел до наших дней в позднейших исторических источниках⁷¹, Алан-гоа, супруга Добун-Баяна, через несколько лет после ранней смерти своего мужа, от которого она уже имела двоих биологических сыновей, родила еще трех мальчиков. Эти три мальчика, рожденные Алан-гоа от чистого света дневного и ночного светил, положили начало роду нирун.

Сплав двух светил много ночей подряд проникал через дымник в юрту царицы, обретая в видениях женщины облик рыжеволосого (цвета Солнца) и синеокого (цвета Луны) мужчины. Испуская ослепительное сияние, мужчина медленно приближался к Алан-гоа, а затем так же медленно покидал юрту. Уходил он потихоньку, «процарапываясь... словно желтый пес»⁷². Сохранившаяся миниатюра в рукописи 1405 г. из «Альбома Байсунгура» передавала обстоятельства сновидений Алан-гоа в чернильном очерке. Она с поразительной точностью воспроизводит повествование «Сокровенного сказания» 1240 г. о тех же событиях, включая загадочный образ «желтого пса».

Этот образ, который для мусульманина-суннита, каким был Хафиз-и Абру, уже ничего конкретного не означал, являлся, как

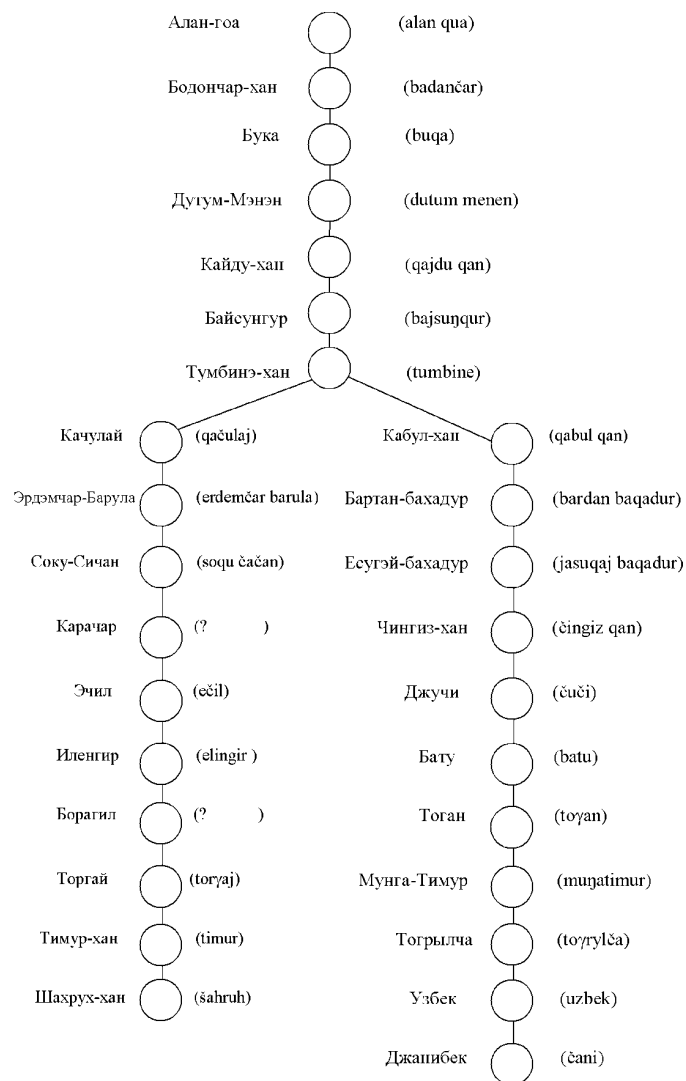

Рис. 1. Схема начального этапа построения родословного древа монгольских царей у тимуридов в рукописи 1405 г. из «Альбома Байсунгура».

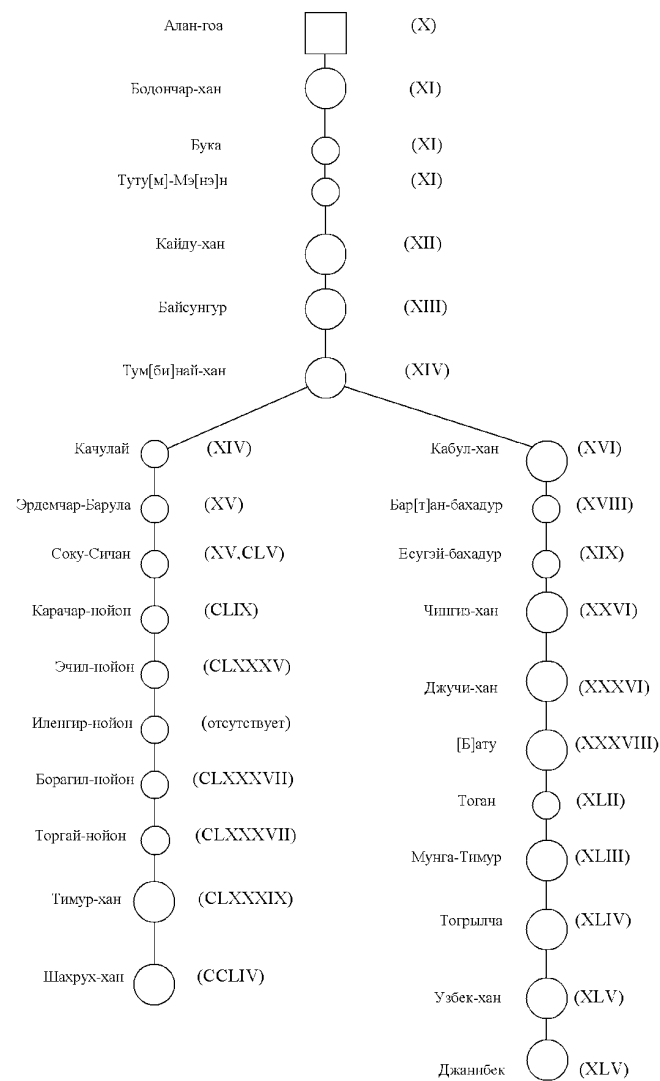

Рис. 2. Схема начального этапа построения родословного древа монгольских царей у тимуридов в Парижском списке рукописи «Муизз ал-ансаб» (1426).

мне представляется, реминисценцией далекого прошлого — действующего уже свыше двух тысяч лет в Китае 60-летнего циклического календаря, где тот или иной год 12-летнего цикла именуется по названию соответствующего животного, снабженного эпитетом, обозначающим цвет одного из пяти первоэлементов природы. Так что в первооснове «желтый пес» являлся одним из названий года китайского 60-летнего циклического календаря⁷³.

С миниатюры, изображавшей Алан-гоа в рукописи 1405 г., А. Тоган выполнил черно-белую фотокопию и в 1962 г. опубликовал ее в приложении к своему докладу⁷⁴. Эта фотокопия в 2002 г. была растиражирована в увеличенном виде на ярком сине-зеленом фоне глянцевого обложки книги М. Иванич и М. А. Усманова⁷⁵.

Если Рашидаддин сомневался в принадлежности сыновей Добун-Баяна к роду нирун, то Хафиз-и Абру ставил своей целью любыми средствами возвысить тюркизованный род барлас над родом чингисидов, построив новое родословное древо чингисидов, качественно отличное от созданного Рашидаддином в «Пяти родословиях»⁷⁶.

Он выполнил свое намерение на первом же этапе построения нового родословного древа, избрав в качестве основного лица третьего из рожденных от чистого света Солнца и Луны мальчиков, которого называли Бодончаром. Главный историограф тимурида Шахруха сделал Бодончара родоначальником не одного, а сразу двух великих монгольских царей — Чингис-хана и Тимура. Для убедительности он оставил прежнюю линию Чингис-хана без изменения, но когда преемственная цепочка от отца к сыну достигла Тумбинэ, его младший сын Кабул дал начало младшей стволовой ветви чингисидов до Чингис-хана и далее от Джучи до Джанибека. «Старшую» стволовую ветвь Тимура и тимуридов Хафиз-и Абру составил, взяв действительно существовавших старшего сына Тумбинэ Качулая и его сына Эрдэмчар-Барула и, хотя у последнего в сыновьях числился Тудан, присоединив к ним вымышленную линию родовой связи — преемственную цепочку родственников из никому не известного тюркизованного рода барлас.

В результате манипуляции, проделанной Хафиз-и Абру, недавний скромный зять (монг. *кюреген*) одного из чингисидов — Тимур, прежде официально не имевший права даже на включение в чингисидское родословие, не только оказался вдруг наравне

с чингисидами, но и род его — барлас — стал выше и значительнее рода чингисидов.

Когда мы с Н. Н. Телициным составляли две упрощенные схемы начального этапа построения нового родословного древа монгольских царей у тимуридов, в нашем распоряжении находились не оригиналы, а лишь позднейшие копии с оригинальных текстов необходимых исторических источников. Поэтому прежде всего нам потребовался предельно правильный по написанию и расположению именной состав, принятый самим Хафиз-и Абру, т.е. начертанный уйгурицей по-тюркски. Сделать это оказалось не так просто, ибо листы во фрагментарном тексте из «Альбома Байсунгура» были шиты в хаотичном беспорядке. Справа от символа портрета Алан-гоа на рис. 1 мы поместили тюркское написание ее имени, переведенное Н. Н. Телициным с уйгурицы на латиницу (в круглых скобках), а слева — русский перевод ее персидского имени, надписанного в рукописи Байсунгур над тюркским именем. Начиная лишенный исторических корней ствол нового родословного древа Алан-гоа с миниатюры, изображавшей родоначальницу и «желтого пса» на одном листе⁷⁷.

Следующие символы портретов на рис. 1 размещены по порядку их очередности в «Пяти родословиях» Рашидаддина⁷⁸, ибо большинство миниатюр в рукописи Байсунгур имеют надписи только уйгурицей по-тюркски. Надписи эти содержатся в рукописи, которая ближе по возрасту к 1405 г., чем все остальные. Далее расположены по порядку символы миниатюр, оформленные в соответствии с началом нового родословного ствола Алан-гоа: Бодончар, Бука, Дутум-Мэнэн⁷⁹, Кайду, Байсунгур⁸⁰, Тумбинэ⁸¹. В этом ряду персидские написания имен, точнее их русские переводы, расположенные слева от символов портретов, заимствованы из «Пяти родословий».

После того как общий ствол нового родословного древа Алан-гоа разделяется на две (старшую и младшую) стволовые ветви, возглавляемые сыновьями Тумбинэ — братьями Качулаем и Кабулом, продолжим младшую ветвь: Кабул⁸², Бартан, Есугэй, Чингис-хан⁸³, Джучи, Бату⁸⁴, Тоган, Мунга-Тимур⁸⁵, Тогрылча, Узбек⁸⁶, Джанибек⁸⁷. По поводу изображений представителей младшей ветви рода чингисидов в рукописи 1405 г. отметим, что в чернильном очерке сохранились 8 портретов: Кабула, Чингис-

хана, Джучи, Бату, Тогана, Мунга-Тимура, Тогрылча, Узбека. Бартан и Есугэй имеют только тюркские надписи имен и их изображения, как простых бахадуров, удостоены лишь простыми малыми кружками. Портрет сидящего на троне Джанибека, сына Узбека, не только хорошо сохранился, но и одежда его трехцветно окрашена.

Именной состав изображений на старшей стволовой ветви рукописи 1405 г. выглядит следующим образом: Качулай⁸⁸, Эрдэмча-Барула, Соку-Сичан⁸⁹, Карачар, Эчил, Иленгир⁹⁰, Борагил, Торгай⁹¹, Тимур, Шахрух⁹². Девять изображений старшей ветви, в подтверждение ее превосходства над младшей, имеют портреты-миниатюры. Миниатюра, изображающая Тимура, восседающего на троне, полностью и многоцветно раскрашена. Тюркская надпись уйгурицей над нею сохранилась у нижнего среза другого листа рукописи⁹³. Тюркские надписи над портретами Карачара и Борагила не сохранились. Надпись над изображением Карачара отсутствует по причине слишком близкого расположения его портрета к верхнему срезу листа. Возможно, она, как и в случае с миниатюрой Тимура, находилась у нижнего среза другого листа рукописи. Над портретом Борагила надпись не сохранилась, вероятно, по причине позднейшей реставрации верхнего края данного листа, на котором видны следы бумажной наклейки.

Что касается схемы начального этапа построения родословного древа монгольских царей у тимуридов в рукописи «Му'изз ал-ансаб», составленной нами по гораздо более позднему списку этой рукописи и согласно ее неполному факсимильному тексту, приложенному к русскому переводу, то сопоставление ее с рукописью 1405 г. выявляет эволюцию взглядов непосредственного автора-составителя рукописей 1405–1426 гг. Хафиз-и Абру на проблему совмещения монгольского рода чингисидов и монгольского тюркизованного рода барлас. Используя приближенную к 1405 г. рукопись из «Альбома Байсунгура» и значительно более раннюю рукопись «Пяти родословий», мы уточнили списочный состав и правописание имен, привлеченных Хафиз-и Абру в его попытке доказать недоказуемое.

Построив на рис. 2 вторую схему начального этапа, мы отыскали в рукописи «Му'изз ал-ансаб» тех же персонажей, что и в схеме на рис.1. Это помогло уточнить, что во второй схеме «общие» для

обоих родов предки третьего сына Алан-гоа, Бодончара, были совсем не равны по своему «званию» другим более «знатным» предкам. За что Бука и Дутум-Мэнэн лишились права на собственные портреты. В течение прошлых переписок изменилось написание имен Дутум-Мэнэна и Тумбинэ. Римские цифры, помещенные в круглые скобки справа от имен, обозначают номера листов факсимильного текста, где эти имена были нами обнаружены.

После разделения единого ствола лишённого корней родословного древа на две стволовые ветви, младшая ветвь чингисидов по своему составу имен повторила личные имена персонажей первой схемы. Число менее «знатных» чингисидов увеличилось за счет прибавления к ним Тогана, лишённого права иметь свой портрет в связи с тем, что официально он не был зафиксирован царем в рукописи «Му'изз ал-ансаб».

Самая значительная по числу уточнений и поправок работа была проделана Хафиз-и Абру над старшей ветвью нового родословного древа. Тимуридский историограф резко уменьшил численность персонажей этой ветви, заслуживающих миниатюрных портретов по сравнению с первой схемой, где все десять персонажей старшей ветви обладали правом на портрет. Во второй схеме их осталось только двое — Тимур и Шахрух. Мало того, в рукописи «Му'изз ал-ансаб» ее составитель совершенно определенно показал, за счет чего ему удалось соединить древний род чингисидов с совершенно чуждым ему родом барлас. Точно в середине родовой связи между символами чингисидов Эрдемчара-Барула и Тудана Хафиз-и Абру провел разделительную линию вымышленной им родовой связи⁹⁴, которую закончил на листе рукописи, начинающем такую же вымышленную цепочку родовой связи Соку-Сичана, отца Карачара⁹⁵, насчитывающую восемь персонажей и заканчивающуюся символом тимурида Шахрух-хана⁹⁶.

Как же так? Ведь рукопись «Му'изз ал-ансаб» явно и очевидно показывала, что родственная связь между интересующими нас родами, говоря по-русски, «шита белыми нитками»! Выдающийся персидский историк наглядно и основательно показал невозможность такой связи. Но, во-первых, прекрасно понимая это, он выполнял непрерываемое повеление Шахруха, а во-вторых — родословия всегда и везде относились к документам высшей степени секретности: проверить их было попросту невозможно.

Заканчивая рассказ об оформлении второй схемы, следует отметить, что в связи с неполным составом Парижского списка рукописи «Му'изз ал-ансаб», опубликованного в факсимильном приложении к ее русскому переводу, нам не удалось обнаружить в нем символ и персидское написание имени тимурида Иленгира.

Примечания

1. В русском языке слово «лицевой» имеет специфическое (когда речь идет о древних рукописях, книгах) значение «содержащий рисунки; иллюстрированный», а слово «свод», в частности, означает «собранные, сведенные в единое целое и расположенные в определенном порядке тексты, документы и т. п.». (Словарь современного русского литературного языка / Председатель коллегии Ф. П. Филин. М.; Л., 1957. Т. 6. Стб. 283; Т. 13. Стб. 410).

2. Клосс Б. М. Летописный свод Лицевой // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2. Часть вторая. С. 32.

3. Там же. С. 30.

4. См.: Там же. С. 30–32.

5. Togan A. Z. V. The composition of the History of the Mongols by Rashid al-din // Central Asiatic Journal. 1962. Vol. 7 Nr. 1. P. 60–72.

6. Ibid. P. 60.

7. Ibid. P. 63–64.

8. Ibid. P. 65–72.

9. Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор: в 3 ч. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель / Отв. ред. Ю. Е. Борщевский. М., 1972. Ч. 1. С. 301; Ч. 2. С. 818–819.

10. Бира III. Монгольская историография (XII–XVII вв.). М. 1978.

11. Там же. С. 3–14.

12. Там же. С. 3.

13. Там же. С. 153.

14. Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 137–199.

15. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1.

16. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2.

17. Там же. С. 10.

18. Там же. С. 11, прим. 1

19. Там же. С. 15, 17, 20, вклейка между с. 26 и 27, между с. 32 и 33, 34, 49, вклейка между с. 58 и 59.

20. Там же. С. 60.

21. Там же. С. 73.

22. Там же. Вклейка между с. 72 и 73.

23. Rashid al-Din Tabib. Shuab-i panjgana. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Ahmet III ms. 2937. İstanbul: Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi (далее — Шу'аб-и панджгана).

24. Husayn b. Ali Şah. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. Hazine 2152. Gung-i Baysunguri (далее — Байсунгур). — См. Акимушкин О. Ф. Байсунгур-мирза и его роль в культурной и политической жизни Хорасанского султаната Тимуридов первой трети XV века // Петербургское востоковедение / Отв. ред. О. Трофимова. СПб., 1994. Вып. 5. С. 143–168.

25. Там же. Л. 96а–107а.

26. Там же. Л. 1076–110а.

27. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 3–64, 64–87, 88–162, 103–113.

28. Там же. Вклейка на трех страницах между с. 16 и 17, С. 114, 127, вклейка между с. 156 и 157.

29. Бира III. Указ. соч. С. 150.

30. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Пер. с персидского А. К. Арендса, под редакцией А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.

31. Бира III. Указ. соч. С. 153–154.

32. Togan A. Z. V. Op. cit. P. 71.

33. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. С. 41.

34. Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. Указ. соч. С. 206.

35. Togan A. Z. V. Op. cit. P. 62–63.

36. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. С. 53–56.

37. Там же. Т. 3. С. 138–316.

38. См. прим. 24.

39. Бира III. Указ. соч. С. 136–137.

40. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 316, прим. 2.

41. Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. Указ. соч. С. 202, 206–207.

42. Там же. С. 210.

43. Там же. С. 230–231.

44. Там же. С. 231.

45. Там же. С. 231–232.

46. Там же. С. 234.

47. Акимушкин О. Ф. Указ. соч. С. 143–167.

48. *Togan A. Z. V. Op.cit. P.69.*
49. Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Отв. ред. А. К. Муминов. Пер. с персидского, предисловие, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш. Х. Вохидова; сост. указателей У. А. Утепбергеновой. Алматы, 2006 (Ин-т Востоковедения Мин-ва образования и науки Республики Казахстан. Сер.: История Казахстана в персидских источниках. Т. 3). С. 7.
50. *Стори Ч. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 818.*
51. *Ando Shiro. Timuridische Emire nach dem aristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin, 1992 (Islamkundliche Untersuchungen. Bd 153). S. 15–18.*
52. *Султанов Т. И. «Му'изз ал-ансаб» и чингизиды «Кижэ» // Восток. М., 1994. № 6. С. 83.*
53. См. прим. 26.
54. *Ando Shiro. Op. cit. S. 20.*
55. *Стори Ч. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 818, прим. 30.*
56. Му'изз ал-ансаб. С. 15.
57. *Султанов Т. И. Указ. соч. С. 83.*
58. Там же.
59. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М; Л., 1941. Т. 2. С. 61.
60. Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Persan ancien fonds 67. Paris.
61. Му'изз ал-ансаб. С. 15.
62. Там же С. 16.
63. Там же С. 15.
64. Там же. Л. VII–CCCIX.
65. Там же. С. 23–27, 29–30.
66. Там же. Л. II–VI.
67. Там же. Л. VII–IX.
68. *Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. С. 9–10.*
69. Там же. С. 11.
70. Там же. С. 9–10.
71. Сокровенное сказание монголов / Пер. с монгольского С. А. Козина. М., 2002. С. 9, § 21; *Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. С. 14; Рукопись Байсунгур. Л. 42а.*
72. Сокровенное сказание монголов. С. 9, § 21
73. *Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь народов стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987.*
74. *Togan A. Z. V. Op.cit. (Вклейка между с. 70 и 71).*
75. *Ivanics M., Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä) (Vorwort, Einführung, Transcription, Wörterbuch, Fahsimiles). Szeged, 2002. Bd. 1 (Studia uralo-altaica 44).*
76. Шу'аб-и панджгапа. Л. 96а–118а.
77. Байсунгур. Л. 42а.
78. См. примеч. 78.
79. Байсунгур. Л. 37а.
80. Там же. Л. 37б.
81. Там же. Л. 43б.
82. Там же.
83. Там же.
84. Там же. Л. 43а.
85. Там же. Л. 36б.
86. Там же. Л. 36а.
87. Там же. Л. 38б.
88. Там же. Л. 43б.
89. Там же. Л. 43а.
90. Там же. Л. 36б.
91. Там же. Л. 36а.
92. Там же. Л. 33б.
93. Там же. Л. 36а.
94. Му'изз ал-ансаб. Л. XV.
95. Там же. Л. CLV.
96. Там же. Л. CCLIV.

З. Х. Денисултанова

БАШЕННАЯ КУЛЬТУРА ЗОДЧЕСТВА ВАЙНАХОВ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ И ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Прежде всего следует уточнить этнический термин «вайнахи». Так называли коренных жителей, населявших горные районы Чечни и Ингушетии. Кроме языкового родства вайнахов объединяла общая мифология, пантеон и часть родовых (тейповых) названий¹.

Заявленная мною тема работы обретает черты определенности во времени и пространстве после ознакомления с содержанием обзорной статьи «Государство и народы Северного Кавказа XIII–XVII веков», составленной российским историком В. В. Трепавловым. Из этой статьи следует, что с 1278 г. территория Северного Кавказа вошла в состав владений джучидов Золотой Орды, однако полного подчинения местных народов завоевателями не произошло — население труднодоступных горных местностей сохранило независимость. В первой половине XIV в. ежегодные зимовья ордынских ханов располагались в степном северо-восточном Предкавказье. Местная знать, признав власть новых правителей, зачастую сохраняла привилегированное положение, организуя сбор податей в ордынскую казну и мобилизацию ополчения для участия в войнах, которые вели ханы. Политическая роль этой знати становится заметнее по мере ослабления Орды. Зависимость от нее народов Северного Кавказа продолжалась до конца XV в. С начала XVI в. территория всего Кавказа стала ареной противоборства Османской империи и Персии, причем для обеих сторон Северный Кавказ имел стратегическое значение. Персидско-турецкие войны длились с перерывами и с переменным успехом на протяжении XVI–XVII вв. Русско-кавказские отношения этого периода носили

характер военно-политического союза между фактически равноправными сторонами. Отношения горцев Центрального Кавказа (чеченцев, ингушей, осетин и других) с Россией вплоть до второй половины XVIII в. были эпизодическими и касались в основном торговли и экономических связей².

Иными словами, история взаимоотношений России с государствами и народами Северного Кавказа началась значительно позднее, чем история башенной культуры зодчества вайнахов горной Чечни и горной Ингушетии. Мало того, согласно с последними исследованиями чеченского ученого Лечи Ильясова, датировка первых башенных жилищ вайнахов начинается еще в XII столетии³. Большинство русских, чеченских и ингушских историков XX в. согласны с тем, что постепенное затухание башенной культуры вайнахов началось в XVIII в.⁴

Встает вопрос, чьи жилища еще более отдаленного прошлого послужили вайнахам образцами для подражания. Один из первых чеченских ученых-кавказоведов Умалат Лаудаев считал, что подобными образцами для вайнахов были жилища грузин⁵. В середине XX в. более подробный материал для ответа на этот вопрос был дан в монументальном, прекрасно иллюстрированном учебном пособии по этнографии народов СССР, составленном С. А. Токаревым, где описывается одно из этнических подразделений грузинского народа — сваны, составляющее население горной Сванетии. Оно представляет собой остатки крупной этнической группы, остальная часть которой была еще в I в. ассимилирована грузинами. Сванетия, высокогорная страна с сравнительно суровым климатом и малопродуктивной землей, не представляла благоприятных условий для развития земледельческого и скотоводческого хозяйства. Земледелие, составлявшее основу хозяйства сванов, имело карликовые размеры; зато здесь развились сравнительно интенсивные формы обработки земли с применением искусственного орошения. Плодоводство здесь также не могло развиваться. Известную роль в хозяйстве играла также охота. Особенности культурного уклада сванов особенно сказываются в формах их поселений и жилищ. Поселения в горной Сванетии разбросаны по склонам и ущельям небольшими поселками и хуторами. Одна из главных особенностей — двух- или трехэтажные жилые дома и дома-крепости, каждый этаж которых имеет свое

назначение: нижний — зимнее жилье с очагом посередине и отгороженное место для скота; второе — летнее жилье; третий этаж имел оборонное значение. Дом составлял владение большой неразделенной семьи, обрастая вокруг жилыми постройками отдельных семей. К двухэтажному дому пристраивалась боевая башня, в которую семья переходила в случае военной опасности. Эти старинные боевые башни и сейчас придают своеобразный внешний облик сванским селениям. Горную Сванетию иногда называют «страной башен»⁶.

Располагавшаяся далеко на восток от Сванетии горная страна вайнахов удивительно напоминала ее труднодоступные скалы, ее башенные жилища, ее формы хозяйства — ущербное земледелие и скотоводство (выпас овец), ее архаичные черты общественного строя и родовые пережитки⁷. Неудивительно, что башенная культура зодчества вайнахов горной Чечни и горной Ингушетии напрашивается на сравнение с башенной культурой зодчества сванов. В то же время существуют некоторые конструктивные и другие различия между культурами этих народов Кавказа.

Выдающийся кавказовед второй половины XX — начала XXI в. В.И. Марковин, исследователь целого ряда проблем вайнахской архитектуры, выделял три типа вайнахских башен: жилая, полубоевая и боевая⁸. Рассмотрим процесс строительства, функции и использование этих построек несколько подробнее, комментируя наше изложение примерами из работ русских, чеченских и ингушских историков-кавказоведов середины XIX — начала XXI вв.

Жилые башни вайнахов. Для строительства башни выбирали возвышенные места недалеко от источника проточной воды (речка, ручей или родник). Нередко к месту будущей башни подводили тайный водопровод⁹. Как правило, жилые башни возводились без фундамента, на скальных массивах. Если в месте будущего строительства горная порода не выходила на поверхность, то снимали верхний слой грунта. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком и снимали грунт до тех пор, пока жидкость не переставала впитываться в землю, или зарывали в этом месте глиняный кувшинчик, наполненный водой и запечатанный воском. Если через несколько дней оказывалось, что вода в сосуде убывала, место забраковывали¹⁰.

Перед началом строительных работ соблюдался особый ритуал. Сначала выбранное место проверяли с помощью домашнего животного; пригоняли быка, и если вечером он укладывался там спать, то место считалось «чистым». Или здесь на ночь укладывали спать хозяина дома, и если он видел хороший сон, то место считалось благоприятным. Затем в жертву приносилась овца, кровью которой окропляли основание, читали молитву. Самый уважаемый в селении человек, обладавший «счастливой рукой», прикасался к укладываемому в основание первому камню, благославляя начало работ¹¹.

Строительство должно было продолжаться не более года. Приглашенный мастер поступал на полное содержание заказчика, который обязан был кормить его досыта¹². Стены выкладывались из камней различного размера, которые тщательно обрабатывались с наружной стороны. Это могли быть каменные блоки или плиты, в зависимости от местного материала. Кладка производилась с использованием известково-глинистого раствора. Изредка применялась и сухая кладка¹³. В основание башни укладывали огромные монолиты, которые могли достигать двух метров в длину, а в высоту были выше человеческого роста. Некоторые весили по нескольку тонн. Для того, чтобы их доставить на место, использовали волов, которые тащили камни по специальному настилу. Особенно крупные монолиты разбивали на куски, сначала сильно нагревая их, а потом обливая холодной водой¹⁴.

Жилая башня представляла собой массивное монументальное здание с плоской крышей, суживающееся кверху. В плане оно приближалось к прямоугольнику, размер которого варьировался от 7×9 м до 8×14 м, а высота самого здания колебалась от 8 до 12 м. Сужение башни достигалось утончением его стен в верхней части и за счет наклона их вовнутрь. Классическая жилая башня состояла из 3–4 этажей, хотя известна и такая, в которой было 6 этажей.

Внутри башни в центре устанавливался опорный столб прямоугольного сечения, выложенный из тщательно обработанного камня. При кладке столба снизу вверх укладывались выступающие наружу плиты, на которых держались балки междуэтажных перекрытий. Продольные балки опирались своими концами на выступы опорного столба и специальные ниши и угловые камни на внутренних поверхностях стен. Поперек на продольные балки

укладывались более мелкие балки, а затем хворост, на который насыпали глину и утрамбовывали ее. В давние времена опорный столб имел также культовое значение¹⁵.

Нижний этаж имел отдельный вход в стене башни размером от 1,5 до 0,75 м. На второй этаж, находившийся на высоте 3–4 м от поверхности земли, попадали по специальным бревнам с зарубками. На ночь и при опасности их убирали внутрь. Сообщение между этажами осуществлялось через люки в перекрытиях по деревянным приставным лестницам¹⁶.

Дверные и оконные проемы чаще всего имели форму закругленных арок. Известны три приема изготовления таких проемов: путем высечения из монолита; из двух камней, поставленных рядом; из нескольких камней, на которые клали примитивный замковый. Изнутри проемы расширялись, образуя стрельчатые арки. В стужу и на ночь окна закрывали деревянными ставнями или каменными плитами, для чего в стене имелись углубления. Помимо окон, отличавшихся небольшими размерами, стены жилых башен были снабжены смотровыми отверстиями и бойницами. Вследствие этого в помещения с трудом проникал свет. Они выглядели мрачными, на стенах оседал толстый слой сажи¹⁷.

Крыша башни была плоской, обычно с парапетом. Кровля собиралась из толстых бревен, уложенных вплотную друг к другу. Сверху настилали хворост и насыпали глину. Для ее утрамбовки существовали особые каменные валики. Зимой крышу необходимо было очищать от снега и подметать жестким веником, иначе она быстро приходила в негодность и давала протечки.

Два нижних этажа башни предназначались для содержания скота. На первом обычно держали крупный рогатый скот и лошадей. Здесь же отгораживалось место для хранения зерна. Иногда с этой целью выкапывали яму и устраивали каменный мешок. Пол хлева был деревянным. Для лошади делался специальный загон. На втором этаже содержали коз и овец. Скот на второй этаж загоняли по настилу, сколоченному из бревен.

Третий этаж (в трехэтажных башнях — второй) служил жилищем. Здесь хранилось все имущество семьи: ковры, посуда, одежда, деревянные сундуки. Вещи развешивались на металлических крючьях, складывались в нишах в стене. У стен ставились деревянные полки для посуды. В помещении имелась мебель: деревянная

кровать для главы семьи, его кресло, длинная скамья для гостей, маленькие скамеечки на трех ножках, круглый низенький столик, ларь для запасов муки¹⁸.

В центре комнаты находился каменный очаг, над которым висела надочажная цепь. Очаг состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров и металлического треножника, на который устанавливался котел. Дым выводился через окно. В комнате семья готовила пищу, обедала, отдыхала. Если в семье были молодожены, то они ели отдельно. Место очага для чеченцев, как и других народов Кавказа, являлось священным. Кровник, ухватившийся за надочажную цепь, переставал им считаться¹⁹. В очаг нельзя было бросать мусор. Когда хозяйка подметала дом, она мела в сторону от очага. Женщина, мать семейства, считалась хранительницей очага и пользовалась уважением со стороны других членов семьи²⁰.

Члены семьи спали на широких деревянных или каменных топчанах, на которые стелился войлок, а некоторые прямо на полу, на матрасах, набитых овечьей шерстью; укрывались бурками и тулупами. Процесс уборки постели был особым ритуалом, и каждая хозяйка должна была знать его последовательность.

На последнем этаже хранился инвентарь и запасы продуктов; здесь же укладывали спать гостей и молодоженов. В случае осады верхний этаж использовали как боевой. Этим же целям служила плоская крыша, где ставили котел со смолой и заготавливали камни, которые в случае осады сбрасывали на врага. Иногда стены верхнего этажа значительно возвышались над кровлей, образуя парапет, — он защищал тех, кто вел оттуда бой. В теплое время года на крыше сушили снопы, молотили зерно, а также проводили досуг²¹.

В отличие от боевых башен, основной функцией дома-крепости была жилая, а оборонительная функция была второстепенной. Но при этом, учитывая все опасности, которым подвергались горцы, хозяева стремились использовать все оборонительные возможности. Поэтому в наружной отделке не использовалось дерево, чтобы башню невозможно было поджечь. Второй этаж в случае необходимости использовался как боевой. Над дверью устраивали отверстия для стрельбы, чтобы не подпустить к ней врага. Дверь располагалась с той стороны, где труднее было использовать сте-

нобитные орудия. Кроме того, с наружной стороны дверной проем был значительно уже, чем с внутренней, и тем самым прикрывал вход²².

Полубоевые башни вайнахов. В отличие от жилых башен, полубоевые в плане были почти квадратными. Их размеры составляли 4,5–5 м на 5–5,5 м. Они состояли из 4–5 этажей, достигая в высоту 12–16 м. Кроме того, они имели меньший угол сужения стен, и в них отсутствовал центральный столб. К характерной особенности этих башен можно отнести наличие верхних бойниц, прикрытых каменными навесными балкончиками — машикулями. Они образовывались двумя боковыми — лицевым и перекрывающим его сверху плиточным камнями. Снизу машикули открыты для ведения стрельбы. Благодаря такому устройству совершенно скрытые от противника защитники могли наносить ему серьезный урон. Следует также отметить, что расположение световых и наблюдательных окон не было случайным. Они всегда находились на одной линии с машикулями, что позволяло брать наиболее важные объекты (двери, окна) под наблюдение и при необходимости защищать их²³. В полубоевой башне всегда наличествовал парапет, дававший преимущества защитникам башни при обороне с крыши.

Возникает вопрос: зачем чеченцы и ингуши строили полубоевые башни, когда повсеместно сооружались боевые? Видимо, полубоевые башни были тем синкретическим типом, который сочетал в себе свойства жилой и боевой. В суровых горных условиях строительство боевой башни было трудным и дорогостоящим делом, — более рациональным являлось возведение полубоевой. Но несмотря на все преимущества такой тип башен не получил широкого распространения в Чечне. Этот феномен связан с тем обстоятельством, что позднее стали строиться комплексы из жилых и боевых башен, обнесенные стеной. Такие укрепленные поселения позволяли укрыть от противника весь скот²⁴.

Боевые башни вайнахов. Наивысшего расцвета мастерство вайнахов достигло при строительстве боевых башен²⁵. Величественные и стройные, они производили неизгладимое впечатление: «Внешний вид безукоризненно прост и строг. При удивительной стройности, пропорциональности и довольно большой высоте они устойчивы и прочны. Поражаешься мастерству стро-

ителей, их вкусу и уменью так великолепно воплотить в реальные формы свои замыслы и фантазии»²⁶. Древнейшей функцией боевой башни являлась сторожевая, сигнальная²⁷.

Боевая башня представляла собой квадратное в плане сооружение размером от 4×4 м до 7×7 м, воздвигнутое из обработанного камня на известковом или песчано-глинистом растворе, с сужением кверху под углом 4–11 градусов и высотой 20–30 м. В ней было 5, реже 6–7 этажей²⁸.

Строительство боевой башни сопровождалось теми же ритуалами, что и жилой. При этом она ставилась так, чтобы осуществлялась визуальная связь с другими башнями сигнальной системы, для которой выбирались стратегически важные точки, дающие возможность контролировать ключевые перевалы, дороги, мосты. Очень важно было наличие рядом источника воды. Особое внимание при возведении башни уделялось ее фортификационным свойствам. Для этого наиболее открытые стены делали глухими, оставляя в них лишь смотровые щели и бойницы. Дверные и оконные проемы устраивали с недоступной стороны, причем вход вел сразу на второй этаж. Для возведения стен использовали внутренние леса, которые устанавливались на угловые камни, имевшие специальные выступы. Для подъема камней применялся ворот, а для их обработки использовали различные инструменты: кирку, молот, молоток, зубило. Известь для раствора готовили на месте. В тех местах, где известь была дорогим материалом, добавляли песок и глину. Раствором скрепляли каменные блоки, замазывали швы, что также повышало сейсмостойкость сооружения²⁹.

Угловые, или замковые, камни являлись не только элементом, связывающим стены башни, — на них также опирались балки перекрытий. Таких камней было восемь, причем за установку каждого хозяин должен был отдать мастеру овцу или быка. Перекрытие второго этажа выполняли в виде ложного свода из камней с двумя рядами пересекающихся каменных выступов. Четвертый этаж также заканчивался каменным сводом. Делали это для того, чтобы иметь возможность продолжать оборону в случае, если противник сможет проникнуть в башню. Деревянный пол был менее надежен, так как достаточно было его поджечь, чтобы сломить оборону³⁰.

По типу покрытий чеченские боевые башни делились на три основные группы: башни с плоской кровлей; башни с плоской

кровлей с зубцами по углам; башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Башни с плоской кровлей наиболее древние. Они невысокие, имеют небольшой угол сужения кверху и основание чаще всего прямоугольной, а не квадратной формы. Как правило, их высота не превышала четырех этажей. Обработка камня была более небрежная, качество кладки хуже, углы не точно прямые. Эти башни использовались как сторожевые, сигнальные и как часть замкового комплекса. Такие сооружения чаще встречаются в труднодоступных местах: тесных ущельях, на крутых скалистых склонах; к ним не предъявлялись столь высокие, в плане фортификационных свойств, требования, как к боевым башням, стоявшим на открытых пространствах³¹.

Постройки с плоской кровлей с зубцами отличаются большей высотой, стройностью, большим углом сужения. Они могут быть отнесены к XIV–XVI вв. Зубцы на углах настолько широки и высоки, что за ними свободно мог спрятаться человек. Чтобы защитить земляную крышу от осадков, иногда применялся легкий деревянный шатер, опиравшийся на эти зубцы. Такие башни могли использоваться во всех трех ипостасях; их в горах Чечни было относительно немного³².

Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей — наиболее поздние из всех видов боевых башен Чечни и Ингушетии. Многие из них могут быть датированы XV–XVII вв. Как правило, они являлись частью замкового комплекса³³ и отличались особой стройностью и изяществом. Последнее связано с тем обстоятельством, что они имели довольно большую высоту (25 м), сравнительно небольшую площадь основания и довольно сильно сужались кверху³⁴.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей — высшее достижение зодчества вайнахов. Она удивительно гармонирует с окружающей природой, становясь частью ландшафта. Сочетание маленькой площади основания, большой высоты, пирамидального венчания, стройности и пропорциональности создает впечатление устремленности ввысь. Симметрично расположенные балконы — машикули и простой геометрический узор на стенах подчеркивают завершенность форм.

Одной из первоначальных функций боевых башен была охрана ключевых позиций. Сторожевые сооружения ставили у мо-

стов, возле дорог, в тесных проходах ущелий для их охраны³⁵. Существовали также сигнальные башни, которые строились специально для передачи сигналов о военной опасности, и поэтому они находились на возвышенностях, чтобы иметь между собой визуальную связь. При этом такие башни всегда выполняли функции боевых.

Предполагается, что вайнахи, жившие на равнинах, под натиском орд Чингис-хана и Тимура были вынуждены уйти в горы, где создали ассоциацию вольных обществ. Во главе ассоциации был совет страны, в который входили старейшины всех вольных обществ. С этим периодом связывается складывание Великой сигнальной системы. Строили сигнальные башни недалеко от селения, и следить за их состоянием должны были все его жители, которые по очереди несли караул. В случае опасности сигнал передавали ночью с помощью костра, а днем — с помощью дыма³⁶.

Позднее стали возникать укрепления, состоящие из боевых и жилых башен, обнесенных стеной. Их появление в горной Чечне связывается с социальным делением общества³⁷.

Особую большую тему для исследователей представляют так называемые петроглифы, которые часто встречаются на стенах боевых башен вайнахов, — треугольники, ромбы, квадраты, спирали, розетки, кресты, свастики, схематические изображения людей и животных. Они прекрасно гармонируют с обликом башен, вносят разнообразие в монотонность башенной кладки. Существует множество версий происхождения отдельных знаков петроглифов. Особенно преуспел в изучении башен вайнахов и петроглифов на них В. И. Марковин, чьи работы прекрасно иллюстрированы.

Подробно рассмотрев процесс строительства, функции и использование башен вайнахов, мы приходим к убеждению в их исконно вайнаховском происхождении. Условия жизни и необходимость сохранить свой род подтолкнули вайнахов к строительству перечисленных защитных сооружений. Нужно сохранить для потомков эти памятники прошлого и продолжить их всестороннее изучение.

Примечания

1. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004; Джамирзаев С. М. К этногенезу чеченцев (проблемы, комплексный анализ и основные достижения) // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М., 2006.
2. Трепавлов В. В. Государства и народы Северного Кавказа XIII–XVII веков // Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. С. 307–309.
3. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 76–78.
4. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980; Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
5. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 16.
6. Токарев С. А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. Изд-во Московск. ун-та, 1958. С. 272–273, 279–282.
7. Там же. С. 242–245.
8. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне.
9. Там же. С. 203.
10. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 57.
11. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 59–60.
12. Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927. С. 22.
13. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 59.
14. Гольдштейн А. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975. С. 12.
15. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 56.
16. Гольдштейн А. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. С. 13.
17. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 58.
18. Казиев Ш. М. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.
19. Дахкильгов И. А. Предания чеченцев и ингушей о кровной мести // Этническая история и фольклор. М., 1977.
20. Карнов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
21. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 56–58.
22. Там же. С. 61.

23. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. С. 20–21.
24. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 62.
25. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне. С. 264.
26. Щерблякин И. П. Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 271.
27. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 64.
28. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. С. 22.
29. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 67.
30. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. С. 22.
31. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 68.
32. Там же.
33. Марковин В. И. Башенная культура и ее декор — неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 42.
34. Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура. С. 66.
35. Там же. С. 71–75.
36. Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1981.
37. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне. С. 252–254.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЖАДИДИЗМА В РОССИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ НОВЫХ ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРА В УЗБЕКИСТАНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Общественно-политический термин «джадидизм» (от арабск. *аль-джадид* — «новый метод») обозначает движение за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман Крыма, Поволжья и Урала, Кавказа и Средней Азии в период 1880–1920-х годов.

Начало движению положила реформа образования: введение нового, звукового, метода обучения грамоте в начальных школах — мектебах, естественных дисциплин и классно-урочной системы обучения в медресе. При этом преподавание было переведено с арабского и персидского на родной язык, который стал отдельным учебным предметом. Сторонники джадидизма (джадиды) критиковали мусульманских традиционалистов (кадимов), выступали за пересмотр исламского знания с учетом требований современности (иджтихад), за развитие науки, издание газет и журналов на родном языке.

Культурно-просветительское течение в джадидизме связано с именем крымскотатарского просветителя и публициста Исмаила Гаспринского (1851–1914). Политическое течение возникло к началу XX в., прежде всего в Поволжье. Культурными центрами движения джадидов сделались медресе Зинджирлы в Бахчисарае и медресе Мухаммадия в Казани, которое возглавил Галимджан Барухи (1857–1921). В различные периоды к нему принадлежали мусульманские учителя, публицисты и предприниматели. Со времени революции 1905–1907 гг. в России джадиды стали выдвигать политические требования культурно-религиозной автономии мусульманских народов России. Часть из них стремилась к объединению мусульман на основе панисламской и пантюркской общности. На базе джадидизма возникли партии «Иттифак аль-муслимин» в Поволжье, «Милли фирка» в Крыму, «Шура-и ислами» в Туркестане и др.

Вспомним, что историко-географический термин «Туркестан» («страна тюрок») в течение долгого времени служил для обозначения обширной территории в Средней и Центральной Азии, населенной преимущественно тюркскими народностями. Туркестан

делился на Западный (или Русский), Восточный (или Китайский) и Афганский. В этой статье нас будет интересовать только Русский Туркестан, включавший южную часть Казахстана и среднеазиатские владения России. В 1865 г. на территории Русского Туркестана была образована Туркестанская область, в 1867 г. — Туркестанское генерал-губернаторство в составе Семиреченской (до 1882 г.) и Сырдарьинской областей. С 1886 г. генерал-губернаторство официально называлось Туркестанским краем. С 1898 г. в него входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганская области. Столицей края был город Ташкент. На территории Русского Туркестана также находились Хивинское и Бухарское ханства (протектораты России с 1873 г.). Ныне почти все территории, названные с 1898 г. в составе Туркестанского края (кроме Закаспийской и Семиреченской областей), входят в состав независимого Узбекистана.

Таким образом, территория современного независимого Узбекистана во многом совпадает с территорией Русского Туркестана конца XIX — начала XX в. Иными словами, джадидизм, который обозначал движение за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман в 1880–1920 гг., являлся историческим периодом, значительная часть которого была общей для русских и узбекских мусульман. В настоящей статье мы сделали акцент на начальном фрагменте названного периода в истории культуры Узбекистана и русско-узбекских культурных связей.

Крымскотатарский просветитель и публицист Исмаил Гаспринский начинал свою многолетнюю деятельность с создания на русском языке произведения «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина (Исмаила Гаспринского)». В предисловии к своей книге автор писал: «Представляя на суд публики наши заметки и мысли по вопросу о сознательном и близком сближении русских мусульман с их русскими соотечественниками, мы считаем необходимым оговориться, что решительно не имеем претензии на безошибочность мыслей и наблюдений. Цель настоящих заметок — вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущности русских мусульман в интересах нашего отечества и цивилизации. Всякое возражение, пояснения и факты по интересующему нас вопросу мы готовы выслушать теперь и обсудить при дальнейшей обработке предмета сих заметок. Поэтому мы бу-

дем очень рады и благодарны за всякое мнение, которое услышим от читателя, обращенное непосредственно к нам или путем печатного обсуждения»¹.

В тексте книги мы читаем такие строки: «Присматриваясь к отношениям русской власти к покоренным и покоряемым татарским племенам, мы замечаем, что она мало знакома с почвой, на коей приходится ей действовать, мало знает татар, их внутренний быт и строй. Русское господство над татарами до сих пор... выразилось только в следующем: *я владею, вы платите и живете как хотите*... Должны ли русские и русские мусульмане жить рядом на одной земле, под одним законом, как случайные спутники, соседи, или между нами следует развить более близкие родственные отношения, как между детьми великой семьи народов нашего обширного великого отечества?... Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция! Я глубоко убежден, что наши русские соотечественники не только не желали, но даже не ожидали, не предвидели таких печальных результатов; что они были убеждены, что дело цивилизации азиатов обстоит благополучно... Вопрос об инородцах, об мусульманстве в России... вовсе еще не обработан. Даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем... стоило бы подумать о нем. Провидение передало и передает под власть и покровительство России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоём... Отсутствие строго намеченной, последовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства чувствуется до сих пор и принесло немало горьких плодов как для нас, русских мусульман, так и для нашего отечества... Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества; ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры»².

В той же книге И. Гаспринский призывал пока еще малочисленных образованных русских мусульман к деятельности в пользу про-

свещения основной массы мусульман путем расширения учебных программ мусульманских медресе, печати на родном языке, популяризации русской школы и науки и возбуждении интереса к ним³.

И. Гаспринский призывал других и сам выступал за культурно-национальное возрождение мусульман Востока на основе «единства языка, действий и мысли» тюркских народов, освобождение их от власти Запада через школу и прессу (в книге «Русско-восточное соглашение»⁴). В 1883–1914 гг. он выпускал в Бахчисарае на тюрки и русском языках (с 1905 г. только на тюрки) первую мусульманскую газету в России «Тарджуман» («Переводчик»), распространявшуюся в Крыму, Поволжье, Центральной Азии, Турции и Синьцзяне (Китай), а с 1908 г. издавал журнал для мусульманок «Мир женщин». При И. Гаспринском Бахчисарай стал вторым после Казани центром исламского книгопечатания в России. С 1884 г. он ввел в Зинджирлы-медресе новый (звуковой) метод обучения арабскому языку, включил в учебную программу точные и естественные науки. Школа И. Гаспринского стала образцом для медресе джадидов. В период революции 1905–1907 гг. он участвовал в крестьянских съездах Крыма, трех Всероссийских мусульманских съездах, входил в ЦК созданной в январе 1906 г. первой мусульманской политической партии России «Иттифак аль-муслимин». Публицистика И. Гаспринского оказала сильнейшее влияние на всю мусульманскую интеллигенцию России начала XX в.

На первом этапе своей деятельности джадиды видели единственный путь к решению культурных, социальных, экономических и политических проблем в просвещении. Активно занимался просветительской деятельностью Махмудходжа Бехбуди (1875–1919), который считается отцом туркестанских джадидов и основоположником новой узбекской культуры. М. Бехбуди — теоретик и практик новометодной школы, издатель и журналист, первый драматург и основатель джадидского театра в Туркестане. В 1899–1900 гг. он совершил свое первое паломничество (хадж), которое привело к подлинному перевороту в сознании молодого богослова и законоведа. Побывав в Стамбуле и Каире, он увидел там новые школы европейского типа, университеты, реформированные медресе, соприкоснулся с новейшей турецкой и арабской литературой, организацией книгоиздательства, газетного и журнального дела, современными методами преподавания, укрепившими его

стремление создать на родине новометодные школы. Вскоре с помощью последователей и единомышленников ему удается открыть в окрестностях Самарканда ряд новометодных школ. М. Бехбуди написал и издал для них ряд учебных пособий — «Пособие по приобретению грамотности» (1904), «Пособие по географии России» (1904), «Книга для детей» (1908), «Соблюдение правил ислама» (1908), «История ислама» (1909)⁵.

В 1903–1904 гг. с проповедью идей джадидов М. Бехбуди посетил Москву и Петербург, побывал в Казани, Уфе, Оренбурге. Образованная в начале 1906 г. первая мусульманская партия России «Иттифак аль-муслимин» вызывала его особые симпатии. Он видел много пороков в современном традиционном исламе, содержащем, по его мнению, слишком большое количество обычаев, ритуалов, представлений, противостоявших общественному прогрессу, служивших ограблению народа, ибо они туманили его сознание, способствовали сохранению средневековых пережитков, невежеству и фанатизму. М. Бехбуди выступал за сохранение ислама как необходимого фактора, способствующего объединению мусульман для достижения счастья и общественного прогресса, как средства воспитания народа в духе высокой морали и патриотизма, как орудия пресечения проступков и преступлений⁶. 23 августа 1907 г. в Нижнем Новгороде собрался курултай, посвященный проблемам и культуре мусульман России. На этом форуме М. Бехбуди, возглавлявший туркестанскую делегацию, выступил с пламенной речью⁷. С 1913 г. он занимался организацией джадидской прессы. Под его руководством начинает выходить газета «Самарканд». После 45 номера из-за финансовых затруднений выпуск издания прекратился. После этого М. Бехбуди издает еженедельный иллюстрированный журнал «Зеркало», который распространялся на Кавказе, в Татарстане, Иране, Афганистане и Турции. В 1914 г. он совершает путешествие по арабским странам.

В период наиболее активной просветительской деятельности М. Бехбуди с особой ясностью понимает, что для просвещения народа необходимо своеобразное зеркало, в котором отражались бы события в мире и наиболее острые проблемы туркестанской современности — профессиональный театр. В 1911 г. он пишет пьесу «Отцеубийца» («Падаркуш») и в 1912 г. печатает ее содержание в бухарской газете «Туран». Однако попытки издать пьесу отдельной

книжкой и поставить ее на профессиональной сцене натолкнулись на противодействие генерал-губернатора Туркестана. Пойдя на хитрость, М. Бехбуди отослал рукопись пьесы в Тифлис, сопроводив ее следующим посвящением: «Освобождению России от французского нашествия и памяти великой Бородинской битвы посвящаю». Тифлисская цензура дала разрешение на постановку «Отцеубийцы». В 1913 г. М. Бехбуди удалось издать пьесу отдельной книжкой в издательстве Самарканда, но тут возникли новые трудности. Местные власти пренебрежительно относились к театральным представлениям для простого народа, обычно сопровождаемые выступлениями скоморохов и канатоходцев. Многие задавались вопросом, какой режиссер, какая профессиональная труппа и на какой сцене поставит этот спектакль. В итоге «Отцеубийцу» впервые поставил силами местных актеров 15 января 1914 г. в зале Исламской библиотеки Самарканда режиссер-азербайджанец Алиаскер Аскарров. Успех постановки превзошел все ожидания. С раннего утра тысячи людей уже штурмовали здание, где проходило представление. Народ согласен был платить три рубля за билет и смотреть стоя, но мест не было.

«Отцеубийца» — признанный образец узбекской драматургии, заложивший основы новой узбекской литературы. Драма, названная ее автором «национальной трагедией», была компактной по объему, простой по содержанию и стилю изложения⁸.

В пьесе четыре действия. Первое действие начинается приходом к богатому баю, Традиционалисту, молодого муллы, Учителя, сторонника взглядов джадидов. Внезапно появляется Тошмурод — семнадцатилетний сын бая, который грубо вмешиваясь в разговор старших, требует у отца деньги на развлечения, а получив их, не прощаясь исчезает. Мулла спрашивает бая, где учился его сын, ибо учение, по его словам, — «свет и богатство». Бай возражает, что сейчас «богатство уважают больше, чем мулл». На это мулла отвечает, что «богатых уважают тогда, когда к ним есть дело, а муллу уважают всегда». Он пытается убедить бая отдать сына в школу, обучить его читать и писать, правильно совершать намаз — «это зачтется ему как благое дело». Бай заявляет: «Все необходимые молитвы я знаю и, если понадобится, могу сам научить сына». На вопрос Учителя: «А что вы скажете о правописании и литературе?» — Бай отвечает: «Я сам не знаю письма и не умею читать, но — богатый». Учитель настойчиво объясняет: «Надо думать

о будущем и дать сыну образование, потому что скоро все богатство будет в руках умных людей». Речи муллы раздражают бая. Рассердившись, он приказывает слуге проводить Учителя. В доме бая появляется Интеллигент — изучающий русский язык молодой мусульманин, сторонник национальной идеи, но в европейской одежде. Бай жалуется Интеллигенту на муллу, но тот поддерживает позицию Учителя и почти слово в слово повторяет его реплики о необходимости образования. Бай раздражается, курит табак, затем открыто демонстрирует желание лечь спать, ложится и быстро засыпает. Интеллигенту остается только уйти из дома бая⁹.

Второе действие происходит в пивной, где проводит время сын бая Тошмурод, окруженный собутыльниками. Изрядно выпившие друзья в поисках новых развлечений хотят позвать русскую девушку Лизу. Зная, что просто так она не придет, все выворачивают карманы. Однако набрать нужную сумму не удается. Тогда один из друзей, которого зовут Нор, обращается к сыну бая: «Ну, что же ты, богач, тащи свой кошелек!» Другой друг, Давлат, предлагает новую идею. Все пьют за здоровье Тошмурода, и Давлат излагает свой план: «Тошмурод, иди с Тангрикулом домой и покажи, где стоит сундук твоего отца. Дальше Тангрикул сделает все сам». Перед тем, как отправить этих двоих в дом бая, Давлат достает нож и тайком передает его Тангрикулу¹⁰.

Третье действие «Отцеубийцы» — кульминация. Тошмурод и Тангрикул прокрадываются в дом бая, находят сундук. Пытаясь взломать сундук, они будят хозяина дома. Открыв наконец сундук и забрав из него деньги, Тангрикул без колебания убивает бая ножом. Вместе с Тошмуродом они спасаются бегством. Убитая горем мать Тошмурода громко причитает над телом мужа, проклиная сына и не видя теперь смысла в богатстве. Внезапно появляется Учитель, который заявляет бедной вдове: «Говорили вам: учите и воспитывайте сына! Ваш муж не поверил. Вот сын и попал под дурное влияние!»¹¹.

Четвертое действие — развязка. Тангрикул с Тошмуродом возвращаются в пивную, где их дожидались Давлат и Нор. Беглецы кладут деньги на стол, получая одобрение Давлата. Друзья тут же посылают слугу за Лизой. Только она входит в пивную и здороваются, как с улицы доносится шум. Вбегают приставы с полицейскими. Тут же они обнаруживают украденные деньги и нож со свежими следами крови. Интеллигент произносит финальную

речь: «Вот до чего доводит незнание науки и отсутствие воспитания — до отцеубийства!... Вот они, плоды невежества и невоспитанности — злоба, отсутствие патриотизма, скитания потерявших свой дом, бедность и даже нищета!... А чтобы такого больше не случилось, нужно только учиться и учиться!»¹²

Характерной особенностью пьесы «Отцеубийца» является и недвусмысленное разделение ее персонажей на сторонников старого — «кадимитов» и проповедников нового — «джадидов». Оба лагеря постоянно спорят друг с другом. В итоге правда оказывается на стороне тех, кто призывает к новому, — по крайней мере к серьезной реформе старого.

Примечания

1. *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина (Исмаила Гаспринского). Симферополь, 1881. С. 1.

2. Там же. С. 5–8.

3. Там же. С. 9–45.

4. Русско-восточное соглашение: Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай, 1896. С. I–IV, 1–20.

5. *Гаффаров Н.* Общественно-политическая деятельность Махмудходжи Бехбуди. Душанбе, 1997; *Ибрагим У.* Махмудходжа Бехбуди.: [<http://www.samarkandinfo.uz/portret/jadidi.htm>].

6. *Гаффаров Н.* Указ.соч. С. 7–8.

7. *Ибрагим У.* Указ.соч.

8. *Ходнев А. С.* Ислам: Введение в изучение социальной истории XIX–XX вв.: [<http://www.yspu.yar.ru/hreader/3/?in=3.2>]; *Ходжаев Ф.* К истории революции в Бухаре // Избранные труды. В 3-х т. Ташкент, 1970. Т. 1. С. 76–194; *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 12–15; *Шарафутдинов А.* Узбекская литература: [<http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb4871.htm>]; Литература Средней Азии и Казахстана: [<http://feb-web.ru/feb/iv1/v18/v18-1922.htm>]; *Александров Ю. В.* Фрагменты театральной биографии Узбекистана: [<http://mytashkent.uz/2007/09/10/fragmenty-teatralnoy-biografii-uzbekistana/>]; *Allworth Edward.* The Beginnings of the Modern Turkestanian Theater. Slavic Review, Vol. 23, No 4, (Dec., 1964). The American Association for the Advancement of Slavic Studies, 2006. P. 676–688: [<http://www.jstor.org/stable/2492204>].

9. *Ризаев Ш.* Жадид драмаси. Тошкент, 1997. Б. 137–142.

10. Ibid. Б. 143–145.

11. Ibid. Б. 146.

12. Ibid. Б. 147–148.

ХРИСТИАНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ МЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Очевидным фактом является то, что на современном историческом этапе во всем мире наблюдается невероятный всплеск активности многочисленных религиозных движений, сект и культов, выделяющих себя из традиционных религий. Доктрины этих движений отличаются разнообразием, но объединяет их крайняя эклектичность, заимствование и смешение, казалось бы, несовместимых элементов различных «ортодоксальных» вероучений: христианства, буддизма, конфуцианства, иудаизма, ислама и т. д. Не находя удовлетворения в традиционных религиях, многие пытаются искать истину на стыке различных вероучений и в создании новых конфессий. Всплеск активности новых религиозных движений особенно заметен на Востоке — в Индии, Китае, Корее и Японии.

Сейчас в мире практически не осталось вероучений, которые не испытали бы на себе влияния какой-либо из мировых религий — христианства, буддизма или ислама. С другой стороны, и мировые религии, пытаясь максимально распространиться по всему миру, сами были вынуждены впитать в себя элементы местных религиозных течений и культов, чтобы не быть отвергнутыми населением каждой конкретной страны, не готовым к кардинальным переменам мировоззрения.

Для Японии характерно сочетание, с одной стороны, традиций, восходящих к самому древнему периоду истории страны, а с другой — вероучений, привнесенных извне, сначала из Китая и других дальневосточных государств, а затем и с Запада.

Пришедшее с Запада христианство, в котором, в отличие от большинства японских вероучений, существует представление о ереси, или недопустимом отклонении от религиозной догмы, придерживалось жесткой политики по отношению к традиционным японским религиям, что выражалось подчас в уничтожении синтоистских и буддийских святынь. Однако со временем строгие христианские доктрины стали подвергаться изменениям, про-

исходящим по большей части спонтанно, в массах верующих, не способных полностью отказаться от религиозных представлений и практик своих предков. Можно выделить два типа подобных перемен — адаптация по форме (трансформация) и адаптация по сути (ассимиляция)¹.

Формальная адаптация представляет собой в первую очередь попытку приспособиться к исконной японской ориентации на группу, общину — в отличие от изначального христианского акцента на конкретного человека. Сущностная адаптация отражает процесс перехода от представлений о едином, вселенском Боге к концепции, охватывающей возможность существования множества божеств локального свойства, ответственных за определенные области деятельности.

Христианские организации в Японии по своему происхождению можно разделить на две группы — местные и иностранные. Местные характеризуются тем, что являются самостоятельными и независимыми от заграничных обществ и церквей в системе обеспечения, управления и проповеди. Религиозные объединения иностранного (в первую очередь западного) происхождения традиционно полагаются на иностранных же миссионеров и священников и живут за счет финансовой помощи извне, а также строят управление внутри церкви по западному образцу, — что касается как структуры, так и иерархии, принципов контроля и наставления своих адептов. Иными словами, иностранные по происхождению церкви практически полностью заимствуют доктрины и внутреннее устройство своих западных «церквей-родителей».

Большая часть местных христианских течений выдвигает положение о том, что Бог проявляет себя через Писание, поэтому при душевной чуткости и внимательности, с помощью Библии японские христиане могут постичь доселе скрытые от западных церквей истины. При этом особо подчеркивается, что Бог призывает последователей Христа развивать веру непосредственно внутри своей культуры, а не в отрыве от традиционных корней.

Японские христианские движения местного происхождения занимают промежуточное положение между традиционными христианскими конфессиями и «новыми религиями» — *синсю:кё:*, обладая одновременно чертами и тех, и других². Большая часть этих движений появилась на волне недовольства представителей

японской интеллигенции пренебрежительным отношением западных миссионеров к местным традиционным учениям и ценностям, являясь своего рода ответной реакцией на принудительное внедрение западных стереотипов мышления.

Японская религиозная традиция казалась американским протестантским миссионерам языческой, устаревшей, отставшей в своем развитии от более продвинутых культур. Поэтому иностранные проповедники стремились обратить Японию в христианство, что фактически означало разрушение старых культов³. Попытки искоренения исконных вероучений предпринимались из-за непонимания миссионерами основ японского мышления, отличного от западного тем, что мир в японском сознании недуален (*фун*), то есть в его феноменах нет взаимного противоречия, и все его проявления, несмотря на их разнообразие, представляют собой единое целое. В основе японской эстетики лежит понятие *ва* — гармонии между человеком и окружающим миром, которая предполагает сосуществование различных вероучений, отсутствие главенства той или иной религии и ярко выраженный религиозный синкретизм.

Часто миссионерам не удавалось отделить свою национальную культуру от той веры, которую они стремились насаждать. Многие из них были убеждены, что традиции, практикуемые в их церквях, являются нормой, продиктованной иудео-христианским Писанием, а насаждаемая ими культура, включая религиозные убеждения, дробление на различные конфессии, политику и методы ведения проповеди, представляет собой подлинное выражение христианской веры.

Западные проповедники стремились передать эту культуру в неизменном виде, не разрешая никаких отступлений от нее, и не признавали за японцами права на собственные методы организации жизни внутри общины верующих. Подобная неподатливость вызывала неприятие со стороны многих новообращенных, потому что различие между традиционным японским взглядом, апеллирующим к равновесию и гармонии, и категоричным христианством было слишком велико.

В процессе изучения Писания многие японские верующие стали понимать, что христианская вера и библейская традиция отличны от политики конкретных церквей, теологических изысков

и культурных ценностей западных миссионеров. Среди японцев появились свои выдающиеся исследователи и мыслители, которые находили в предлагаемой им проповеди все больше несоответствий с тем, о чем говорилось в Библии. Более того, наблюдая за существованием постоянно конкурирующих христианских групп, они пришли к выводу, что японские христиане тоже могут иметь свою интерпретацию веры.

Таким образом, на японской почве стали возникать независимые христианские движения, последователи которых в большинстве своем пытались отделить христианские истины от теории и практики западных церквей, пытающихся распространять в Японии не столько христианское учение само по себе, сколько собственную его интерпретацию, созданную на основе западной культуры. Тэсима Икуро, основатель одного из таких движений под названием «Изначальное Евангелие» (*Гэнси Фукуин*), считал, что «миссионеры привезли в Японию лишь внешние формы западного христианства, такие как музыка, архитектура, доктрины, ритуалы и т. д., заставив японцев носить их как униформу, тогда как суть религии — в духе, скрытом от глаз»⁴, — то есть миссионеры передали японцам лишь религиозную оболочку, забыв о внутреннем содержании веры.

Среди причин появления в Японии «модернизированного» христианства можно назвать антизападные настроения в обществе в конце XIX — начале XX в., растущий национализм, желание доказать исключительность своей культуры, а также недовольство поведением и политикой иностранных миссионеров. Кроме того, нельзя не указать и на личностный фактор: каждый основатель нового движения, вне всякого сомнения, обладал харизмой — способностью привлекать к себе других людей и зажигать в них огонь веры — как в выдвинутые им положения, так и в него самого, причем часто основатели почитались практически наравне с божеством и упоминались в молитвах.

Практика такого преклонения перед наставником восходит к давним японским традициям буддийских школ, например Чистой Земли, Истинной школы Чистой Земли, школы Нитирэн и т. д. Один из исследователей по этому поводу замечает:

«Одним из последствий такой абсолютной преданности конкретному человеку является то, что ярые приверженцы японских

школ и сект доходят до крайностей в своем почитании основателя секты и в проведении различных религиозных церемоний в его честь. Вера в учителя так же абсолютна, как вера в Будду, и в этом не чувствуется никакого противоречия. Дело не в том, что на Будду обращается меньше внимания, но, вероятно, идея состоит в том, что глубокая вера в основателя и преданность Будде имеют одинаковую важность».⁵

Вдохновители новых японских христианских движений настаивали на мысли, что истину и благодать можно найти не только в Библии и христианской традиции, но и в религиях Азии, а новых прозрений человек может достичь через религиозный опыт и божественное откровение. Своеобразное сочетание иностранных и исконных японских элементов привело к образованию в Японии новых христианских традиций, основанных на исконном постулате японской философии о необходимости уравниваемости во всем.

Среди наиболее известных местных христианских движений можно назвать «Нецерковное движение», «Путь», «Церковь Сердца Иисуса», «Церковь Духа Иисуса», «Святую Церковь Иисуса», «Изначальное Евангелие» и др. Поскольку в отечественной литературе этому феномену не уделялось достаточно внимания, следует рассмотреть структуру и особенности этих движений.

1. «Нецерковное движение» (Мукё:кай) Утимуры Кандзо (1861–1930).

«Нецерковное движение» является одним из наиболее известных христианских движений, появившихся на японской почве, и считается истинно японской формой христианства. Его известность во многом связана с многочисленными трудами (около 50 томов), которые остались после его основателя, философа и общественного деятеля Утимуры Кандзо. Это движение считается абсолютно независимым от западных миссионерских церквей в организационном и финансовом плане, хотя, вне сомнения, оно образовалось под непосредственным влиянием западной христианской (в особенности пуританской) мысли.

Утимура Кандзо стремился к созданию нового протестантизма, абсолютно свободного от каких-либо следов церковничества. Выступая против любых церковных институтов — церковной иерархии и других формальных проявлений внутренней органи-

зации, он пытался установить всеобщее духовное товарищество верующих, где каждый имел бы равные права с другими членами. Последователи этого движения отрицали признаваемые протестантами таинства крещения и причастия, считая, что их совершение неминуемо приводит к зависимости от сословия священнослужителей.

«Новый протестантизм» предлагалось строить на традиционном для японцев религиозном фундаменте — конфуцианстве и буддизме. Утимура стремился выявить исконные связи своей культуры с христианской; он нашел их через конфуцианское учение, в котором так же, как и в западной религии, основными добродетелями считаются верность господину, преданность, уважение к родителям и учителям. Одним из ключевых элементов японской культуры Утимура называл *бусидо*: — «Путь воина», кодекс самурайской морали и чести:

«Бусидо — это лучшее из того, что создала Япония. Но в одиночку бусидо не сможет ее спасти. Христианство же, совмещенное с бусидо, будет самым прекрасным из всего созданного в мире. Оно спасет не только Японию, но и весь мир. У истории Японии было особое предназначение: в течение двадцати веков Господь совершенствовал бусидо, ожидая этого момента слияния. Христианство вместе с бусидо смогут изменить мир».⁶

Кроме того, в этом эклектическом симбиозе двух учений Утимура нашел место и буддизму. О Будде Утимура писал:

«Будда — это Луна; Христос — это Солнце... Будда — это Мать; Христос — это Отец. Будда — это милосердие; Христос — это праведность... Я люблю луну и люблю ночь; но поскольку ночь уже миновала и близится день, ныне я люблю солнце больше, чем луну. Но я знаю, что любовь к Луне содержится в любви к Солнцу и что тот, кто любит Солнце, любит и Луну».⁷

Несмотря на повышенное внимание к изучению классических конфуцианских и буддийских сочинений, основной акцент Утимура все же делал на исследовании и чтении Библии, к текстам которой он, правда, подходил весьма избирательно, выкидывая не соответствующие его собственным мыслям отрывки.

В настоящее время «Нецерковное движение», как и прежде, не признает никаких формальных институтов христианства: в нем нет таинств, служб, клира, церквей, штаб-квартиры, не проводит-

ся статистика относительно количества членов движения. Его составляют независимые группы по изучению Библии, отношения внутри которых основываются на традиционной связи между «учителем» (*сэнсэй*) и «учеником» (*дэси*). При этом «учителя» не проходят предварительно никаких обязательных курсов по исследованию Писания, создавая группу тогда, когда чувствуют к этому внутреннее призвание⁸. Поэтому после смерти наставника группа обычно распадается. Большинство «учителей» имеют какую-то профессию и работают в сфере, не связанной с деятельностью своей группы, — часто они являются преподавателями различных учебных заведений.

Лидеры этого движения действуют в качестве наставников не только в вопросах, связанных с изучением Библии, но и в личных делах последователей. Они устраивают свадьбы (по традиционному японскому обычаю) и даже решают, каким делом человеку следует заняться. Это движение патриархально по своей сути, и все его руководители — мужчины. Утимура крайне консервативно подходил к положению женщины, которая в XIX в. должна была на людях всегда держаться позади своего мужа. Иными словами, в воспитании последователей «Нецерковного движения» преобладает конфуцианская составляющая⁹. Основной задачей движения является соединение христианского духа с исконными японскими ценностями и этической традицией.

Членами «Нецерковного движения» становятся люди из различных слоев общества, но по большей части оно имеет отклик среди японской интеллигенции. «Нецерковники» известны своими пацифистскими взглядами: они считают, что Христос, приняв смерть на кресте, указал всем дорогу к достижению мира, являющегося конечной целью истории. Роль христианства состоит в том, чтобы подготовить человечество к наступлению Великого Мира, который воцарится после Второго Пришествия Христа.

Члены движения выступают против любой политики, которая может помешать наступлению мира в Японии и в других странах. В том числе они критикуют правительственные проекты относительно пересмотра Конституции 1947 г. и перевооружения в целях самообороны, выражают протест против празднования дат, связанных с завоевательными кампаниями прошлого, законопроекта о присвоении государственного статуса святилищу Ясукуни, по-

священному духам воинов, погибших за императора, и т. п. Кроме того, участники движения считают, что Япония должна отдать все материальные и моральные долги жителям стран, пострадавших от ее агрессии, в первую очередь корейцам, и наладить отношения с азиатскими государствами.

Положение, которое занимают участники «Нецерковного движения» в социальной структуре страны, неоднозначно: они отчуждены от японского общества, но в то же время считаются изгоями и среди церковно организованных японских христиан. Однако это не мешает членам движения принимать участие в решении общественных проблем, поскольку они считают себя элитарным меньшинством, духовными лидерами нации, целью которых является передача людям божественных идеалов. «Нецерковные» христиане стремятся жить проблемами общества, пытаются решить их путем изменения самого общества. Они представляют себя харизматическими личностями, которые открывают божественную истину Японии и всему миру.

2. «Путь» (*До:кай*) Мацумуры Кайсэки (1859–1939).

Еще одним японским религиозным движением, напрямую связанным по происхождению с христианством, является так называемый «Путь». Это течение было основано Мацумурой Кайсэки, известным мыслителем Японии конца XIX — начала XX в.

Мацумура организовал свою группу, чтобы создать на ее основе новое, реформированное «японское» христианство, выведенное из-под контроля западных церквей, опирающееся на мудрость и достижения традиционных японских учений. Со временем, когда система его религиозных взглядов обрела более четкое оформление, стало ясно, что это движение вряд ли можно назвать христианским. Тогда, в 1912 г., чтобы отразить изменение в своих идеях, Мацумура дал своему учению название «Путь» и стал считать его «новой» религией.

Суть религиозной позиции Мацумуры состояла в том, что он рассматривал древние религии мира в качестве носителей неких исконных истин, к которым и должно вернуться человечество. Сам он утверждал, что познал эти истины через откровение, а также путем изучения священных христианских, буддийских и конфуцианских книг. Мацумура выделял «четыре истины» (*сико:рё:*)¹⁰, легшие в основу его движения, которые, как он считал, являются

общими для христианства и главных азиатских учений — буддизма, конфуцианства и синто и в той или иной форме содержатся в каждом из них.

1) Вера в Бога (*синдзин*), называемого «Владыкой Вселенной» (*Тэнти Сюсай-но Ками*).

2) Самовоспитание, достижение крепости духа и высокоморального характера (*сю:току*). Мацумура считал, что истинная религия ставит своей задачей воспитание добродетели, гармонизацию своей жизни с неким Высшим Путем, Истинной Реальностью, что возможно только посредством напряженных усилий и непрерывной внутренней работы самого верующего — то есть накопления огромного личного опыта.

3) Любовь к ближнему (*айрин*). Самовоспитание должно проводиться человеком не столько для себя, сколько для других, чтобы привести в гармонию с Высшим Путем сначала свою семью, потом народ, мир и всю Вселенную.

4) Вера в вечную жизнь (*эйсэй*).

Члены «Пути» обещали делать все возможное, чтобы претворять в жизнь эти четыре принципа, и давали совместную клятву, которая сводилась к следующему: неколебимо верить в Господа и стараться любым способом служить Ему; постоянно воспитывать в себе добродетель, всячески пытаться улучшить и закалить свой характер; верить в любовь к ближнему и всегда служить своему народу, Вселенной и всему человечеству; всегда сохранять веру в Жизнь Вечную и никогда не расставаться с надеждой, что бы ни случилось.

Мацумура включил в обязательный канон священных текстов, помимо Библии, отрывки из произведений китайского ученого-неоконфуцианца Ван Янмина в сопровождении собственных комментариев, которые он предписал своим последователям для самосовершенствования и духовного развития. Кроме того, он исключил из своего канона некоторые части Нового Завета, в том числе повествование о рождении Христа из Евангелий от Матфея и Луки, считая их более поздними вставками. Евангелие от Иоанна тоже было им исключено как не соответствующее словам Иисуса и позиции самого движения «Путь». Вместе с ним были удалены несколько посланий апостолов (2 и 3 Иоанна, Иуды) и Откровение Иоанна Богослова¹¹. Вместо этого канон был позже

дополнен работами сына Мацумуры — Китисукэ, по большей части представлявшими комментарии к различным неоконфуцианским текстам.

Мацумура отрицал христианский догмат о первородном грехе, придерживаясь конфуцианского взгляда на природу человека как на изначально благую, но требующую усилий для раскрытия этой благости.

В первые годы существования движения Мацумура сохранял большинство обычных протестантских обрядов, но вскоре отверг их как не совпадающие с его религиозной позицией. Так, он не принимал христианского догмата о Святой Троице, считая Иисуса не Сыном Божьим, а всего лишь безвольной марионеткой в руках Бога Отца, не способной на самостоятельные решения. Как следствие, им отмечался факт искупительной смерти Христа на кресте и не признавались таинства крещения и причастия.

В 1915 г. в Сибуя была построена штаб-квартира движения с основным храмом для молений, возведению которого предшествовала синтоистская очистительная церемония. Сам храм, получивший название «Зал Небесного Поклонения» (*Хайтэндо*), снаружи имел вид буддийского, а внутри был устроен по синтоистскому образцу. В середине его находился синтоистский алтарь, в котором в качестве священных предметов помещено было зеркало и висели полоски рисовой бумаги, воспринимаемые как символическое изображение Истинной Реальности (*макото-но хё:гэн*). Церемонии предварялись традиционным синтоистским хлопком в ладоши, затем следовало чтение клятвы о соблюдении «четырех истин», пение гимнов (изначально заимствованных у протестантов, но позже замененных на сочиненные самим Мацумурой, включая и музыкальное оформление).

Адепты движения должны были каждый день в целях самовоспитания и совершенствования своих моральных качеств самостоятельно читать клятву и медитировать утром и вечером перед свитком, на котором было написано по-китайски имя Бога. Подобное моление перед свитком не считалось за идолопоклонство, но воспринималось как необходимый элемент религиозной концентрации для новичков.

В таком виде, как самостоятельная, отдельная от христианства религия, «Путь» просуществовал до конца Второй мировой

войны. Обряды и службы проводились по японскому образцу, в проповедях постоянно акцентировались конфуцианские идеи, а ссылок на христианское Священное Писание было довольно мало. Однако после войны руководство «Пути» стало делать упор на христианском происхождении этого учения, называя его ветвью «свободного христианства». В связи с американской оккупацией и изменившейся религиозной политикой, а также отделением синтоизма от государства и ниспровержения «государственного синто» лидеры движения даже убрали свой главный синтоистский алтарь, стоявший в центральном зале для поклонений, и поставили вместо него простую табличку с цветами. В 1955 г. были возобновлены лекции по Библии, а в службах все чаще стали использовать христианские гимны. В 1989 г. после ремонтных работ центральный зал для поклонения был заново оформлен в западном стиле: теперь в качестве убранства использовались витражи и были поставлены церковные скамьи.

Сейчас «Путь» внешне выглядит как христианская организация, в которой важная роль отводится учению Иисуса о Боге Отце и любви к ближнему. Но остальные христианские доктрины при этом игнорируются, а основным стремлением членов движения является самовоспитание в духе неоконфуцианства.

В этом движении христианской составляющей уделяется меньше внимания, чем традиционному для японцев смешению синто-буддийских и конфуцианских воззрений, и из всех местных христианских движений «Путь» является одним из наиболее близких к японским этико-философским взглядам.

3. «Церковь Сердца Иисуса» (*Кирисуто Синсю: Кё:дан*) Каваи Синсюя (1867–1962)

Основатель «Церкви Сердца Иисуса», Каваи Синсуй, как и Мацумура Кайсэки, обращал особое внимание на самовоспитание человека посредством христианства. Он говорил, что японское христианство представляет собой лучший способ совершенствования, результатом которого будет достижение «христианского просветления-*сатори*», означающего для верующего полное слияние и единение с Богом¹². Это единение (*синдзин го:ицу*), как утверждал Каваи, возможно только через личный религиозный опыт и усиленную работу над собой, чего не учли западные миссионеры.

Каваи пришел к выводу, что Библия не открывает всего богатства учения Христа, и послание Иисуса человечеству было бы другим, если бы на своем пути тот встретил не группу бедных рыбаков, а Будду или Конфуция. Своей задачей Каваи полагал представить возможный вариант встречи этих личностей и объяснить христианство через эту встречу. Для этого он проводил долгое время в медитации, в результате чего, по его словам, достиг просветления и единения с Богом, которого «узрел своими глазами». В 1927 г. Каваи учредил «Церковь Сердца Иисуса».

Последователи этого движения считали, что Бог проявлял себя в Азии еще до прихода туда западных миссионеров; при этом труды древних азиатских святых, таких как Будда, Конфуций, Ван Янмин, Хонэн, Синран, Нитирэн, Догэн, Хакуин, представляют собой аналог Ветхого Завета для Японии, а сами святые являются провозвестниками Христа — квинтэссенции добра, благодати и истины. Поэтому Каваи рекомендовал наряду с Библией изучать «Лунь юй» Конфуция, хотя и не вносил это сочинение в священный канон. Зато туда вошли труды самого Каваи под названиями «Семь великих клятв и молитв» («*Сити Дайсэйган*»), «Символ веры» («*Синдзё:*»), «Хвала Иисусу Христу» («*Иэсу Кирисуто сан*»), «Совершенная вера» («*Кандзэн-но синко:*»)¹³. Задачей каждого адепта движения являлось слиться духом с Сердцем Иисуса¹⁴, для чего недостаточно простой пассивной веры, но нужны еще постоянные медитации, изучение Библии, аскетические практики и специальные молитвы.

Для новообращенных были важны некие материальные объекты поклонения и медитации. В «Церкви Сердца Иисуса» с этой целью использовались изображения Христа, которые предписывалось всегда иметь с собой.

Нужно отметить, что структура Церкви и распорядок богослужений были довольно близки к принятым у протестантских миссионеров. Службы проходили по воскресеньям и включали в себя пение гимнов, чтение Библии, проповедь и молитву, однако в качестве дополнения члены движения распевали сочиненную Каваи «Хвалу Иисусу Христу», а в святилище у них стояла фотография самого основателя, обрамленная цветами. Таинства крещения и причастия соблюдались по западному образцу.

Одной из отличительных черт «Церкви Сердца Иисуса» было то, что ее членам разрешалось свободно участвовать в службах

других религий, в частности — буддийских поминальных церемониях и обрядах почтения павших в войнах, в том числе и тех, чьи души упокоились в святилище Ясукуни. Из-за последнего обстоятельства другие христианские организации вступили в конфликт с членами движения, и «Церковь Сердца Иисуса» была вынуждена выйти из Ассоциации христианских церквей, в которой она одно время состояла.

Таким образом, в этом течении ярко выражено эклектическое сочетание японских синто-буддийских воззрений с христианским учением и практикой.

4. «Церковь Духа Иисуса» (Иэсу-но Митама Кё:кай) Мураи Дзюна (1897–1970)

Создатель этого движения Мураи Дзюн стал проповедовать новую версию христианства, в которой основным моментом было так называемое «крещение Святым Духом», проводившееся во имя Иисуса Христа (а Святая Троица не признавалась). Важную роль в учении Мураи играло исцеление молитвой, помазание священным маслом, заочное крещение мертвых, обычай обмывания ног новообращенному после крещения, символизировавший начало новой, праведной жизни и отречение от всего греховного.

Значительное влияние на Мураи оказало движение пятидесятничества, с которым он познакомился во время своей поездки на Тайвань, где находилась так называемая «Истинная Церковь Иисуса». У пятидесятников им было заимствовано крещение Духом, изгнание злых духов, «говорение языками» (глоссолалия)¹⁵. Кроме того, Мураи заимствовал у адвентистов поклонение «дню субботнему».

В учении «Церкви Духа Иисуса» особенно сильны эсхатологические мотивы и ожидание Второго Пришествия Христа.

Мураи считал, что главными в христианском учении являются не отвлеченное теоретизирование и интеллектуальные измышления, а религиозный опыт, выражающийся в «говорении языками», чудесах исцеления, помазании маслом, «танцах в Духе». Поэтому, несмотря на то что в «Церкви Духа Иисуса» существовала Библейская школа для подготовки проповедников, здесь, в отличие от остальных христианских движений, не было никаких других учебных заведений для мирян. Члены Церкви должны были только верить и получать «крещение Святым Духом». Чтобы Дух

снизошел на адептов учения, они должны были до изнеможения повторять слово «Аллилуйя», входя в транс или исступление¹⁶.

В отличие от Утимуры, Мацумуры и Каваи, ориентировавшихся в основном на узкий круг интеллектуалов среднего класса, Мураи делал ставку на тех японцев, которые были тесно связаны с исконной народной религией. В его движении шаманские элементы, выдвигание на первый план мирских выгод (*гэнсэ рияку*) заменили необходимость самосовершенствования, на которую обращали свои усилия более ранние течения. В проповедях давались обещания достижения истинно верующими всевозможных духовных и материальных благ — например, удачи в бизнесе. В этом плане «Церковь Духа Иисуса» близка к «новым религиям».

Тем не менее важной чертой этого движения является его нетерпимость к традиционным японским верованиям и постоянная борьба с «идолопоклонством», подчас сопровождаемая публичным сжиганием синтоистских алтарей и других предметов нехристианских культов. Однако, несмотря на подобный радикализм, «Церковь Духа Иисуса» пользуется довольно большой популярностью по сравнению с другими местными христианскими движениями. Причиной этого является то, что, отрицая, казалось бы, «языческие» традиции, движение предлагает практически полный их аналог, но в христианской интерпретации. Синтоистское поклонение предкам заменяется заочным крещением мертвых, молитвами об их упокоении и склонении их к помощи живущим, умиротворении злых духов; взамен соответствующих синтоистских церемоний проводятся обряды «христианского очищения» и т. д.

«Церковь Духа Иисуса» имеет организационную структуру, проводящую четкое разделение между клиром и мирянами. Священник местной церкви решает все дела своего прихода без какого-либо участия паствы, которая во всем слушается руководителя. Должность священника часто передается по наследству, в результате чего возникают целые «руководящие семьи». Такая структура напоминает традиционную японскую систему *измото*.

Это течение отличается противоречивостью в отношении к традиционным японским верованиям: с одной стороны, его представители проводят акции нетерпимости по отношению к нехристианским религиям, в том числе, к буддизму и синтоизму;

с другой — не могут отойти от исконно японских элементов в доктринах своего учения.

5. «Святая Церковь Иисуса» (Сэй Иэсу Кай) Оцуки Такэдзи (р. 1906)

«Святая Церковь Иисуса», основанная Оцуки Такэдзи, так же, как и многие другие христианские движения, ставит своей целью возвращение к «апостольскому», первоначальному христианству, а также встречу с Христом в этой жизни¹⁷. Немалое внимание уделяется членами Церкви крещению Святым Духом, целительству и постоянному явлению Божественных откровений, продолжающемуся, по мнению Оцуки, и в наши дни.

Одним из наиболее действенных методов для встречи с Иисусом Оцуки считал произнесение имени Бога; так как в различные периоды истории человечества Бог проявлял себя под различными священными именами, изучение и произнесение их должно привести верующего к спасению. Эта практика, без сомнения, напрямую связана с традицией рецитации *нэмбуцу* — имени Будды Амида в амидаизме. Сам Оцуки не отрицал эту связь, считая, что подобная параллель с исконной японской культурой делает его учение более доступным.

Несмотря на стремление вернуться к раннему христианству, «Святая Церковь Христа» признает заслуги католической и православной церквей в деле развития христианской веры. Особенно привлекательными Оцуки представлялись различные символы и знаки, используемые в католической, а также иудаистской традициях. По его мнению, они помогают верующему создать вокруг себя соответствующую атмосферу для уединения и произнесения имени Бога, помогающую добиться встречи с ним. Поэтому в каждом храме рядом с кафедрой находится алтарь, где стоит семисвечник, лежит Библия и флакон со священным целительным маслом. Внутренняя часть храма и церковный сад обычно богато украшены статуями и изображениями, что создает определенный настрой у посетителя.

«Святая Церковь Иисуса» со всей серьезностью блюдет таинства крещения и причастия, причем перед крещением желающий должен пройти шестимесячный подготовительный курс. Также для желающих совершаются брачный обряд и обряд похорон.

Многие обряды, проводимые Церковью, представляют собой «христианизированные» аналоги традиционных японских цере-

моний, — благословение детей, достигших трех-, пяти- и семилетнего возраста, обряды по поводу достижения совершеннолетия, поминальные ритуалы для усопших родственников. Большое внимание уделяется профессиональной подготовке проповедников, которая напоминает монашеское послушание, причем основными достоинствами проходящих ее считаются нравственная чистота, нестяжательство и послушание.

Еще один аспект учения Оцуки связан с его миссией по восстановлению Израиля: члены Церкви молятся о спасении евреев, окончании конфликта вокруг Иерусалима и мирном воссоединении христиан с иудеями. «Святая Церковь Иисуса» играет в настоящее время значительную роль в поддержании дружеских японо-израильских отношений. В частности, на пожертвования последователей движения был построен японский музей Холокоста, учреждена бесплатная гостиница для евреев в Киото под названием «Бет Шалом» — «Дом Мира», а также проводится активный культурный обмен с иудейскими священнослужителями¹⁸.

Оцуки, отошедший от дел по управлению Церковью, но продолжающий быть ее духовным лидером, надеется на установление мира между христианством и иудаизмом, который приведет в результате ко всеобщему спасению.

6. «Изначальное Евангелие» (Гэнси Фукуин) Тэсими Икуро (1910–1973)

Движение «Изначальное Евангелие» появилось благодаря деятельности Тэсими Икуро, одного из последователей Утимуры Кандзо, и представляет собой версию «Нецерковного движения» с явными элементами пятидесятничества и очередную попытку вернуться к истокам христианства.

Общими чертами с «Нецерковным движением» являются организационная самостоятельность «Изначального Евангелия», его независимость от западных миссий в плане проповеди и финансов, а также особый акцент на чтение Библии. Однако Тэсима критиковал «нецерковников» за то, что в своих исследованиях Священного Писания они, достигнув интеллектуальных высот, потеряли смысл христианской веры. Поэтому он, как и Оцуки Такэдзи, пытался вернуться к раннему христианству, а именно к его иудейским корням.

Тэсима призывал к тому, чтобы читать Библию на иврите, пытаясь найти в ней истины, оставшиеся скрытыми для запад-

ных христиан. Он стал отсылать молодых священников на учебу в Израиль и проводил ежегодные паломничества к святым местам.

В учении, предложенном Тэсимой, был силен националистический элемент. Если другие местные христианские движения, в том числе и «Нецерковное движение», акцентировали значение конфуцианства с его кодексом *бусидо* и буддизма, основатель «Изначального Евангелия» предложил обратиться к исконному добуддийскому мировосприятию японцев, воплощением которого, по его мысли, были древние своды «Кодзики», «Нихонсёки» и поэтическая антология «Манъёсю». Идеальным правителем Тэсима считал императора Дзимму, который совершал свои походы, «ведомый Святым Духом».

Для того чтобы возродить утраченный в данное время исконный японский дух, Тэсима предлагал прибегать к древним духовным практикам, используемым горными аскетами *ямабуси*, — таким, как хождение по углям, ритуальное очищение в водах, включая стояние под водопадом и т. д. Он утверждал, что так как христианство является высшей религией из всех существующих, его адепты должны быть в состоянии продемонстрировать силу «живого» Бога, в том числе ходя по раскаленным углям.

Таким образом, учение «Изначальное Евангелие» представляет собой причудливую смесь из положений «Нецерковного движения», пятидесятничества с его упором на крещение Духом, исцеление болезней, «говорение языками», а также синтоизма и японского национализма, выражающегося, в частности, в чрезвычайно почтительном отношении к святилищу Ясукуни, что является камнем преткновения и объектом протеста для представителей большинства других христианских движений.

Согласно учениям большинства новообразованных христианских движений, истина не ограничивается тем стандартом «ортодоксии», который был определен западной теологией и первыми церковными Соборами. Протестантские миссионеры утверждали, что «истинная» вера должна основываться исключительно на Священном Писании, причем в интерпретации той деноминационной традиции, к которой принадлежал каждый конкретный проповедник. При этом другие возможные источники постижения истины отменялись как недостоверные.

В традиционном протестантском понимании Бог говорил с людьми через пророков, Иисуса и апостолов, и процесс передачи

божественного откровения завершился с канонизацией Ветхого и Нового Заветов. Последователи японских движений настаивали на том, что и в данное время Бог продолжает проявлять себя, раскрывая тем, кто открыт для общения со Святым Духом, более глубокие истины, еще не усвоенные западными христианами.

Мацумура Кайсэки и Каваи Синсуй, основатели движений «Путь» и «Церковь Сердца Иисуса», полагали, что откровения скрыты не только в пределах иудео-христианской традиции, но и в мудрости, идеалах, вдохновении других азиатских религий. Каваи Синсуй говорил, что «сознание Иисуса и дух Конфуция похожи по своей сути»¹⁹, и Конфуций является предшественником Христа. Часто значительную роль в этих движениях играют пророчества, видения, послания, полученные основателями от Бога.

Основной своей целью японские христианские движения объявляли возвращение к христианству первых веков. Тэсима Икуро, создатель группы «Изначальное Евангелие», заявлял, что настоящий христианин — не тот, кто подчиняется западному канону, а тот, кто «стремится встретиться со Светом и проходит крещение Святым Духом, дарящим крещенному новую жизнь»²⁰.

Однако довольно туманное выражение «крещение Святым Духом» понималось различными течениями по-разному. Для некоторых его основным проявлением был дар исцеления болезней; другие же, наряду с этим, включали в это понятие «говорение языками» (глоссоластию), изгнание демонов и т. д. Способы вызвать схождение Святого Духа разнятся, но среди наиболее часто используемых практик можно назвать постоянное повторение слова «Аллилуйя», как, например, в «Церкви Духа Иисуса», или проведение всенощных молитв для создания подходящего душевного настроения, как предлагал Тэсима.

Еще одной общей чертой японских христианских движений (за исключением, пожалуй, «Нецерковного движения»), является четко прослеживаемая взаимозависимость нашего мира и мира духов, а также особое внимание, уделяемое культу предков. Для многих адептов значение христианской веры состоит именно в том, чтобы продолжать и укреплять взаимодействие между этими мирами.

Действительно, культ предков и связь с усопшими являются ключевыми понятиями японских традиционных верований. Под предками изначально понимались основатели семей и хозяйств

и последующие их главы. Мир, в котором обитают души предков, оказывает непосредственное влияние на мир живущих, поэтому необходимо осуществлять определенные ритуалы, чтобы завоевать расположение и получить поддержку усопших. Если эти ритуалы не будут постоянно исполняться, то предки будут страдать и не смогут находиться в умиротворенном состоянии, причиняя беспокойство и вызывая несчастья в домах своих нерадивых потомков.

Без сомнения, стремительная урбанизация, начавшаяся в Японии вместе с периодом высоких темпов экономического роста, негативно сказалась на традиционных религиозных практиках, центром проведения которых были расширенные семьи в сельской местности. В то же время, в связи с перемещением населения в города, особую активность там стали проявлять «новые религии». Однако их успешное распространение было во многом вызвано тем, что хотя их основатели и заявляли о снизошедшем на них откровении и вводили в качестве объекта почитания новых богов, базировались эти движения на исконном почитании предков и акцентировании тесного взаимодействия с духами усопших. То есть «новые» религии фактически представляли собой возрождение, пусть в несколько модернизированном виде, японской народной религии²¹.

Христианские миссионеры, прибывшие в Японию, заняли твердую позицию по отношению к почитанию предков. Проповедуемое ими учение предполагало, что те, кто умер без веры в Христа, не имеет надежды на спасение. По протестантским представлениям, душа человека после смерти мгновенно отправляется либо в рай, либо в ад: о покойном поздно молиться, потому что в момент кончины его судьба уже решена на веки вечные. К тому же западное христианство, в основе которого лежало представление об индивидуальности или нукlearной семье, предлагало человеку личное спасение в отрыве от родственников и линии предков-нехристиан, оказываясь не в состоянии даровать утешение и надежду на спасение большой семье. Поэтому многие японцы считали христианство «антисемейной» религией и испытывали к нему неприязнь.

Основатели японских христианских движений в большинстве своем по-иному относились к почитанию предков и их роли в повседневной жизни потомков. Впрочем, некоторые движения

поддерживали точку зрения западных миссионеров в том, что от культа предков необходимо отказаться как от идолопоклонства. Адепты «Церкви Духа Иисуса», например, рассматривали буддийский алтарь, поминальные таблички и синтоистские амулеты как вместилища злых духов, а культ предков считали нарушением заповеди «не сотвори себе кумира». Они нередко принимали участие в сожжении поминальных табличек и других предметов нехристианского поклонения, однако нельзя сказать, что даже это движение полностью отрицало роль предков.

Что касается других японских христианских образований, то большая их часть была гораздо более терпима в этом вопросе. Их руководители полагали, что жесткая позиция миссионеров является неправильным пониманием сути христианской веры и ненужным препятствием к распространению христианства в стране.

В одном из пособий для новообращенных, выпущенном объединением «Святая Церковь Христа», о предках говорится следующее: «В соответствии со Священным Писанием, ортодоксальная христианская церковь учит нас, что мы должны уважать наших родителей и почитать предков, и именно поэтому мы совершаем поминальные службы и проводим праздники для умиротворения предков. Хотя мы заботимся об умерших и со всевозможным почтением относимся к предкам, мы не поклоняемся им. Как человеческие существа, мы должны поклоняться лишь единому истинному Богу, создателю неба и земли; хотя мы возносим Господу молитвы об упокоении мертвых, мы не поклоняемся им»²².

Движение «Изначальное Евангелие» высказывает похожую точку зрения: «Христианство часто неправильно истолковывают как религию, не выказывающую должной заботы и уважения по отношению к предкам. Одна из причин подобного превратного истолкования состоит в том, что иностранные миссионеры учили японцев, что им нужно избавиться от синтоистских и буддийских алтарей, представляющих собой не что иное, как объекты идолопоклонства»²³.

Таким образом, большинство японских христианских групп считает, что ритуальное почитание предков — это не поклонение, а всего лишь выражение благодарности и уважения по отношению к тем, перед кем живущие находятся в неоплатном долгу за свое собственное существование.

Общей практикой для японских движений являются прежде всего обряды, связанные с почитанием основателя того или иного направления, проводящиеся обычно в день его кончины. Последователи «Нецерковного движения» в ближайшее к 28 марта (дате смерти основателя Утимуры Кандзо) воскресенье проводят масштабные памятные семинары и банкеты. Похожие ритуалы, включая подготовительные очистительные практики и занятия по медитации, совершаются и представителями других движений в приближении годовщины смерти основателей или их ближайших учеников. Основатель «Святой Церкви Иисуса» Отец Оцуки, или «духовный отец» (*Рэйфусама*), еще жив, но поминальные ритуалы проводятся по его усопшей супруге, которую адепты называют «духовной матерью» (*Рэйбосама*), и считают советницей и наставницей женщин — членов движения.

Кроме того, во всех движениях периодически проводятся циклические и линейные ритуалы почитания усопших. Основным является ежегодная «Общая поминальная служба для упокоения душ» (*го:до:ирэйсай*), проводимая в период праздника *Бон* или на Пасху. «Церковь Сердца Иисуса» совершает службу 29 апреля, во время национального праздника в честь дня рождения императора Сёва, потому что этот день легко запомнить. После проведения соответствующих церемоний, последователи движения идут в церковь, чтобы отдать почести могиле основателя и склепу, где хранится прах усопших. Все завершается трапезой, совместными воспоминаниями и историями о тех, кого уже нет в этом мире.

В «Святой Церкви Иисуса» поминовения проводятся, как это предписано католикам, в День всех святых в ноябре, но также и в те дни, когда японцы чаще всего вспоминают об усопших — в период равноденствий (*хиган*) и в праздник *Бон*. Во время этих служб члены движения держат на коленях фотографии умерших, пока им не разрешат подойти к священному месту и положить их на специальный стол, после чего священник возносит особую молитву. После этого проходит поминальный ужин, символизирующий Тайную Вечерю, во время которого участники причащаются хлебом и вином, причем, по их представлениям, аналогичное духовное причащение проходит и среди усопших на небесах.

В большинстве движений также соблюдаются линейные поминальные обряды; они проводятся в храмах под руководством

священника в первую годовщину смерти, а потом в годовщины с символическими номерами, причем важные даты совпадают с традиционными буддийскими (особым образом отмечаются 3-я, 7-я, 13-я, 17-я, 23-я, 27-я и 33-я годовщины). Подобные даты рассматриваются в первую очередь как наиболее подходящие для проповедей, потому что даже те христиане, которые не посещают регулярно церковные службы, как правило, никогда не игнорируют поминальные ритуалы.

В «Нецерковном движении» поминальные обряды также проводятся довольно часто, хотя и не существует какого-то общего, устоявшегося варианта их исполнения. Иногда они проводятся на дому, иногда внутри той группы, к которой принадлежит человек. Если учесть антивоенную позицию «нецерковников», то неудивительно, что в большинстве их групп проводятся специальные поминальные службы в честь тех, кто пал во время войны, причем даты проведения чаще всего совпадают с праздником *Бон*, традиционным для японцев.

Некоторые движения не видят противоречия между христианской верой и почитанием предков, поэтому разрешают своим приверженцам держать дома буддийские алтари. Более того, они свободно могут участвовать в буддийских поминальных практиках наряду с теми членами семей, кто не обратился в христианство. Священники также нередко проводят службы перед открытым буддийским алтарем. В «Святой Церкви Иисуса» в домах адептов вместо буддийского алтаря находится христианский, перед которым совершаются аналогичные ритуалы. Поминальные таблички заменяются на маленькие деревянные крестики, на которых написаны «духовные имена» покойных, что, несомненно, является отголоском исконной буддийской традиции — наречения умершего «посмертным именем» (*каймё*). Таким образом, члены движения пытаются доказать своим родственникам и знакомым — нехристианам, что христианство уделяет значительное внимание почитанию усопших.

Лидеры японских христианских движений акцентировали внимание и на постоянном взаимодействии нашего мира и мира иного, а также на их взаимозависимости. Они считали, что молитва живущих может повлиять на судьбу душ усопших и спасти даже те из них, что принадлежали людям, не верившим в Христа. По мне-

нию основателей местных движений, право прощать грехи на земле было даровано еще Иисусом, о чем прямо написано в Библии, например в 18 главе Евангелия от Матфея, где Иисус говорит:

«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите вы на земле, то будет разрешено на небе... Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного; ибо где двое или трое собраны во имя мое, там Я посреди них».²⁴

Из этого отрывка можно заключить, что молясь о мертвых, можно искупить их грехи и способствовать обретению ими «жизни вечной».

Тэсима Икуро, основатель движения «Изначальное Евангелие», говорил о том, что духи не могут есть материальную пищу, но могут питаться Словом Божиим. Поэтому для того, чтобы направить их к Иисусу, необходимо читать им Библию. В отличие от западных миссионеров, Тэсима считал, что нет нужды избавляться от буддийского алтаря и поминальных табличек, а нужно, наоборот, читать молитвы перед открытым алтарем.

Одной из распространенных практик в японских христианских движениях является «крещение за мертвых», когда адепт принимает крещение за своих усопших родственников, заочно «приобщая» их к Иисусу, чтобы их души смогли обрести спасение, хотя при жизни они не были христианами. Часто такой обряд проводится в тех случаях, когда родственников усопших начинают мучить сны и видения «блуждающих духов» предков, не получивших упокоения. Подобные жалобы среди последователей этих движений довольно часты; в них можно усмотреть явную отсылку к исконным синтоистским представлениям о «блуждающих» неудовлетворенных духах, полных злобы по отношению ко всем людям, способных насыпать на живых несчастья до тех пор, пока не будут проведены соответствующие ритуалы умиротворения. После ритуала злобный дух превращается в благожелательного предка, готового охранять своих потомков. То же самое происходит, по мнению адептов, и в результате умиротворяющих действий христианского священника. Обряд заочного крещения часто совершается за мертворожденных детей и тех, кто не родился вследствие аборта (*мидзуко*). Особенно такие обряды распространены в «Церкви Духа Иисуса».

Умиротворение «блуждающих духов», способных принести вред человеку, проходит иногда в значительных масштабах. Например, Отец Оцуки, основатель «Святой Церкви Христа», побывал как-то в одном районе на Кюсю, где по преданию сотни японских католиков были замучены до смерти еще в XVII в. Жители тех мест жаловались на несчастья, насылаемые духами погибших христиан, поэтому Оцуки совершил особый обряд умиротворения душ мучеников и построил несколько небольших церквей в их честь.

Таким образом, в религиозных практиках японских христианских движений ясно прослеживается влияние традиционных синтоистских и буддийских представлений и ритуалов, а основные доктрины этих движений носят явный эклектический характер, сочетая порой противоречивые элементы разных учений.

Примечания

1. *Nishiyama Shigeru*. Indigenization and Transformation of Christianity in a Japanese Rural Community // *Japanese Journal of Religious Studies*. 1985. P. 19.
2. Грань между местными христианскими движениями и «новыми религиями» подчас довольно тонка, что, в частности, демонстрирует пример движения «Путь» Мацумуры Кайсэки, которое, образовавшись как христианское течение, в скором времени перешло в разряд «новых религий», а после войны перекалифицировалось обратно в христианство.
3. *Mullins M. R.* Christianity Made in Japan. Honolulu, 1998. P. 34.
4. *Ibid.* P. 37.
5. *Nakamura Hajime*. The Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan. Honolulu, 1964. P. 454.
6. Цит. по: *Mullins M. R.* *Op. cit.* P. 62.
7. *Григорьева Т. П.* Движение красоты. М., 2005. С. 368.
8. Тем не менее в последнее время стали появляться учебные заведения, в которых проводится инструктаж местных лидеров групп, потому что если раньше идейная цельность движения поддерживалась за счет личных качеств и авторитета Утимуры и его ближайших последователей, то сейчас, после их смерти, появилась опасность распада групп без специальных мер по идейному воспитанию членов.
9. Однако необходимо отметить, что глубинной основой учения является все же синтоистское стремление к синкретическому сочетанию различных элементов окружающего мира и гармоничному их восприятию.
10. *Mullins M. R.* *Op. cit.* P. 77.
11. *Ibid.* 11. P. 51.

12. Ibid. 11. P. 81.

13. Ibid. P. 51.

14. В само название движения входит слово *син* или *когоро*, которое здесь переводится как «сердце», но в японском языке оно имеет гораздо больше нюансов значения и чаще всего определяется как «мыслящее сердце — чувствующий разум», объединяя рациональную и интуитивную составляющие.

15. Глоссолалия является одной из самых характерных черт движения пятидесятничества и представляет собой повторение описанного в Деяниях святых апостолов «чуда языков», случившегося в день Пятидесятницы (Троицы). Глоссолалия считается проявлением схождения на адептов Святого Духа, позволяющего им «говорить» на различных языках, как это произошло с апостолами. Она проявляется в истерических припадках, катаниях по полу, выкрикивании бессвязных звуков и непонятных слов. Нужно отметить, что «говорение языками» известно еще с древности как атрибут многих экстатических языческих (шаманских) культов.

16. Религиозный транс и исступление не являются новыми для японской культуры — эта практика явно перекликается с шаманскими практиками раннего синтоизма, рецитацией имени Будды в амидаизме (*нэмбуцу*), а также с повторением мантр в эзотерическом буддизме.

17. Практика «обретения просветления в этой жизни» восходит еще к IX в., когда в Японии были основаны буддийские школы Тэндай и Сингон.

18. Представления об особой связи японского народа с еврейским не являются новыми для японской религиозно-философской мысли: еще в XVIII в. известный японский мыслитель Хирата Ацутанэ высказывал мысль об общих корнях евреев и японцев, считая японцев потерянными «девятью коленами Израилевыми».

19. Mullins M. R. Op. cit. P. 50.

20. Цит. по: Mullins M. R. Op. cit. P. 52.

21. Mullins M. R. Op. cit. P. 132.

22. Цит. по: Mullins M. R. Op. cit. P. 139.

23. Ibid.

24. Толковая Библия. Стокгольм. Т. 3. 1987. С. 297.

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ ЯПОНИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМАЦИИ МЭЙДЗИ*

Углубление социально-экономического кризиса на фоне усиливавшейся колониальной экспансии западных держав определили основные черты развития Китая и Японии в XIX столетии. Обширный Китай с его многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, а также находящаяся в географической близости Япония давно привлекали внимание европейцев. Англия, опередив другие страны Европы в экономическом развитии, постепенно оттеснила конкурентов на рынках Востока. Британская Ост-Индская компания, пользовавшаяся до 1834 г. правом монопольной торговли в Китае, стала основным партнером китайских купцов.

Япония, закрыв в первой половине XVII столетия свои двери перед европейцами¹, существенно сократила внешнюю торговлю и связи с зарубежным миром. Однако ограниченные контакты с Китаем, Голландией, Кореей, Рюкю² были сохранены. Торговля с Кореей и Рюкю осуществлялась через княжества Цусима и Сацума; китайским и голландским купцам разрешалось вести торговлю исключительно в порту Нагасаки. При этом количество прибывающих судов и величина товарообмена были строго ограничены. Отражая специфику внутривосточной борьбы, самоизоляция, тем не менее, оставляла ограниченный доступ в Японию сведениям о технических достижениях европейской науки в области медицины, анатомии, физиологии, астрономии, физики, географии.

* Данная работа является исправленной и дополненной версией статьи, опубликованной в сборнике материалов конференции «Общество и государство в Китае»: Вradий С. Ю. Предупреждение, ниспосланное Японии в сочинениях китайских авторов в канун реформации Мэйдзи // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: т. 2 / Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2012. — 385 с. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6 / редколл. Кобзев А. И. (пред.) и др.). — Стр. 233–240.

Установившая в 1644 г. в Китае свою власть династия Цин проводила подобную японской политику изоляции страны. К 1757 г. маньчжурское правительство закрыло прежде действовавшие таможи в провинциях Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу, запретив иностранную торговлю вдоль китайского побережья. Торговлю с иностранцами разрешалось вести в единственном порту Китая — Гуанчжоу, при этом была установлена система, в соответствии с которой иностранцы могли торговать только через ограниченное число китайских посредников, объединенных в гильдию «Гунхан» («Кохонг»), под контролем императорского уполномоченного. Иностранным купцам было запрещено ввозить многие виды товаров, оружие, а также оставаться на длительное время в Китае. Из страны нельзя было вывозить продукты питания, металлы, селитру, географические карты, прочие предметы и товары. Правительство строго следило за тем, чтобы китайцы не строили судов для дальних плаваний, не покидали страну.

Политика самоизоляции, проводимая китайским и японским правительствами, являлась своеобразной формой защиты государственного суверенитета. Она определялась стремлением оградить страну от любого внешнего влияния, исключить всякую возможность покушения на правящий режим, не позволять и подавлять проявления внутреннего недовольства, которые зачастую сопровождалась угрозой внешнего нашествия.

Маньчжурские правители, усвоившие многие черты китайской дипломатической теории и практики, и состоявшие у них на службе чиновники-ханьцы придерживались традиционной догмы о предопределенном превосходстве Поднебесной империи над всеми остальными «варварскими» народами. Проявляя невежество в вопросах внешней политики, цинские сановники ничего не хотели знать об окружающем мире, с презрением относились ко всему иностранному³.

Вплоть до XIX столетия правительства Японии и Китая были в состоянии поддерживать политику самоизоляции. Самодостаточное натуральное хозяйство создавало для этого основу. Классическим примером является письмо, написанное в 1792 г. императором Цяньлуном в адрес английского короля Георга III: «Наша Небесная Империя производит продукты в изобилии, у нас есть все, чего можно пожелать, и никогда мы не полагались

на товары заморских варваров для удовлетворения своих потребностей»⁴.

В результате надолго были заморожены научные, культурные связи с внешним миром, что отрицательно сказалось на развитии государств. К началу XIX в. резко сократился объем внешней торговли, затормозилось развитие многих отраслей кустарной промышленности, работавшей на экспорт. Иностранная торговля традиционно составляла малую долю в экономике Китая и Японии. Ввоз серебра, меди в обмен на экспортируемые товары способствовал росту в Китае ремесленного хлопчатобумажного производства, однако технологического совершенствования при этом отмечено не было. В первой половине XIX столетия с увеличением ввоза опиума серебро стало постепенно покидать страну, казна опустошалась⁵, росла безработица, что привело к замедлению темпов развития экономики, созданию питательной среды для формирования армии недовольных, готовых откликнуться на любой призыв к неповиновению и влиться в ряды повстанцев. В Китае нередко вспыхивали восстания, вызванные произволом и коррупцией маньчжуро-китайского чиновничьего аппарата, усилением национального гнета, политикой дискриминации коренного населения.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Японии в период сёгуната Токугава (1603–1867 гг.), когда крестьяне, недовольные увеличением налогового бремени, поднимались против существующих порядков⁶. Необходимость подавления постоянных выступлений не только опустошала казну, но и вызывала рост недоверия к сёгунату Токугава в Японии и маньчжурской династии в Китае. Увеличение мобилизуемых средств, не приводившее в конечном итоге к заметным положительным результатам, подрывало престиж правящей верхушки, вызывало неуверенность в военном могуществе, способности противостоять трудностям, постигшим страну. Общими характерными признаками кризиса были расшатывание феодальной сословной структуры, рост местного сепаратизма, замедление развития экономики.

Наиболее заинтересованными в открытии Японии к XIX столетию оказались американцы, суда китобойного промысла которых бороздили воды Тихого океана неподалеку от островов, а клиперы, направлявшиеся в Гуанчжоу с торговыми целями, миновали япон-

ский архипелаг. Порты Японии были привлекательны для Америки как перевалочные пункты в торговле с Китаем, для пополнения запасов воды и угля. Кроме того, Япония имела стратегическую значимость в условиях активного освоения Дальнего Востока.

Западные страны к тому же были заинтересованы в том, чтобы с их гражданами, потерпевшими кораблекрушение у берегов Японии, обращались подобающим образом, предоставляя кров и пищу. Японские законы, между тем, грозили смертной казнью пришельцам вне зависимости от причин, по которым они оказывались на островах. И хотя дело обычно не доходило до суровых мер, однако спасшиеся участники кораблекрушений по возвращении на родину рассказывали устрашающие истории о том, какие трудности им пришлось претерпеть, прежде чем покинуть Японию.

К XIX столетию Китай своей обширной территорией, а также существенным перевесом населения оказался более привлекателен для Англии как объект колониальной экспансии, нежели Япония.

Первая «опиумная» война завершилась подписанием в 1842 г. неравноправного англо-китайского Нанкинского договора. В 1854 г. Америка угрозой применения силы заставила Японию подписать Канагавский договор, открывший страну для иностранного проникновения. Так, под воздействием внешнего фактора Китай и Япония вышли из состояния изоляции, однако оказались под гнетом неравноправных договоров, ограничивших их суверенные права и предоставивших западным державам односторонние торгово-финансовые и юридические привилегии.

Процесс разрушения политической и экономической системы маньчжурского владычества и сёгуната Токугава принял лавинообразный характер. При этом вырисовывались два варианта возможного выхода из кризисной ситуации — проведение быстрых, коренных преобразований и вывод общества на тот же, что и у Запада, уровень социально-экономического развития или насильственное включение в систему мирового капиталистического хозяйства на зависимом положении полуколонии. Япония в результате начала стремительное движение навстречу радикальным переменам, завоевав в конечном итоге независимое место в системе мирового капитализма, а Китай все более превращался в полуколонию иностранных держав.

Между тем, Китай успел сыграть определенную роль накануне и в начальный период реформации Мэйдзи, демонстрируя на своем примере отрицательную альтернативу возможному будущему Японии, а также знакомя с сочинениями прогрессивных мыслителей 40–60-х годов XIX в., в которых описывались заморские государства и их научные достижения.

Долгое время правители Поднебесной, пренебрежительно оценивая Западные страны как варварские, имели при этом слабое представление о далеких заморских государствах. Император Даогуан (1820–1851) спрашивал приближенных об Англии и России: «Все же, какова примерная величина этих государств? Сколько стран находится в подчинении? А сколько государств превосходят по мощи (Англию) и не подчиняются ей? Можно ли от рубежей мусульманских стран достичь по суше Инцзили (Англию)? А раньше были контакты? А Россия действительно граничит (с нами)? Ведется ли торговля?»⁷

В условиях роста внутренних антиправительственных выступлений, усиления проникновения со стороны иностранных держав некоторые представители ученого сословия, государственные сановники попытались предложить варианты решения сложных проблем. Озабоченность по поводу безопасности Китая и собственного благополучия стала проявляться среди служилой интеллигенции в конце правления императора Цзяцина (1796–1820) и в начале эры его сына Даогуана⁸. В это время некоторые представители интеллигенции обратили внимание на знания, имеющие отношение к политическому управлению страной и ее экономическому развитию, стали меньше интересоваться классическими произведениями конфуцианской схоластики⁹.

С критикой несостоятельности и порочности философских построений сунской школы, против схоластики, «учености», не имеющей практического значения, выступили представители «школы современных текстов» *цзиньвэнь*, в число последователей которой историки включают Линь Цзэсюя, Гун Цзычжэня, Вэй Юаня, ратовавших за необходимость практического применения учения Конфуция в современной политике и экономике.

Наибольшее внимание обращалось на географические знания и исторические произведения. При этом классические тексты уходили на второй план, уступая место практической теории *цзинь-*

вэнь. Отвергалось мнение об отстраненности ученого сословия от политических вопросов, что было характерным для периода правления императора Канси (1662–1723). Возросло влияние знаний, имеющих прикладное значение: ученые выходили из-под влияния теории «учености ради учености» (*вэй сюэвэнь эр сюэвэнь*), пропагандируя значение прикладных знаний (*цзинши чжи юн чжи сюэ*).

Выдающийся государственный сановник, ученый Линь Цзэсюй (1785–1850) одним из первых обратился за знаниями к Западу. Этому в определенной степени способствовало его назначение в 1839 г. императорским особо уполномоченным эмиссаром в южные провинции страны, где более всего процветала торговля опиумом, который ввозили на своих судах иностранцы. Понимая, что противнику невозможно противостоять, не зная его, он стал собирать все доступные сведения о внешнем мире. Постепенное расширение горизонтов познания привело его к необходимости учиться у «варваров», перенимать достижения западной науки. Для того, чтобы оказать достойное сопротивление Западу, Китай, по мнению Линь Цзэсюя, должен был укрепить государственные основы заимствованиями достижений западной науки — заимствованиями быстрыми, не терпящими отлагательств, и этому он в немалой степени способствовал своей практической деятельностью в Гуанчжоу.

Не менее существенным является вклад Линь Цзэсюя в развитие общественно-политической мысли страны, — создание системы взглядов, представлений о жизненной необходимости использования достижений западной науки. Основные положения теории, впоследствии получившей название доктрины усвоения «заморских дел», можно обнаружить в его сочинениях «Описание четырех материков»¹⁰, «Иностранцы о Китае»¹¹, «Основные сведения о Российском государстве»¹² и пр. Они были основаны на оригинальных западных источниках, переведенных в свое время по его указанию. Главные усилия Линя, подчиненные общей цели — противостоять внешней экспансии, определялись следующей программой: 1) создание эффективной артиллерии, 2) строительство мощного морского флота, 3) обучение войск.

Здесь заметен прагматический подход, который позднее, в 60–90-е годы XIX в. столь отчетливо проявился в деятельности сторонников политики «самоусиления» в Китае. При этом дальней-

шее изучение жизни и деятельности Линь Цзэсюя дает свидетельство значительно более широкого спектра его интересов, которые в ходе развития англо-китайских отношений в 30–40-е годы XIX в. были ограничены названной триединой задачей. Анализ оставленного Линь Цзэсюем духовного наследия в виде отдельных сочинений, докладов, официальной переписки и пр. показывает, что еще до «опиумной» войны Линь предлагал конкретные меры по изменению существовавшей финансово-экономической и налоговой системы, усовершенствованию отдельных элементов сельскохозяйственного производства и т. д. Да и переводческие усилия Линя не ограничивались лишь «оборонной стороной» использования достижений западной науки. Его интересовали право, медицина, культура, общественный строй стран Запада, что в той или иной мере нашло отражение в его сочинениях. Собранные в период пребывания в Гуанчжоу материалы, наравне со многими своими сочинениями, Линь Цзэсюй передал при встрече Вэй Юаню (1794–1856), который использовал их при составлении одного из выдающихся своих произведений «Описание заморских стран [с приложением] карт»¹³. По общепринятому в литературе мнению, Вэй Юань является создателем доктрины усвоения «заморских дел»¹⁴.

Ныне известно три издания «Описания» Вэй Юаня. Первое, содержащее 50 цзюаней, было опубликовано в 1844 г. В нем присутствуют 23 географические карты, 8 страниц с чертежами иностранных судов, орудий. Во второе издание (1847 г., 60 цз.) Вэй Юань добавил несколько разделов, посвященных западному вооружению. В третьем издании (1852, 100 цз.) количество карт было увеличено до 75, стало больше разделов, посвященных западному вооружению (всего 42 страницы текста), обобщен опыт «опиумной войны», описывается тактика обороны морских границ, научно-технические достижения стран Запада. Сочинение Вэй Юаня «Описание заморских стран [с приложением] карт» по праву считается для своего времени самой полной по содержанию энциклопедией мировых знаний и правил ведения морской обороны. Вэй Юаню также принадлежит сочинение «Записи о военных походах священной династии» (1844 г., 14 цз.)¹⁵, где содержится подробное описание событий первой «опиумной войны».

Благодаря практической деятельности Линь Цзэсюя, его переводческой активности, усилиям государственного сановника, уче-

ного Сюй Цзюя (1795–1873) и Вэй Юаня в Китае получила развитие тенденция объективной оценки внешнего мира. Несмотря на то, что в сочинениях названных авторов наиболее заметна прикладная, практическая цель — усилить военную мощь до уровня, необходимого для отпора внешней угрозе, — объективно были сделаны первые шаги по пути к переосмыслению места Китая в мире. Помимо того, что были созданы первые серьезные географические сочинения, в которых было представлено глобальное видение окружающего мира, произведения Линь Цзэсюя, Вэй Юаня и Сюй Цзюя стали первыми попытками современного осмысления мира, которые объективно опровергали вырождавшуюся конфуцианскую космографию. И поскольку это видение мира вступало в противоречие с конфуцианскими представлениями, сочинения названных авторов не сразу получили признание в Китае. Так было с работой Вэй Юаня; аналогичная судьба постигла сочинение Сюй Цзюя «Очерк всемирной географии»¹⁶, а сам автор подвергся нападкам со стороны консерваторов, был уволен с поста губернатора¹⁷. Только по прошествии определенного времени, когда идея о необходимости обратиться к Западу за знаниями овладела умами значительного числа высоких цинских сановников, была подхвачена и развита передовыми мыслителями Японии, Кореи, сочинения Линь Цзэсюя, Вэй Юаня и Сюй Цзюя были вновь опубликованы и получили признание в Китае.

Попытки описания внешнего мира, предпринятые в 40-е годы XIX в., еще не выходили за рамки древнекитайских представлений о методах преодоления внешней опасности, — а именно, что «единственный способ остановить нападение — это... “устройство” собственного государства»¹⁸. В определении методов «устройства» государства в новых для Китая условиях и проходил водораздел между сторонниками консервации всего старого, традиционно, продолжавшими настаивать на проведении косной политики «самоизоляции», и теми, кто предлагал учиться у передовых стран Запада, заимствуя достижения науки для собственного «усиления».

Произведения о зарубежных странах не были новы в китайской историографии. Новаторство названных авторов сочинений состоит в привлечении материалов европейских авторов, повествующих о западных реалиях — поистине революционный факт для

китайского традиционного общества, воспитанного на конфуцианском представлении о «варварском» окружающем мире. И хотя цель использования достижений западной науки и техники была обозначена Вэй Юанем достаточно ясно — «править варварами»¹⁹, тем не менее, концепция «усвоения заморских дел» существенно повлияла на последующее развитие стран Востока, в том числе Японии и Кореи.

В Японии знали о поражении, которое потерпел Китай, еще недавно могущественный сосед, у которого островное государство заимствовало немалое наследие материальной и духовной культуры. Несмотря на строгую изоляционистскую политику, проводимую сёгуном Токугава, китайским и голландским купцам было дозволено прибывать в порт Нагасаки. Одним из неперемных условий было регулярно докладывать о происходивших за рубежом событиях *бугё* — высшему государственному представителю сёгуната²⁰. На основании собранной информации создавались «книги новостей» (букв. «книги слухов, разносимых ветром»). О событиях в Китае повествовали «Книга новостей из Китая», «Изустное собрание новостей от китайских купцов», «Новости, полученные от китайских торговцев», «Сборник новостей, полученных от китайцев» и «Собрание новостей из Китая».

Рассказы голландских купцов комплектовались в «Голландскую книгу новостей». Кроме того, готовились переводы материалов из иностранных газет, письменных документов, которые формировались в «Специальную книгу новостей».

Первые сообщения об «опиумной войне» в Китае появились в так называемых опиумных книгах новостей. Самое раннее известие об этих событиях в Китае датируется в них 1839 годом; здесь говорилось об императорском запрете англичанам вести контрабандную торговлю опиумом в провинции Гуандун²¹. В июле 1840 г. на основании расспросов капитана китайского судна была составлена «Опиумная книга новостей», в которой сообщалось, что англичане ввозят в страну и продают опиум, «поэтому император отправил Линь Цзэсюя в Гуандун прекратить опиумоторговлю. «Линь Цзэсюй приказал иностранным опиумоторговцам в трехдневный срок сдать имеющийся опиум. Для покрытия расходов предлагались ремень и чай. Тем, кто отказывался сдать товар, грозила смертная казнь. В результате английские купцы

сдали 20 036 ящиков опиума. В сентябре 1839 г. (19-й год правления Даогуан) между английскими и китайскими боевыми судами произошло сражение. Бывшие в Гуандуне иностранные купцы один за другим вернулись на родину»²². В целом приведенные сведения соответствуют действительности. Правда, с английской стороны в столкновении у полуострова Цзюлун в 1839 г. участвовали не боевые суда, а торговые, на которых были установлены пушки, а с китайской стороны выступали боевые суда провинции Гуандун²³. Приблизительно точно указано количество собранного опиума²⁴.

Об интересе, проявленном японской стороной в отношении событий в Китае, свидетельствует перечень вопросов, которые были заданы китайскому купцу, прибывшему в августе 1840 г. в Нагасаки. Они были отражены в очередной «Опиумной книге новостей». Речь шла о знаменитом докладе 1838 г. чиновника Церемониального приказа Хуан Цзюэцзы (1793–1853) императору с предложением строго запретить курение опиума и опиумоторговлю. Кроме того, японский чиновник задавал конкретные вопросы о расстоянии от Гуанчжоу до Макао, о названии 13 стран, торговавших в Гуанчжоу²⁵, об имени императорского особо уполномоченного эmissара, о весе одного ящика опиума, о расстоянии от Гуанчжоу до городов, расположенных на морском побережье страны и проч.²⁶

В декабре 1840 г. на основании расспросов капитанов нескольких китайских торговых судов была составлена очередная «Книга новостей». Капитаны рассказали о битве, которая состоялась при Чжоушаньском архипелаге, когда китайские войска были разбиты, а главный город Динхай захвачен англичанами. Описывались боевые действия, в ходе которых китайцами были оставлены города Нинбо, Чжапу. Поскольку китайские суда отправлялись в Японию преимущественно из Чжапу провинции Чжэцзян, приводимые сведения были подробными, конкретными, соответствовали действительности.

В январе 1842 г. из сведений, полученных от капитана китайского судна стало известно: чтобы противостоять англичанам, в провинции Гуандун и на Тайване собираются отлить более 600 пушек. На основании этого сообщения было сделано предположение, что количество меди, закупаемое Китаем у Японии, может возрасти²⁷.

В декабре 1842 г. китайский капитан сообщил японцам о завершающей стадии военных действий, когда англичане подошли к Шанхаю, поднялись по Янцзы, а также о том, что императорские эmissары Ци Ин и Илибу обратились с просьбой о мире, который и был подписан в Нанкине.

В это же время капитан Чжоу Айтин предоставил чиновникам порта Нагасаки подробный доклад о ходе «опиумной войны», на основании которого был подготовлен «Перечень событий о вторжении Англии (в Китай)». В приложении было приведено содержание подписанного в 1842 г. англо-китайского Нанкинского договора.

Сформированные на основании собранных материалов голландские и китайские «книги новостей» из канцелярии *бугё* направлялись в архивохранилища Токугава. В Японии они относились к разряду полузакранных, доступ к которым имел ограниченный круг людей. Тем не менее имевшие доступ некоторые высшие чиновники, конфуциански образованные ученые, правительственные переводчики знакомили с содержанием материалов интеллигенцию Японии. Так, к примеру, поступал ученый-конфуцианец Сионоя Тоин²⁸ (1809–1867), который, пользуясь своим служебным положением советника при *родзю*²⁹ Мидзуно Тадакуни³⁰, скопировал многие сборники новостей по опиумной проблеме.

Другим немаловажным источником сведений о событиях «опиумной войны» были привозимые в Японию китайские книги. Они пользовались спросом и являлись предметом импорта, конкурируя иногда даже с китайским шелком. В 1846 г. стал известен «Сборник арий Чжапу», вышедший ксилографическим изданием. В нем были собраны стихотворные произведения, написанные литературно образованными жителями провинции Чжэцзян. Основным содержанием стихов было прославление памяти погибших при обороне китайского города-порта Чжапу — отправного пункта для торговых судов, следовавших в Японию. Богатые подлинными материалами, эти книги стали для японцев источником информации, на основании которой ими были написаны многочисленные сочинения об «опиумной войне» в Китае.

В 1843 г. японский ученый-конфуцианец Сайто Чикудо (1815–1852) опубликовал краткую историю «опиумной войны», хронологическое описание которой он составил, работая в официальной

академии сегуната Токугава Сёхэйко в Эдо, центре ученой конфуцианской мысли Японии.

Написанное в 1847 г. на основании накопленных материалов сочинение Сионоя Тоина под названием «Слухи об Афужун» (7 цз.)³¹, вызвало большой интерес в японском обществе: оно считалось самым полным собранием сведений об опиумной проблеме в Китае. В 1859 г. Тоин опубликовал другое свое сочинение — «Дискуссии ни о чем» («Каккарон»), посвященное преимущественно описанию событий, имевших место в Китае и наполненное чувством бессильного гнева по отношению к культуре и правилам морали стран Запада³². Большое внимание в сочинении было уделено опиумному вопросу и критике маньчжурского правительства. Исследователи полагают, что таким образом, в завуалированной форме, Тоин критиковал беспомощную политику сегуната по отношению к странам Запада³³.

Также в Японии получил распространение ксилограф «Записи о виденном и услышанном относительно нарушения границ варварами-разбойниками» (1857 г., 6 цз.), опубликованный школой Мэйриндо³⁴. В нем были собраны материалы, содержавшие многочисленные сведения об «опиумной войне», как-то: доклады императору, прошения руководству, содержание переговоров с англичанами и прочие оригинальные документы. Первый раздел начинается описанием захвата англичанами Динхая в июле 1840 г., упоминаются прокламации и ультиматум, предъявленные защитникам города. Здесь же приведено содержание подписанного с англичанами Нанкинского договора, а также прошения маньчжурских военачальников И Шаня и И Цзина императору.

Китайская поговорка гласит: «Если опрокинулся передний экипаж, это предупреждение следующему», — это означает, что на горьком опыте предшественника необходимо учиться. Китай и Япония одновременно испытали мощное воздействие Запада, пытавшегося силой оружия заставить принять новый порядок ведения экономических и международных отношений. В результате «опиумных войн» Китай оказался перед угрозой частичной потери самостоятельности, превращения в полуколонию западных держав. Подобная перспектива неумолимо вставала и перед Японией, столкнувшейся с аналогичной внешней угрозой.

Поражение Китая в «опиумных» войнах воспринимались в Японии как печальный пример, своего рода предупреждение,

ниспосланное Небом, уроки которого следует внимательно изучить и извлечь подобающие выводы. Многие правительственные сановники, ученые, представители знати, военного сословия советовали учесть негативные для Китая результаты для укрепления обороны Японии.

Один из высших чинов правительства Кацу Кайсю³⁵, который в первые годы Мэйдзи возглавил военно-морской флот, написал сочинение «Истоки открытия страны» (Кайкоку Кигэн). В нем он собрал документальные материалы, повествующие о событиях завершающего периода Токугава и начала реформ Мэйдзи, в том числе касающиеся «опиумных войн» в Китае. При этом Кацу Кайсю особенно отмечал взаимосвязь событий, имевших место в Китае, с Японией. Он писал: «События, происходящие в соседнем государстве — это также урок для нашей страны. Европа своей мощью вторглась в страны Восточных морей, занимается бессовестной наживой [букв. «обдирает кору с деревьев в лесу»]... Поскольку связь [с этими событиями] действительно велика, поэтому и были собраны материалы»³⁶.

«Книга перемен» (Ицзин) приводит древнюю китайскую мудрость: «Ступая по инею, думать о грядущих морозах»³⁷. Ее неоднократно приводили в XIX столетии, предупреждая о том, что «опиумная война» в Китае может принести большие беды Японии, поэтому необходимо заблаговременно принять предупредительные меры. К данному сравнению прибегал, в частности, Сионоя Тоин в своем произведении «Дискуссии ни о чем». Он считал, что истоки возникших опиумных проблем восходят ко временам правления династии Мин, когда иностранцам неосмотрительно было дозволено поселиться в Макао, что впоследствии принесло многие беды Китаю³⁸.

Поражение Китая в «опиумной войне» заставило многих представителей закрытого японского общества ощутить непосредственную угрозу иностранного вторжения, которое не замедлило приблизиться к рубежам страны, и задуматься о его причинах. Сразу после того, как известия о событиях «опиумной войны» достигли Японии, глава старших государственных советников (*бакуфу родзю*) Мидзуно Тадакуни писал: «Хотя [опиумная война] — это дело другой страны, однако оно в полной мере является предупреждением для нас»³⁹.

Сакума Сёдзан (1811–1864), идеолог реформаторского движения в Японии, критикуя консерваторов, отказывавшихся перенимать передовые достижения научной мысли стран Запада, писал: «Наука стран Западных морей искусна, [вот почему эти] государства могучие и процветающие... не здесь ли кроется причина того, что они грабят государство Чжоугуна и Конфуция?»⁴⁰. Между тем, конфуцианские схоласты, как в Китае, так и в Японии, занимались чистой наукой, написанием сочинений в стиле *багу*, которые не имели никакого практического применения, оторвались от действительности, не смогли оказать реальной помощи государству. По словам того же Сёдзана, «хотя исследования ученых-конфуцианцев рафинированно изысканны, однако в конечном итоге они оказались пустой болтовней, изложенной на бумаге, не имеющей какого-либо практического применения»⁴¹.

Анализируя причины, приведшие Китай к поражению, японцы отмечали коррумпированность политической системы, отсталость вооружения цинской армии, слабую воинскую выучку солдат. Такасима Сюхан⁴² писал высшему правительственному чиновнику Нагасаки о том, что Англия — маленькая страна, однако осмелилась напасть и даже нанесла поражение могучему некогда Китаю. Основной причиной поражения Китая, считал Такасима, является отсталость вооружения, особенно артиллерийского. Исходя из этого он предлагал активно изучать артиллерийское военное искусство стран Запада, организовать обучение новой западной военной технике.

Такасима Сюхан ранее других воспринял уроки, преподнесенные Китаю «опиумной войной». Еще осенью 1840 г. он через *бугё* Нагасаки передал в правительство материалы, где излагал свои соображения по поводу того, как, усовершенствовав артиллерийское боевое искусство, укрепить оборону страны. Он настаивал на том, что «овладение искусством варваров, проведение против них оборонительных мер является насущной задачей»⁴³.

Точка зрения Такасима Сюхана вызвала ожесточенные споры среди правившего сословия. Представитель консервативного направления Тории Ёзо⁴⁴ выступил с критикой, полагая, что поражение Китая в «опиумной войне» «вовсе не обязательно было вызвано исключительно особенностями артиллерийских орудий». Опасение, по его мнению, вызывало то, что использование ино-

земных пушек для обороны, привлечение достижений западной технологии потребует приспособления к иноземной культуре, которая явилась источником научных идей, что в конечном итоге может привести к коренным изменениям в традиционных нравах и обычаях. В поддержку Такасима Сюхана выступил сторонник проведения реформ Эгава Хидэтацу⁴⁵. Он считал, что имеющиеся на вооружении Японии и Китая винтовки, привезенные с Запада и произведенные там, уже не в диковинку. «Причины военного поражения Китая, — настаивал он, — кроются в пустых, бесполезных разговорах»⁴⁶.

Сионоя Тоин, обращаясь к опыту соседей, отмечал: нельзя сказать, что в Китае нет храбрых воинов или отсутствуют опытные военачальники; причина поражения кроется в коррумпированности цинского правительства.

Еще в 1842 г., когда был подписан неравноправный англо-китайский договор, Сакума Сёдзан написал получившее известность произведение «Восемь стратегических планов морской обороны» («*Кайбо Хассаку*»), в котором не без оснований предполагал, что после того, как англичане закончат боевые действия в Китае, они могут напасть на Японию и заставить ее подписать аналогичный Нанкинскому унижительный договор: «Когда англичане закончат свои дела в Китае, они захотят послать военные корабли в Нагасаки или даже в Эдо»⁴⁷. Чтобы противостоять врагу, по мнению Сакума, необходимо отлить современные пушки, построить боевые корабли, укрепить военно-морской флот. «Основой морской обороны, — утверждал Сакума, — являются орудия и суда, причем орудия — это более важно»⁴⁸. Подводя итог, он писал о необходимости перенимать военную технику Запада, организовать обучение армии⁴⁹.

Дальновидные представители японской служилой и ученой интеллигенции извлекли уроки из негативного опыта поражения Китая, предлагали учиться у Запада, укреплять оборону, реформировать внутреннюю политику.

Опыт «опиумных войн» в Китае стал предметом для изучения методов взаимодействия с иностранными государствами. Не менее важным было то, что он показал перспективу открытия государства внешнему миру, способствовал формированию требований о проведении реформ в Японии. Реформы эти были сформу-

лированы на основе тех сведений о странах Запада, которые были получены из книг китайских мыслителей первой половины XIX столетия.

В 40–50-е годы XIX в. в Японии появились книги из Китая, посвященные описанию Англии и Америки — например, «Исследование [о государстве] красноволосых варваров Инцзили (т.е. Англии. — С.В.)» (1842) Ван Вэньтая, историко-географическое описание Англии под названием «Беседы о Лондоне» (1846) ученого, писателя Лян Тиннаня, его же — об Америке, «Краткая история Англии» (1841) Чэнь Фэнхэна, снабженная схемами, картами, где содержались сведения, собранные на основании рассказов пленного англичанина. В 1844 г. в Японию на китайском торговом судне было привезено сочинение Вэй Юаня «Записи о военных походах священной династии» («Шэн у цзи»).

«Описание заморских стран [с приложением] карт» («Хайго Тучжи», 60 цз.) Вэй Юаня было опубликовано в Китае в 1847 г., а уже в 1851 г. первые экземпляры были привезены в Японию на судах китайских торговцев. Но поскольку в тексте были обнаружены упоминания о запрещенном в Японии христианстве, книга была конфискована и помещена на хранение в закрытые архивы — бугё. Поэтому сначала сочинение было доступно лишь узкому кругу высших государственных служащих, но постепенно число ознакомившихся с ним японцев росло.

После того как упомянутые книги оказались в Японии, они привлекли внимание интеллигенции, их стали переводить, комментировать, анализировать, издавать. Одно время было опубликовано немало вариантов их перевода, комментариев и толкований на японском языке, которые вносились рядом с китайским текстом. Столь большое число изданий объяснялось ограниченным количеством ввозимых оригиналов, часть которых к тому же изымалась правительством либо приобреталась в личное пользование высшими чиновниками.

Активное участие в публикации «Описания» Вэй Юаня в Японии принимал Сионоя Тоин. Он выполнил редакторскую обработку текста, изобиловавшего неточностями и неясными местами, и написал предисловие к первому разделу сочинения, посвященному обороне морских рубежей (2 цз.), который был опубликован в Токио в 1854 г. К исправленным неточностям и неясностям

текста на верхних полях ксилографа было добавлено японское чтение китайских иероглифов. Вместе с Тоином редакторскую работу, как указано в предисловии, выполнил Мицукури Гэмпо⁵⁰. Он, в частности, сверил транскрипцию иностранных географических названий, присутствующих в «Описании», с их японской транскрипцией.

В 1853 г. в Нагасаки, а на следующий год — в Симода состоялись переговоры представителей японского правительства с российским посланником адмиралом Е. В. Путягиным. В качестве переводчика в переговорах участвовал Мицукури Гэмпо. Возможно, именно ему принадлежала инициатива опубликования в 1855 г. двух разделов из сочинения Вэй Юаня (цз. 36–37), посвященных России, которой в тот период в Японии уделялось большое внимание: «Если говорить об обороне границ, то более всего беспокоит Элу [Россия], территория которой граничит с нами, но превышает нашу в десятки раз»⁵¹.

О внимании, которое уделялось России, свидетельствует тот факт, что перевод того же раздела из сочинения Вэй Юаня был также выполнен Оцуки Тэйдзуй (1818–1857) и озаглавлен «Общие сведения о России из Описания заморских стран [с приложением] карт». В предисловии к изданию говорится: «Россия... является могучим государством на земле, от наших айнов ее отделяет лишь узкая полоска воды на севере, однако о самой стране сведений мало»⁵².

В восьмой месяц 1855 г. небольшой книжечкой был опубликован раздел из «Описания» Вэй Юаня (38 цз.), посвященный Пруссии. Причина внимания к этому далекому европейскому государству, вероятно, кроется в созвучии его наименования с российским, поскольку Пруссия ко времени опубликования еще активно не заявила о себе в Тихоокеанском регионе.

Последний, расширенный вариант сочинения Вэй Юаня (100 цз.) «Описание заморских стран [с приложением] карт» был опубликован в Китае в 1852 г., а уже в 1854 г. он был привезен в Японию. О чрезвычайной популярности сочинения Вэй Юаня в Японии свидетельствовало огромное по тем временам количество публикаций: с 1854 по 1856 г. был издан 21 вариант выборочного перевода сочинения с комментариями⁵³.

Поскольку первым иностранным государством, подписавшим договор с Японией, были США, понятен повышенный интерес

к этой стране в японском обществе. Не случайно перевод и комментарии к разделу сочинения Вэй Юаня, посвященного Америке, были опубликованы в указанные годы около восьми раз. Англия также была подробно представлена в трех публикациях соответствующего раздела сочинения Вэй Юаня, который уделил этой стране повышенное внимание из-за той роли, которую она сыграла в «опиумной войне». России было посвящено два издания; по одному — Франции, Германии, Пруссии, Индии.

Издание другого упоминавшегося выше известного сочинения Вэй Юаня — «Записи о военных походах священной династии» было осуществлено в Японии еще раньше, в 1850 г. Содержание трех изданных томов касалось преимущественно ведения боевых действий, тактики обороны городов, защиты морских рубежей, описанию негативного опыта первой «опиумной войны» в Китае и проч.

«Очерк всемирной географии» («*Инхуань чжилюэ*») Сюй Цзюня был привезен в Японию в 1859 г., и в 1861 г. опубликован в виде картографического издания с комментариями.

Как видно из содержания опубликованных в Японии произведений китайских авторов, основное внимание было уделено вопросам, посвященным обороне морских рубежей, описанию вооружения, боевых судов, историко-географическому описанию государств, имевших контакты с Японией. Все они были, по мнению современного китайского исследователя Ван Сяоцю, «важными книгами по просвещению японцев о ситуации в мире»⁵⁴.

В 1854 г. в Японии был опубликован «Ежемесячный вестник Аомэнь», материалы которого были переведены по приказу Линь Цзэсюя из западных журналов. Они повествовали о ситуации в Китае, об экспорте чая, запрещении опиума, об использовании войск, положении дел в «варварских» странах и пр. Японский ученый Оцуки Тэйдзуй в предисловии к очередной публикации перевода «Описания» Вэй Юаня отмечал: «Для постижения сути морской обороны нет ничего важнее, чем знать обстановку у врага. Зная обстановку в стане врага, постигнешь его сильные и слабые стороны, что определит возможность поражения или победы. Если не знаешь обстановку, обстоятельства могут привести к ошибкам... Поэтому когда знаешь обстановку у варваров или не знаешь ее, разница между пользой и вредом [от того, что знаешь,

либо нет] подобна различию между высью и бездной! “Подборка материалов, выполненных варварами” (Ицин бэйцай) является частью “Хайго тучжи”, составленного цинским Вэй Мошнем (Вэй Юанем. — С. В.)... Нет другой книги, в которой бы столь подробно было описано положение варваров различных заморских государств, поэтому был выполнен перевод [книги] для опубликования»⁵⁵.

Для сравнения приведем цитату, взятую из предисловия к «Описанию заморских стран [с приложением] карт» Вэй Юаня: «Подобно тому [когда] обороняешься от врага и [при этом] знаешь или не знаешь его состояние, польза и вред [от того что знаешь, либо нет], соответственно, многократно возрастают. Также когда умиротворяешь врага, и [при этом] знаешь или не знаешь его характер, польза или вред соответственно возрастут в сотни раз»⁵⁶.

Интерес китайских и японских ученых к работам западных авторов понятен — он в полной мере соответствует завету древних, который гласит: «Узнай других с тем, чтобы познать себя». Иными словами, для формулирования своей политики относительно стран Запада, необходимо было как можно больше узнать об этих странах.

Японский ученый, переводчик Масаки Току писал по поводу сочинения Вэй Юаня: «Цинский Вэй Юань вновь составил несколько цзюаней “Хайго тучжи”, где содержится обобщенное описание государств... Обращаясь к содержащимся там заметкам, можно обнаружить расположенные по порядку сведения о политике, обычаях, искусстве, мануфактурном производстве иностранных государств, о животном и растительном мире. Поэтому желающим познать ситуацию в иностранных государствах достаточно обратиться к материалам за справкой»⁵⁷.

Сочинение Вэй Юаня «Описание заморских стран [с приложением] карт» — первое в Китае нового времени систематическое историко-географическое описание иностранных государств, привезенное в Японию в завершающий период правления *бакуфу*. Эта книга, считают китайские исследователи, открыла японцам глаза на внешний мир, вооружила разум знаниями⁵⁸. Высоко оценивая произведение Вэй Юаня, Сутики Тацу в предисловии к «Обобщенному описанию Мэйлигэ (Америки. — С. В.)» писал: «Данная книга была переведена в завершающий период *бакуфу*,

она явилась очень своевременным предупреждением [об опасности, идущей из-за] моря, стала чрезвычайно полезной»⁵⁹.

Видный общественный деятель заключительного периода Токугава Сакума Сёдзан, посвятивший свою жизнь изучению достижений европейской науки, по словам известного английского японоведа Дж. Сэнсома, сыграл выдающуюся роль в ознакомлении Японии с западными научными знаниями⁶⁰. В 1850 г. он открыл частную школу в сёгунской столице Эдо (ныне Токио), где стал преподавать западные военно-технические дисциплины: военное искусство, основы артиллерии и пр. Среди посещавших школу были Ёсида Сёин, Нисимура Сигэки, Сакамото Рёма, Хасимото Санаи и другие активные участники реформаторского движения Мэйдзи.

К тому времени, когда корабли американской эскадры М. Перри вошли в бухту Эдо (1853 г.), Сёдзан пришел к выводу, что только изучения книг западных авторов недостаточно для усиления государства — необходимо отправить талантливую молодежь в страны Запада на учебу. Он способствовал тому, чтобы его ученик Ёсида Сёин (1830–1859), нарушив государственные законы, попытался бежать на одном из иностранных судов. Попытка не увенчалась успехом и оба были наказаны. Сёдзан, находясь в семимесячном заключении, написал сочинение «Размышление над своими ошибками» (Сэйкэн року), в котором критиковал неприятие западной науки конфуциански образованными учеными Японии, отмечал влияние, оказанное на него сочинениями Вэй Юаня, которого называл «заморским единомышленником»⁶¹. Вторя Вэй Юаню, Сёдзан писал: «Если мы не знаем ни врага, ни своих сил, мы, безусловно, потерпим поражение в любой битве. Однако даже если мы знаем врага и свои силы, мы все же в существующих условиях еще не можем говорить о сопротивлении. Только после того, как мы искусно овладеем всем тем, что блестяще использует враг, мы сможем говорить о победе над ним»⁶².

Ученик Сёдзана, ученый и писатель Ёсида Сёин, во время пребывания под арестом в одном из своих писем отметил «глубокое впечатление», которое произвели на него «хорошие книги» Линь Цзэсюя и Вэй Юаня⁶³.

Сакума Сёдзан настоятельно пропагандировал необходимость постижения передовых западных наук, ратовал за укрепление

морской обороны, проведение реформы внутренней политики, критиковал коррупцию правительственных чиновников, изоляционистскую политику сёгуната.

Следует заметить, что Сакума Сёдзан не во всем слепо следовал наставлениям Вэй Юаня — он критически воспринимал то, что находил в сочинениях своего китайского единомышленника. Так, он выступал против предлагаемой Вэй Юанем политики «упорно обороняться и оставлять врагу опустошенную территорию», придерживаться скрытной оборонительной тактики. Сакума пропагандировал необходимость обучения артиллерийскому искусству ведения боя, тактике морских сражений, настаивал на том, что врагу следует наносить поражение на морских просторах. «Вэй Юань считает, — писал он, — что, поскольку в Китае предшествующие поколения обороняли морское побережье и не вели сражений в открытом море, методами обороны должны быть упорная защита [городских стен при приближении врага] и тактика выжженной земли, уничтожения предателей [помогающих врагу] на побережье. Я же стремлюсь объяснить искусство наступательной тактики [ведения боя] артиллерией, [боевыми] судами. Изгнать врага в открытое море и там уничтожить, в этом заключается различие [между нами]»⁶⁴. Сёдзан также критиковал Вэй Юаня за то, что применение артиллерийских орудий, боевых судов было разъяснено в его сочинении поверхностно. «Основа морской обороны, — утверждал он, — состоит в [правильном применении] орудий и судов, причем орудия — самое главное. Господин Вэй [Юань] в «Описании заморских стран» сообщил об артиллерийских пушках в целом поверхностно, неосновательно, как о детской забаве»⁶⁵.

Ёсида Сёин также не всегда положительно оценивал произведения Вэй Юаня. Например, он критически высказывался о его предложении использовать враждебное отношение России, Америки и Франции к Британии для поддержки Китая в его боевых действиях против англичан на суше и на море. Сёин считал подобный союз ненадежным, поскольку западным странам «важна лишь выгода, ради которой они могут объединиться и с врагом». Для подтверждения своих доводов он приводит пример Крымской войны, в ходе которой Англия и Франция объединились с Турцией против России: «этот факт англо-французского союза не был принят во внимание Вэй Юанем»⁶⁶.

Значительное влияние сочинения китайских авторов оказали на Хасимото Санаи (1834–1859) — известного сторонника «открытия» государства, считавшего, что «прежде всего следует знать достижения противника». Он отмечал, что необходимо «брать в пример искусные механизмы (и изделия) ремесел других стран», призывая учиться у Запада⁶⁷.

Другой видный общественный деятель Японии завершающего периода Токугава Ёкои Сёнан (1809–1869), прежде выступавший против использования достижений «варварской» науки, после того, как прочел в 1855 г. «Описание заморских стран [с приложением] карт» Вэй Юаня, изменил свои взгляды и стал вместе с Сакума Сёдзаном одним из пропагандистов научных достижений стран Запада.

О популярности сочинения Вэй Юаня в Японии писал в 1902 г. известный участник реформаторского движения в Китае Лян Цичао (1873–1923): «В Японии эта книга всколыхнула поколение [к которому принадлежали] Сакума Сёдзан, Ёсида Сёин, Сайго Такамори (1827–1877)»⁶⁸.

Приведем в заключение оценку современного японского историка Иноуэ Киёси относительно влияния сочинений китайских авторов в Японии: «Японские ученые, интеллигенция завершающего периода сёгуната в результате изучения Запада и современной культуры по материалам, завезенным из Китая, получили несравнимо больше, нежели от изучения голландской “науки”. Революционные изменения в мировоззрении Ёкои Сёнана произошли после прочтения “Хайго тучжи”, он стал (сторонником) открытия государства»⁶⁹.

В XIX столетии Китай сыграл для Японии немалую роль в формировании восприятия окружающего мира. Так как, в силу многих причин, Китай не смог дать адекватный отпор военной агрессии стран Запада, отношение к нему со стороны японской интеллигенции стало более критичным. Кроме того, его поражение в столкновении со странами Запада способствовало переоценке отношения к внешнему миру, стимулировало рост интереса к окружающей действительности.

Называя причины поражения некогда могущественного, а ныне униженного неравноправными договорами, зависящего от воли Запада Китая, представители японской интеллигенции обличали

недостатки собственной страны — необученную армию, солдаты которой были вооружены доставшимися в наследство от предков мечами и пиками, отсталую тактику обороны, коррупцию правительственных чиновников, политику самоизоляции и проч.

Будущие реформаторы считали, что Япония должна использовать имеющийся потенциал, а также научные достижения Запада для того, чтобы как можно быстрее провести необходимые преобразования в социально-экономической сфере, военном деле, дабы должным образом дать ответ вызову со стороны Западного мира⁷⁰. Принимая западные знания, «покоря варваров их же методами», можно было обрести необходимое могущество и силы для того, чтобы эффективно соперничать в предстоящем состязании со странами Запада. В этом японские и китайские ученые исходили из сути известной аксиомы «познай других [врага], чтобы быть подготовленным» (*чжи би бэй цзи*).

Обращаясь к сочинениям китайских ученых, представители передовой японской интеллигенции приходили к выводу о том, что хотя между Китаем, Японией и западными странами существовали различия в уровне развития науки, этот разрыв мог быть преодолен. При этом изоляция страны от внешнего мира — это анахронизм, территориальная разобщенность на домены, пусть и влиятельные, деструктивна для государства и не соответствует национальным интересам, а приоритеты исключительно сельскохозяйственного развития страны являются фикцией ввиду морского окружения островов.

Сочинения китайских мыслителей 40–60-х годов XIX в. стали одним из источников появления новых идей в среде японской интеллигенции в процессе ее приобщения к западным знаниям в заключительный период правления сёгуната Токугава. Эти идеи пали на благодатную почву и были использованы в процессе преобразований, имевших место в годы реформации Мэйдзи. Сочинения китайских ученых оказали определенное влияние на поколение японцев, стремившихся дать отпор внешней экспансии и преобразовать внутреннюю политику и государственное устройство, стимулировали развитие общественной мысли Японии в направлении реформ Мэйдзи.

Примечания

1. В 1633–1641 гг. сёгунат Токугава (1603–1867 гг.) издал несколько указов о закрытии страны, согласно которым запрещалось совершать дальние плаванья, а оказавшиеся по каким-либо причинам за рубежом японцы сурово наказывались. Указ 1634 г. запрещал прибытие в страну иностранных миссионеров-христиан. Указом 1641 г. местопребывание голландских купцов было ограничено небольшим искусственным островком Дэдзима, соединявшимся с Нагасаки тщательно охраняемым каменным мостом (Венюков М. Очерки Японии. СПб, 1869. С. 294–295).

2. Рюкю — архипелаг вулканических и коралловых островов, простирается 1500-километровой дугой между островами Кюсю и Тайвань. Образует южную границу Японии, отделяя Восточно-Китайское море от открытой части Тихого океана. В средние века королевство Рюкю вело обширную торговлю с Китаем, Японией, Кореей и Юго-Восточной Азией. Китай и Япония оказывали большое влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь королевства. В начале XVII в. Рюкю стал доминионном сёгуната Токугава, поддерживая при этом отношения с Китаем. Благодаря такому сложному политическому статусу, будучи зависимым от двух стран, Рюкю служил своеобразным мостом между Японией и остальной Азией. В 1879 г. Рюкю стал японской префектурой Окинава (Tashiro Kazui. Foreign Relations During the Edo Period: Sakoku Re-Examined // The Journal of Japanese Studies. 1982. Vol. 8, N 2. P. 289–290).

3. Показательными в данном отношении являются записи португальского миссионера Т. Перейры, имевшего, как считают историки, богатые познания о внешнеполитической практике маньчжур: «Татары (так иностранцы называли маньчжур. — С. В.)... находились целиком под влиянием китайских нравов и обычаев, а надо сказать, что китайцы испокон веков принимали чужеземных посланцев только как данников. В своем полном незнании окружающего мира татары, отличавшиеся не меньшей заносчивостью, чем китайцы, считали все другие народы такими же пастухами, как и окружающие их племена. Они были уверены, что все на свете было частью Китая, который с гордостью называли “Тянься”, т. е. Поднебесная вселенной, как будто ничего другого не существовало» (Цит. по: Тихвинский С. Л. История Китая и современность. Сб. статей. М., 1976. С. 28).

4. Цит. по: Ян Гочжэнь. Линь Цзэсюй чжуань (Биография Линь Цзэсюя). Пекин, 1981. С. 145.

5. Ввоз иностранной валюты в Китай составлял к началу XIX столетия около 350 млн мексиканских долларов. Обратное движение серебра составило к 30-м годам примерно 30 млн таэлей ежегодно, при этом реально отрицательный баланс был довольно существенным, равняясь 2–3 млн таэлей ежегодно. (Fairbank J. K., Reischauer E. O. and Craig A. M. East Asia: The Modern Transformation. Boston, 1965. P. 96–97, 137–138).

6. Scheiner Irwin. Benevolent Lords and Honorable Peasants: Rebellion and Peasant Consciousness in Tokugawa Japan // Japanese Thought in the Tokugawa Period, 1600–1868. Ed. by Tetsuo Najita and Irwin Scheiner. Chicago, 1978. P. 39–62.

7. Чоубань и у ши мо Даогуан чао (Полный отчет о ведении дел с варварами в правление Даогуана. 1836–1850) // Цзиньдай Чжунго шиляо цункань (Собрание материалов по истории Китая в Новое время). Сб. 56, вып. 551. 80 цз. Тайбэй, 1963 (фотолитография). С. 18.

8. Беспокойство о надвигающейся на страну опасности выразил выдающийся китайский ученый Вэй Юань: «Каждый, имеющий мужество, должен негодовать от возмущения, каждый, имеющий слух и зрение, наделенный разумом, должен предложить планы [решения проблем]» (Вэй Юань. Хайго тучжи (Описание заморских стран [с приложением] карт). 3-е изд. 100 цз. Янчжоу: Гувэй ган, 1852. С. 1).

9. Chang Hsi-t'ung. The Earliest Phase of the Introduction of Western Political Science into China // Yenching Journal of Social Studies. Vol. I (July, 1950). P. 1.

10. Линь Цзэсюй. Сы чжоу чжи (Описание четырех материков). 20 цз. Б. м., б. г.

11. Линь Цзэсюй. Хуа ши и янь (Иностранцы о Китае). 1 цз. Б. м., б. г.

12. Линь Цзэсюй. Элосы го цзияо (Основные сведения о Российском государстве). 1 цз. Б. м. Б. г. // Элосы цзияо (Основные сведения о России). Шанхай. Предисловие 1882 г. (Ксилограф).

13. Вэй Юань. Хайго тучжи (Описание заморских стран [с приложением] карт). 1-е изд. 50 цз. Б. м., 1844; 2-е изд. 60 цз. Б. м., 1847; 3-е изд. 100 цз. Янчжоу, 1852.

14. Тихвинский С. Л. История Китая и современность. Сб. статей. М.: Наука, 1976. С. 151.

15. Вэй Юань. Шэн у цзи (Записи о военных походах священной династии): в 2 т. Пекин, 1984.

16. Сюй Цзюй. Инхуань чжилюэ (Очерк всемирной географии). 10 цз. Б. м., 1850.

17. Цин ши гао (Черновая история цинской династии. Лечжуань. Раздел «Биографии»). 316 цз. Бэйпин, 1942. Цз. 209, 86.

18. Кроль Ю. Л. Концепция «Китай — варвары» и «ассоциативное мышление» // Вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1971. С. 66–67.

19. Основную цель сочинения «Описание заморских стран [с приложением] карт» Вэй Юань определил так: «...Создавалось с тем, чтобы [показать, как], используя [одних] варваров, нападать на [других] варваров; как заставить [одних] варваров умиротворять [других] варваров; как, изучив сильные стороны варваров, править ими» (Вэй Юань. Хайго тучжи 3-е изд. 100 цз. Янчжоу, 1852. Предисловие. С. 1).

20. Осуществляя строгий контроль за иностранной торговлей, сёгунат Токугава учредил в Нагасаки, единственном порту Японии, в котором, согласно указу 1639 г., разрешалось ведение торговых операций с иностранцами, административную должность *бугэ*, в обязанности которого входило осуществление контроля за деятельностью торговцев (Kodansha Encyclopedia of Japan. Vols. I–IX. Tokyo: Kodansha Ltd., 1983. Vol. I, p. 206).

21. Ван Сяоцю. Цзиньдай Чжун-Жи циши лу (Описание китайско-японских просвещающих материалов нового времени). Пекин, 1987. С. 8.

22. Там же. С. 9.

23. В литературе нет однозначного определения начала «опиумной войны» между Англией и Китаем. В отечественной историографии присутствуют даты: 1839 г. (Ипатова А. С. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976. 208 с.; Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949. 435 с.) и 1840 г. (Березный Л. А. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972. 221 с.; Новая история Китая. М., 1972. 636 с.). То же наблюдается в китайской и западной историографии. Доводы в пользу каждой из дат понятны: сентябрь 1839 г. — начало вооруженных столкновений между китайскими военными джонками, подчиненными командованию провинции Гуандун, и английскими торговыми судами, вооруженными пушками. В данном случае, видимо, следует говорить о конфликте, поскольку боевые действия не были официально санкционированы ни английским правительством, ни тем более китайским двором, долгое время оповещавшем подданных о «мятеже варваров». В начале 1840 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Г. Пальмерстон объявил о решении правительства направить экспедиционный отряд под руководством адмирала Дж. Эллиота, который и прибыл к берегам Китая в июне того же года.

24. Линь Цзэсюй цзи. Цзоугао (Собрание сочинений Линь Цзэсюя. Проекты докладов): в 3 т. Пекин, 1965. Т. 2. С. 638.

25. По всей видимости, здесь имеет место ошибочное представление о 13 китайских компаниях, объединенных в гильдию «Гунхан», которым было разрешено вести торговлю с иностранцами в Гуанчжоу.

26. Ван Сяоцю. Указ. соч. С. 10.

27. Там же. С. 10.

28. Сионоя Тоин, высокообразованный японский ученый-конфуцианец, был известен своими глубокими познаниями в области классической китайской литературы, приглашался консультантом по различным вопросам деятельности сёгуната.

29. Родзю — один из высших государственных чинов в период правления Токугава. Пять влиятельных *даймё* формировали Высший государственный совет, облеченный сёгуном большими полномочиями. В число их обязанностей входило также наблюдение за ведением внешней торговли, контакты с иностранными государствами (Kodansha, VI. P. 334).

30. Мидзуно Тадакуни (1794–1851), *даймё* княжества Хамамацу (ныне часть префектуры Сидзуока). Под его руководством была предпринята безуспешная попытка реформ в завершающий период правления сёгуна Токугава, так называемые реформы годов Тэмпо (1830–1844), которые были направлены на укрепление положения самураев как военного сословия, а также ограничение растущего экономического могущества японского купечества (The Cambridge History of Japan. Vol. V. The Nineteenth Century. Ed. by Jansen Marius B. N. Y., 1989. P. 155–158).

31. Афужун (яп. afuuo; в переводе с китайского означает «лотос») — распространенное в народе наименование опиума, заимствованное из арабского языка.

32. Van Gulik, R. H. Kakkaron: A Japanese Echo of the Opium War // Monumenta Serica. Peiping, 1939. Vol. IV. P. 539.

33. Jansen, Marius B. Changing Japanese Attitudes toward Modernization. Princeton, N. Y., 1965. P. 57.

34. Школа Мэйриндо была основана последователями конфуцианского учения еще в 1777 г. на Кюсю (ныне префектура Миядзакэ), просуществовала вплоть до конца правления Токугава (Ibid. P. 57).

35. Кацу Кайсю (1823–1899), активный участник переходного периода передачи власти от Токугава правительству Мэйдзи. В свое время был известен как знаток в области военной технологии стран Запада, особенно боевых судов, участвовал в создании военного флота. Весной 1860 г. руководил военным судном, направленным из Японии в США (Kodansha, IV. P. 171).

36. Кацу Кайсю. Кайсю дзэнсю (Собрание сочинений). Цз. 2. С. 433. Цит. по: Ван Сяоцю. Указ. соч. С. 18.

37. Другой вариант перевода: «Ступать по инею, пока еще нет льда». Образно в значении: помнить, что за малой бедой может следовать большая; принимать меры, пока не наступило большее несчастье; предостерегать о грядущих еще больших бедах; принять предупредительные меры против несчастья (The Yi King. Transl. by James Legge. Oxford, 1882. P. 60).

38. Van Gulik, R. H. Op. cit. P. 520.

39. Синобу Сэйдзабуро. Нихон сэйдзи си (Политическая история Японии): в 2 т. Токио, 1976. Т. 1. С. 178.

40. Иноуэ Киёси. Нихон гэндай си I. Мэйдзи исин (Новая история Японии. Т. 1. Мэйдзи исин). Токио, 1955. С. 218.

41. Кониси Сиро. Ахэн сэно-но вага куни-ни оёбосэру эйкё (Влияние опиумной войны на нашу страну) // Комадзава Сигаку. 1953. ??1. С. 21.

42. Такасима Сюхан (1798–1866) — один из создателей японской артиллерийской школы, основанной на знании стран Запада. Оказал большое влияние на формирование основ военной тактики в заключительный период Эдо (The Cambridge History of Japan. Vol. 5. The Nineteenth Century. Ed. by Jansen Marius B. N. Y., 1989. P. 146; Kodansha, VII. P. 319).

43. Синобу Сэйдзабуро. Указ. соч. Т. 1. С. 165.

44. Тории Ёзо (1804–1874) известен своим непримиримым отношением к странам Запада. Активно участвовал в арестах 1839 г. (так называемый инцидент *Банся но гоку*) ученых, проповедовавших необходимость постижения западных наук, которые были обвинены в критике сёгуната, распространении «варварских учений», попытках бежать за границу (The Cambridge History of Japan. Op. cit. P. 239–241; Kodansha, Vol. I. P. 141. Vol. VIII. P. 80).

45. Эгава Хидэтацу (1801–1855) — активный сторонник изучения западной военной науки и технологий. Впоследствии стал преподавателем западных

знаний; у него учились такие известные исторические личности завершающего периода Токугава — начала реформаторского движения Мэйдзи, как Сакума Сёдзан, Кавадзи Тосиакира (1801–1868), Кидо Такаёси (1833–1877), Хасимото Санаи (Kodansha II. P. 184).

46. *Синобу Сэйдзабуро*. Указ. соч. Т. 1. С. 165–166.

47. *Sansom G. B. The Western World and Japan*. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1950. P. 269.

48. *Сакума Сёдзан*. Сэйкэн року (Размышления над своими ошибками). Токио: изд-во Бункодо, 1871. С. 93, 98.

49. Там же. С. 93.

50. Ученый Мицукури Гэмпо (1799–1863) пропагандировал пользу западных наук. Изучал традиционную китайскую медицину в Киото, затем в Токио продолжил занятия западной медициной. В 1839 г. был назначен официальным переводчиком при ведомстве астрономии сёгуната Токугава (*Temmonkata*), перевел с голландского многие книги по медицине. В 1856 г. он стал инструктором в *Bansho Shirabesho* — вновь образованном Центре по изучению западных знаний. Гэмпо известен как автор и переводчик сочинений, посвященных медицине и прочим направлениям западной науки. На основании его перевода книги «Concise Explanation of Steamship» в княжестве Сацума было построено первое японское паровое судно (Kodansha, Vol. V. P. 213).

51. *Аюсава Синтаро*. Сакоку дзидай нихон дзин тэки кайгай тисики (Знания японцев о заморских странах во времена изоляции государства). Токио, 1943. С. 141.

52. Там же. С. 149.

53. *Ван Сяоцю*. Указ. соч. С. 31.

54. Там же. С. 26.

55. *Линь Цзэсюй* Аомэнь юэбао (Ежемесячный вестник Аомэнь) // Хайго тучжи. Ицин бэйцай. (Описание заморских стран [с приложением] карт. Подборка материалов, выполненных варварами). Вэй Юань сост., Оцуки Тэйдзуй перев. [Б. м.]. 1854. Предисловие. С. 1–2.

56. *Врадий С. Ю.* Вэй Юань. «Хайго тучжи». Предисловие. Пер. с кит. яз., коммент. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток. 1999, №3 (85). С. 27.

57. *Аюсава Синтаро*. Указ. соч. С. 148.

58. *Ван Сяоцю*. Указ. соч. С. 33.

59. *Аюсава Синтаро*. Указ. соч. С. 148.

60. *Sansom G. B. The Western World and Japan*. N. Y., 1950. P. 269.

61. *Jansen, Marius B.* Op. cit. P. 58.

62. *Brown D. M. Nationalism in Japan. An Introductory Historical Analysis*. Berkeley, 1955. P. 77.

63. *Ван Сяоцю*. Указ. соч. С. 36.

64. *Сакума Сёдзан*. Указ. соч. С. 97.

65. Там же. С. 98.

66. *Масуда Ватару*. Сэйгаку тодзэн то Тюгоку дзидзё: «Дзассё» сакки (Распространение западной науки на Восток и ситуация в Китае: страницы «Дзассё»). Токио: Иванами сётэн, 1979. P. 42. В оправдание Вэй Юаня заметим, что сочинение было им написано до Крымской войны (1853–1856 гг.), о перипетиях которой он не мог знать.

67. У Цзэ, *Хуан Лиюн*. Вэй Юань. Хайго тучжи яньцзю (Исследование «Описания заморских стран [с приложением] карт» Вэй Юаня) // Лиши яньцзю. 1963. №4. С. 140.

68. *Лян Цичао*. Лунь Чжунго сюэшю сысян бьяньцзянь чжи даши (О переменах в научной мысли Китая) // Иньбинши хэцзи (Собрание сочинений из кабинета Иньбин): в 3 т. Пекин, 1932. Т. 3. С. 97.

69. *Иноуэ Киёси*. Нихон гэндай си I. Мэйдзи исин (Новая история Японии. Т. 1. Мэйдзи исин). Токио, 1955. С. 214, 215.

70. Именно так интерпретировал идеи, представленные в «Описании» Вэй Юаня, Ёсида Тойо (1816–1862), предпринявший попытку осуществить в 1853 и 1857 гг. реформы в княжестве Тоса (ныне префектура Коти, Сикоку), предполагавшие заимствование западной технологии для создания боевых судов, артиллерии. Под влиянием сочинения Вэй Юаня Тойо настаивал, чтобы противостоять Западу, Япония должна провести кардинальные реформы (*Jansen, Marius B.* Op. cit. P. 58; Kodansha, VIII. P. 346).

Л. В. Зенина

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Не менее десяти тысяч японцев считают себя православными христианами, хотя выяснить их точное число не представляется возможным. Так утверждают в отделе по связям с общественностью Японской автономной православной церкви (ЯАПЦ). Вообще же крещеных православных насчитывается гораздо больше. Как и в России, в Японии есть люди, которые посещают церковь только на Пасху и Рождество. Трудно сказать, какими мотивами они руководствуются, — очевидно, в православные храмы японцев приводит интуитивное чувство веры во Всевышнего либо эстетическая потребность в постижении прекрасного. Общую численность японцев, отождествляющих себя с православием, можно оценить примерно в тридцать тысяч — как и в период его распространения в стране в первой четверти XX в.

На сегодня в ЯПЦ насчитывается два епископа, 23 священника, 12 диаконов. Общее число приходов — 67, зарегистрированных членов приходских общин — 9958 (на 2008 г.; в более поздних источниках говорится о 150 приходах). Статистика не охватывает всех, кто посещает храмы, — таких значительно больше, — но лишь тех, кто регулярно участвует в церковных таинствах и своими пожертвованиями помогает содержать церковные приходы в надлежащем порядке. Предстоятелем ЯПЦ является архиепископ Токийский, митрополит всея Японии Даниил (Нусиро).

Будущий предстоятель родился в городе Тоёхаси в 1956 г., принял святое крещение с именем Иуда в честь святого апостола Иуды, брата Господня, и получил богословское образование, закончив сначала Токийскую духовную семинарию в 1965 г., а затем Свято-Владимирскую духовную семинарию в Нью-Йорке в 1969 г.

Уже со студенческих лет он был увлечен богословскими науками, знал несколько иностранных языков и по окончании образования, исполняя свое основное служение, написал ряд богословских трудов. В 1969 г. он был рукоположен в сан диакона и служил в соборе Воскресения Христова в Токио. В 1971 г., став священником, на протяжении 29 лет служил в приходе православного храма родного города Тоёхаси.

29 августа 1999 г. в Троицком соборе Лавры в Москве состоялся монашеский постриг трех кандидатов на архиерейские кафедры: протоиерей Кирилл Арихара был наречен в монашество в честь Святого Петра Московского, протоиерей Иуда Нусиро — в честь святого Даниила Московского, а иерей Андрей Цудзиэ — в честь преподобного Серафима Саровского. На постриге присутствовали епископ Читинский и Забайкальский Иннокентий, Ректор Московской Духовной Семинарии и Академии епископ Верейский Евгений, Наместник Лавры архимандрит Феогност и многочисленная братия монастыря.

12 ноября 1999 г. архиепископ Калужский и Боровский Климент в Троицком соборе Свято-Данилова монастыря возвел в сан архимандрита клирика Японской Церкви игумена Даниила (Нусиро). 13 ноября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в храме Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре совершил наречение во епископа архимандрита Даниила (Нусиро). Епископская хиротония архимандрита Даниила во епископа Киотоского состоялась 14 ноября 1999 г. в кафедральном Богоявленском соборе Москвы. Хиротонию возглавил Святейший Патриарх Алексей в сослужении 12 архиереев.

14 мая 2000 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II совершил Божественную литургию в соборе Воскресения Христова в Токио, во время которой состоялась интронизация нового предстоятеля ЯПЦ. 16 сентября 2003 г. за вклад в распространение православия в Японии Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил митрополита Даниила орденом первой степени святого благоверного князя Даниила Московского.

В состав ЯПЦ входят три епархии: Токийская, Киотоская (Западнояпонская) и Сэндайская (Восточнояпонская).

Токийская епархия была учреждена, когда Духовная Миссия в Японии была организована в Ревельское викариатство Рижской епархии. В 1906 г. епархия стала самостоятельной и была переименована в Токийскую и Японскую епархию РПЦ с кафедрой в Токио и викарной кафедрой в Киото. С 1941 по 1946 г. Токийская епархия входит в юрисдикцию Зарубежной русской православной церкви. Между 1947 и 1970 г. японские архипастыри как в юрисдикции Московского Патриархата, так и в юрисдикции Американской Митрополии носили титул Токийских.

До 1970 г. сан архипастыря часто менялся. Так, это мог быть епископ: Николай (Касаткин, 1880–1906); Сергей (Тихомиров, 1912–1921); Николай (Оно, 1941–1954); Вениамин (Басалыга, 1947–1950); Ириней (Бекиш, 1953–1957); Владимир (Нагосский, 1962–1970); Николай (Саяма, 1962–1970); архиепископ: Николай (Касаткин, 1906–1912); Сергей (Тихомиров, 1921–1931); Вениамин (Басалыга, 1950–1953); Ириней (Бекиш, 1957–1960); Никон (де Греве, 1960–1962); Владимир (Нагосский, 1970); митрополит: Сергей (Тихомиров, 1931–1940).

С 10 апреля 1970 г., вместе с учреждением ЯПЦ, из Токийской епархии были выделены самостоятельные Киотоская (Западно-японская) и Сэндайская епархии. Токийская епархия включает в себя территорию Токийской столичной области и префектур Тотиги, Ибараки, Тиба, Гумма, Сайтама, Каганава, Нагано, Яманаси и Сидзуока. Архипастырь Токийской архиепископии является также Предстоятелем ЯПЦ с титулом архиепископ Токийский, митрополит всея Японии. Кафедральным собором епархии является токийский Воскресенский собор.

В 1999 г. по решению Святейшего Патриарха и Священного Синода РПЦ создано Иокогамское викариатство Токийской епархии.

Токийская епархия включает следующие приходы:

г. Токио — кафедральный собор Воскресения Христова (Николай-до);

- г. Токио — храм святого Александра Невского;
- г. Токио — храм Рождества Христова в Яматэ;
- г. Иокогама — храм Покрова Пресвятой Богородицы;
- г. Одавара — храм Сошествия Святого Духа;
- г. Сидзуока — храм Покрова Пресвятой Богородицы;
- г. Такасаки — храм Рождества Христова;

г. Маэбаси — храм святого равноапостольного Николая Японского;

- г. Асикага — храм Вознесения Господня;
- г. Суга — храм Благовещения Пресвятой Богородицы;
- г. Сукава — храм св. Пантелеймона;
- г. Тэка — храм св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова;
- г. Канума — храм св. апостола Петра;
- г. Бато — храм Преображения Господня;
- г. Уцуномия — храм свв. Константина и Елены;
- г. Сюдзэндзи — храм Преображения Господня;
- г. Касивакубо — храм Рождества Христова;
- г. Хамамацу — храм Рождества Христова.

Киотоская (Западнояпонская) епархия ЯПЦ учреждена в 1906 г. как викариатство Японской Миссии РПЦ. Кафедральным храмом является Благовещенский храм в г. Киото. Викариатство (нынешнюю епархию) возглавляли:

- Андроник (Никольский, 5 ноября 1906 — 5 июля 1907);
 - Сергий (Тихомиров, 21 марта 1908 – 19 мая 1912).
- В юрисдикции Американской Митрополии (1947–1970):
- Владимир (Нагосский, 14 октября 1962–1964);
 - Феодосий (Нагасима, 2 ноября 1969 — 10 апреля 1970).

После учреждения Киотоской епархии ее возглавляли:

- Феодосий (Нагасима, 10 апреля 1970 — 22 марта 1972, до 7 мая 1999 г. митрополит всея Японии, временно управляющий епархией);
- Даниил (Нусиро, 14 ноября 1999 г. — 6 мая 2000 г., ныне митрополит всея Японии, временно управляющий епархией).

В данный момент официальным епархиальным печатным органом является газета «Ниси Нихон Сэйкё» («Западнояпонское православие»).

Приходы:

- г. Киото — Благовещения Пресвятой Богородицы;
- г. Тоёхаси — апостола Матфея;
- г. Нагоя — Благовещения Пресвятой Богородицы;
- г. Ханла — св. Иоанна Дамаскина;
- г. Осака — Покрова Пресвятой Богородицы;
- г. Кобэ — Успения Пресвятой Богородицы;
- г. Токусима — Сошествия Святого Духа;
- г. Янаибара, о-в Сикоку;

г. Хитоёси — Покрова Пресвятой Богородицы;
г. Кагосима — апостола Иакова;
г. Кумамото — молитвенный дом.

Восточнояпонская (Сэндайская) епархия учреждена 10 апреля 1970 г. как самостоятельная епархия ЯПЦ. Кафедральным храмом является Благовещенский храм в г. Сэндай. В нем попеременно служили архиереи:

Серафим (Сигрист, декабрь 1981–1987);

Феодосий (Нагасима, 1987 — 7 мая 1999; митрополит всея Японии, временно управляющий епархией).

Печатный орган епархии — «Кёку-хо» («Епархиальный вестник»).

С 15 января 2000 г. епархией управлял епископ Серафим (Цудзиэ), в миру Цудзиэ Андрей Нобору. Владыка родился в 1951 г. в городе Акита, префектура Акита. В 1969 г. поступил в Токийскую школу фотографии, которую окончил в 1973 г. Работал в рекламной компании. В 1987 г. он принял Святое Крещение с именем Андрей в честь апостола Андрея Первозванного. В том же году поступил в Токийскую духовную семинарию, которую окончил в 1990 г. 5 ноября 1990 г. епископом Филадельфийским и Восточно-Пенсильванским Германом (Свайко) православной церкви в Америке был рукоположен во диакона (целибат), служил в Токийском Воскресенском соборе.

18 августа 1991 г. архиепископом Токийским, митрополитом всея Японии Феодосием (Нагасима) рукоположен в иерея и назначен на работу в канцелярии митрополии, а также инспектором Токийской духовной семинарии. С августа 1993 г. служил в токийском Воскресенском соборе. После блаженной кончины митрополита Феодосия (Нагасима) 7 мая 1999 г. о. Андрей был избран одним из трех японских кандидатов в епископский сан.

20 августа 1999 г. в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры пострижен в монашество с именем Серафим — в честь преподобного Серафима Саровского. 6 сентября 2000 г. в Успенском соборе Московского Кремля Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II возведен в сан игумена. 12 января 2000 г. в Крестовом храме Синодальной резиденции Святейшего Патриарха Алексия II в Даниловом монастыре было совершено наречение архимандрита Серафима (в епископа Сэндайского).

15 января 2000 г. в Троицком соборе Данилова монастыря в Москве была совершена хиротония архимандрита Серафима во епископа Сэндайского. Хиротонию совершили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, митрополиты Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси, Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Смоленский и Калининградский Кирилл, Солнечногорский Сергей, Волоколамский и Юрьевский Питирим, архиепископ Истринский Арсений, епископы Филиппопольский Нифон (Антиохийский Патриархат), Бронницкий Тихон, Орехово-Зуевский Алексей, Киотоский Даниил.

Приходы в составе Сэндайской епархии:

г. Сэндай — Благовещения Пресвятой Богородицы;
г. Кусиро — Сошествия Святого Духа;
г. Саппоро — Преображения Господня;
г. Хакодате — Святого Воскресения Христова;
г. Мориока — Воздвижения Честного и Животворящего Креста;
г. Исиномаки — святого Апостола Иоанна Богослова;
г. Сирокава — Введения во храм Пресвятой Богородицы;
г. Наканиидэ — Крещения Господня;
г. Такасимицзу — Преображения Господня;
г. Санума — Преображения Господня;
г. Вакуя — святого Пророка Исаии;
г. Камиисо — Вознесения Господня;
г. Отару — Воскресения Христова;
г. Томакомаи — Рождества Христова;
г. Камимуса — Рождества Пресвятой Богородицы;
г. Сяри — Благовещения Пресвятой Богородицы;
г. Хокуроку — Благовещения Пресвятой Богородицы;
г. Осю — Рождества Христова;
г. Хатимантаи — Благовещения Пресвятой Богородицы;
г. Итиноэки — Успения Пресвятой Богородицы;
г. Кэсэниума — Воскресения Христова;
г. Курихара — молитвенный дом и церковь Святых Апостолов;
г. Офунато — Успения Божией Матери.

Русские архиереи были в Японии до Второй мировой войны, но затем в стране был принят закон, запрещающий, чтобы местные религиозные деноминации возглавляли иностранцы.

На протяжении всей истории православия в Японии большинство православных составляли коренные жители, поэтому РПЦ в 1970 г. приняла решение дать автономию ЯПЦ. Сейчас церковь в Японии управляется самостоятельно, хотя и поддерживает отношения с РПЦ. Русская церковь посеяла семена православия в Японии, но самое главное состоит в том, чтобы церковная жизнь была естественной и удобной для самой японской церкви. Поскольку не каждый иностранец готов овладеть японским языком и не каждый человек может постичь менталитет японцев, логично, чтобы этой церковью управляли сами японцы.

Рассмотрим вехи истории Японской автономной православной церкви.

В 1969 г., после нормализации церковно-канонических отношений с Московским Патриархатом, православная церковь в Америке, в юрисдикции которой после Второй мировой войны находилась Японская церковь, получила статус автокефальной. В связи с этим она должна была окончить окормление Японской православной церкви.

19 октября 1969 г. собрался очередной собор ЯПЦ, чтобы выдвинуть ряд кандидатов для епископской хиротонии. Были предложены двое — священник церкви в Кагосима Василий Нагасима и диакон Серафим Сиглист. Так началась подготовка к обретению автономии.

2 ноября 1969 г. состоялась хиротония Василия Нагасимы, нареченного при монашеском постриге Феодосием. Через несколько дней, 26 ноября, в соборе Николай-до состоялась трехсторонняя встреча представителей Московского Патриархата, православной церкви в Америке и Японской церкви. На этой встрече был обсужден вопрос об автономном статусе ЯПЦ.

2 апреля 1970 г. делегация ЯПЦ отправилась в Москву, где 10 апреля получила от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I Томос об автономии. Тогда же, 10 апреля, был причислен к лику святых владыка Николай, архиепископ Японский.

В результате обретения ЯПЦ статуса автономной образовались три епархии: Токийская архиепископия, епархия Западной Японии с центром в Киото и епархия Восточной Японии с центром в городе Сэндай. 22 марта 1972 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен благословил назначение епископа

Феодосия (Нагасимы) архиепископом Токийским, митрополитом всея Японии. Этим завершился процесс обретения ЯПЦ самостоятельности. Воскресенский собор (Николай-до) стал кафедральным собором ЯПЦ.

В 1973 г., в апреле, при семинарии, которая стала официально называться Токийской православной духовной семинарией, открылись подготовительные курсы для поступающих. Преподавательский совет Токийской семинарии, обновившей свою деятельность под руководством предстоятеля ЯПЦ митрополита Феодосия, состоял из японских протоиереев и иереев, получивших образование в американской Свято-Владимирской духовной семинарии, либо в той же Токийской. В семинарию принимаются лица, решившие посвятить себя служению ЯПЦ и, как правило, имеющие законченное высшее образование. С согласия преподавательского совета в семинарию могут быть приняты лица, окончившие только школу высшей ступени, т. е. двенадцатилетку, но в этом случае они должны получить университетское образование заочно.

Обучение в семинарии длится три года. Подготовительный курс (с апреля по июль) проходят все поступающие, независимо от полученного образования. В рамках подготовительного курса изучаются Ветхий Завет, Новый Завет, история церкви, православный катехизис, литургика, церковное пение. По окончании курса сдается экзамен по этим предметам, письменный и устный. Затем преподавательский совет, учитывая успеваемость, образ жизни, проявления характера, решает, подходит ли данный молодой человек для православного служения, и рекомендует его для дальнейшей учебы.

Семинаристы с отличными успехами, проявившие себя положительно, могут быть рекомендованы преподавательским советом для продолжения учебы в Греции, Америке или России. С ноября 1974 г. стал ежемесячно выходить печатный орган собора «Новости Николай-до».

Закрепление за Николай-до статуса кафедрального храма и образование Объединенного церковного совета привело к созданию Управления делами Токийской архиепископии и решению самой насущной проблемы — материального обеспечения священнослужителей: им было установлено определенное жалованье и представлено медицинское страхование.

Проповедь — главная задача ЯПЦ. Для решения ее в декабре 1974 г. митрополит Феодосий созвал в Воскресенском соборе конференцию священнослужителей, постановлением которой были образованы четыре комиссии: по изучению миссионерства, поместных православных церквей, догматов Церкви и комиссия по просвещению верующих.

Большим событием в жизни ЯПЦ явилось строительство в 1978 г. часовни в память апостола Японии Николая у южной стороны Николай-до.

Возобновилась установленная еще при владыке Николае практика открытого доступа в Воскресенский собор желающих осмотреть его. Со вторника по субботу с 13 до 16 часов дежурные специально назначенные сестры ведут ознакомительные экскурсии по храму.

Можно с уверенностью сказать, что в первое десятилетие автономии, с 1970 по 1980 г., японцам удалось создать поистине самостоятельную Церковь, выполняющую свое главное предназначение — проповедь православного учения.

К октябрю 1982 г., ко дню десятилетия служения митрополита Феодосия на посту главы Церкви, ЯПЦ достигла экономической независимости. В ней действует семинария по подготовке священников, издаются различные печатные материалы, активизировалась проповедническая деятельность, укреплялись связи с поместными церквями, по всей Японии строятся и освящаются храмы.

ЯПЦ существует на пожертвования своей паствы: каждая православная семья ежемесячно, а также по большим праздникам делает взнос на Церковь. По числу семей, ежемесячно делающих взносы, определяется количество прихожан.

Самостоятельную деноминацию в Японии представляет Подворье РПЦ. История подворья восходит к послевоенному времени, когда в 1946 г. группа священнослужителей и мирян, несогласная с подчинением православной церкви в Америке, отделилась от группы Николай-до и создала отдельную Истинную православную церковь, во главе которой встали епископ Николай Оно и протоиерей Антоний Такаи. В этой церкви верующих было совсем немного, однако ее гордостью было то, что она по-прежнему считала Русскую православную церковь своей Матерью-Церковью и хранила изначально установленные Правила Церкви

и Священное Наследие. 10 сентября 1957 г. Синод РПЦ на своем заседании официально признал эту Церковь истинной Японской православной церковью. Было также постановлено, что именно она является преемницей Японской православной церкви, основанной архиепископом Николаем.

Сначала молитвенное помещение этой церкви находилось на территории Николай-до (под него была переоборудована бывшая Русская школа), а впоследствии оно было переведено в отдельное здание в районе Синдзюку. Главой церкви стал протопресвитер Антоний Такаи. В 1965 г. он скончался в преклонном возрасте, и его преемником стал архиепископ (в то время священник) Николай Саяма, который 10 декабря 1967 г. в Ленинграде был рукоположен в епископа Токийского и Японского и объявлен третьим предстоятелем ЯПЦ.

В апреле 1970 г. группа Николай-до вернулась в юрисдикцию русской Матери-Церкви и начала свое существование в качестве Святой автономной японской православной церкви. К этому же времени состоялось полное примирение между двумя ветвями РПЦ.

В связи с этим по решению Священного Синода с апреля 1970 г. для ЯПЦ (Истинной) начался новый этап в ее деятельности, теперь уже в качестве подворья РПЦ. Епископ Николай Саяма был освобожден от обязанностей предстоятеля ЯПЦ и начальника Японской Миссии и назначен настоятелем Подворья.

22 мая 1979 г., в день Перенесения мощей св. Николая Чудотворца, Подворье было зарегистрировано в качестве религиозного юридического лица с изменением названия на подворье Русской православной церкви Московского Патриархата в Японии. С июля 1991 г. настоятель Подворья — протоиерей Николай Коцюбан. В настоящее время на Подворье служат один русский священник, один священник-японец и два диакона-японца.

Отношения между священниками Подворья и ЯПЦ — доброжелательные. В последнее время в Японию приезжают русские священники, которые служат в ЯПЦ. На Подворье больше ходят русские люди, живущие в Японии. Среди них эмигранты, прибывшие в страну после революции, российские дипломаты, русские ученые, работающие в японских университетах и т. д. В храмах ЯПЦ, конечно, больше японцев.

Приведем сведения о жизни японской православной церкви в первом и начале второго десятилетия XXI в.

В 2006 г. был освящен в честь равноапостольного Николая Японского монастырь ЯПЦ при Воскресенском соборе в Токио. Настоятелем монастыря стал иеромонах Троице-Сергиевой лавры Герасим (Шевцов).

11 января 2010 г. в городе Нагоя был освящен новый храм Богоявления Господня. История православия в Нагоя восходит к 1880-м годам. Прежний храм, построенный после Второй мировой войны, уже в течение десятков лет не мог вместить большую и дружную православную общину этого двухмиллионного города. В 1980-е годы прихожане начали собирать средства для возведения более просторного храма, а в 2006 г. приходу удалось приобрести подходящий участок земли. В течение двух лет приходский комитет занимался разработкой чертежа, обращая внимание на малейшие детали. Летом 2009 г. началось долгожданное строительство, и в июне 2009 г. был совершен чин закладки камня в основание храма. В октябре настоятель прихода священник Георгий Мацусима, вместе с членами приходского комитета, осмотрел уже полностью возведенные своды будущего храма и своды дома для собраний верующих. К середине ноября был завершен и купол, на вершину которого был установлен крест. Таким образом, новый православный храм в Нагое построили в рекордные сроки. Белоснежная церковь в стиле древнерусских храмов высотой 11 метров выросла посреди типичного для японской провинции спального квартала. Таких крупных храмов, как этот, в Японии немного, и его открытие стало большим событием. На освящение прибыло около 300 прихожан.

Настоятель храма в Нагое отец Георгий, в миру Юити Мацусима, перед освящением новой церкви перечитывал Евангелие в переводе Николая Японского. Дед о. Георгия тоже был православным священником. Во время войны церковь была разрушена, и отец Мацусимы хотел, чтобы его сын стал буддийским монахом, но Мацусима пошел по стопам деда.

Помощь приходу поступала от верующих разных храмов Японии и от друзей прихода, живущих за пределами Японского архипелага — в России, в Восточной Европе, в США, в Австралии. В Свято-Троицкой Сергиевой Лавре для нового храма была напи-

сана икона Московских святителей, а также изготовлены ламинированные иконы храмового праздника — Богоявления. С ноября 2009 г. в «Вестнике Церкви» Нагоя началась публикация специальной полосы о литургических особенностях чина освящения храма.

В феврале 2011 г. в храме Нагоя состоялся семинар, на котором историк архитектуры Михаил Икэда прочитал лекцию «Храм Воскресения Христова в Токио и русская архитектура XIX века». К семинару была приурочены фотовыставка «Храмы русской православной церкви», организованная автором сайта «Храмы России» Юрием Ивановым.

В городе Фукуока с полуторамиллионным населением на северо-западе острова Кюсю в течение нескольких лет образовалась православная община. Для совершения богослужения несколько раз в год арендуется зал в одной из гостиниц. Общину окормляет благочинный Кюсю иерей Павел Оикава. После богослужения проходят встречи в рамках учебных семинаров Западнояпонской епархии. На Пасху 2009 г. с лекцией «Православный храм и православные иконы» в Фукуока выступал настоятель Тоёхаси иерей Исая Сакаи. Регент хора Нагоя матушка Мария Мацусима регулярно рассказывает прихожанам Фукуока о церковном пении.

В 2007 г. один из новых прихожан — Стефан Нисимура подарил благочинию Кюсю участок земли близ аэропорта Фукуока. Здесь к весне 2011 г. было задумано возвести небольшой храм. Подготовка к строительству началась с весны 2008 г. В июне–июле 2009 г. план по возведению храма был одобрен на заседаниях строительного комитета города. 8 августа 2009 г. был совершен чин освящения участка, а 19 августа — молебен перед началом строительства в сентябре того же года. Оно было завершено в конце года, как и в Нагоя.

В декабре 2010 г. завершилось строительство храма в приходе Тооно (Восточнояпонская епархия) Здесь 14 декабря епископ Сэндайский Серафим Цудзиэ, секретарь консистории священник Марк Коикэ, благочинный священник Михаил Таинака и множество верующих отслужили благодарственный молебен в связи с завершением строительства храма.

В преддверии 100-летия со дня преставления святого Николая Японского в 2012 г. в стране прошла череда юбилейных торжеств. В 2010 г. отмечалось 40-летие со дня его прославления.

К этому событию был приурочен семинар и выставка в Осака (Западнояпонская епархия). В 2011 г. праздновалось 150-летие со дня прибытия юного иеромонаха Николая (Касаткина) в Хакодатэ. В связи с этим ежегодный Собор клира и мирян ЯПЦ в июле 2011 г. состоялся в Хакодатэ, хотя обычно он проходит в Токио. На таких соборах заслушивают доклады о проделанной за истекший год работе, финансовые отчеты, принимаются планы мероприятий на будущий год. До этого, в декабре 2010 г. предстоятель Восточнояпонской епархии епископ Сэндайский Серафим Цудзиэ посетил храм Хакодатэ (благочинный — священник Николай Дмитриев). Симпозиумы под общей темой «Сокровища, оставленные нам святым Николаем» проводились в 2010 г. в Западной Японии, в 2011 г. — на Востоке, в 2012 г. — в Токио. Были предприняты новые публикации, посвященные святому равноапостольному Николаю.

В марте 2011 г. на территорию Восточнояпонской епархии пришелся основной удар цунами, вызванного сильнейшим землетрясением. Среди жертв цунами были и православные прихожане. Были разрушены и пострадали небольшие приходские храмы в Ямада, Санума, Каннари, Такасимидзу, но Благовещенский собор в Сэндай и епархиальные здания не получили серьезных повреждений. Японская, русская и другие православные церкви проводили сбор средств в помощь пострадавшим.

SUMMARIES

MEMORABLES

M. S. Pelevin. Mikhail Nikolaevitch Bogoljubov

Professor M. N. Bogoljubov (1918–2010), Member of the Russian Academy of Sciences, is known as an eminent specialist in the field of history and comparative study of Iranian languages — Old Persian, Avestan, Middle Persian, Khwarezmian, New Persian, Pashto and, especially, Sogdian and its modern descendant Jahnobi. His numerous papers, whether published or orally presented, well confirm his reputation as a master of original interpretation of linguistic puzzles in ancient Iranian writings. His assiduous engagement in Iranian Studies was combined with much administrative activity. Thirty five years he successfully accomplished duties of the Dean of the Faculty of Oriental Studies, the University of Saint Petersburg. His persistent and highly creative professional work, aimed at the maintenance of classic academic traditions in comparative philology, which should be regarded as a true foundation for manifold branches within Afro-Asian studies, his organisational competence, his manner of teaching students urging them to develop skills of individual research, as well as his general outlook remain a model for his younger colleagues.

A. A. Dolinina. V. A. Krachkovskaya's papers in the Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

The article addresses the poorly known materials on the life and the scholarly activity of Professor Vera Krachkovskaya (1884–1974). She was a specialist on Arabic palaeography and epigraphy, lectured on the art and the material culture of Near East, has edited several books on epigraphy and was a great help to her man Ignatii Krachkovsky, the renown Arabist. Her archive papers are attached to his legacy stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Saint Petersburg Branch. Of special interest are her unpublished memoirs about Krachkovsky.

LINGUISTICS, PHILOLOGY

O. M. Tchunakova. Concerning the interpretation of a Pahlavi prescriptive passage

Two corrections are offered for translating the Pahlavi manuscript K 20 of prescriptive character (handarz). The first correction is for the preposition *az pas* 'following; after' and the second for the word *hamraw* < *hama* + *raw* 'whole; mature'.

J. Giunashvili, H. Giunashvili. Some notes about the dialect of the Fereidanian Georgians

About 45–50 thousand speakers of the Georgian language reside in Iran to the west and south-west of Isfahan in the Fereidunshahr and Fereidan shahrestans. Their ancestors were deported in the first quarter of the 17th century from the Kakheti (eastern Georgia). The generally used ethnonym of this population is the *Fereidadians*.

Notwithstanding such a long exposure to an alien language environment, the Fereidadians have preserved their own language, geographical nomenclature and some customs. There were several causes of this: *a)* the domiciles of this population, situated in a mountain zone, which is hard to access and has a long winter period, formed “backwoods” and until the 1950s were practically free from the intensive influence of modern cultural, scientific and technological processes, *b)* as a rule Fereidadians women did not leave their parental homes and native village, leading a modest life of everyday work; hence they had a better and more fluent command of the Georgian language, and their children naturally began to speak the native language, *c)* the fairly developed and cultured Georgian language, being phonologically and grammatically absolutely different from Persian, inspired the Fereidadians with a sense of patriotism linked to the idea of the nation.

The morphology of the Fereidanian dialect is basically free from contamination, and it is safe to say that this dialect has to the present day preserved fidelity to its historical tradition. What is interesting from the point of view of semantic interference, is, for example, the expansion of the meaning of the word *kitkhva* which in Georgian denotes ‘reading’ and ‘asking’. Under the influence of Persian *khāndan* ‘to read’ and ‘to sing’, *kitkhva* has acquired the additional connotation of “to sing”.

In the current social and cultural conditions of Iran, the mastery of Persian is naturally acquiring importance for a Fereidanian’s ascendance on the social ladder. Under the circumstances, a Fereidanian tries not only to simply learn Persian but to master the language well. This is an important factor of the dominance of Persian over Georgian, a factor, that was almost non-existent in the past when the Fereidadians led a semifeudal, secluded peasant life.

Under favourable social and cultural conditions of the Islamic Republic the Fereidadians have possibility to publish such books, as, for instance, Imamqoli Bātavāni, *Geography of Georgia* (a reader), 1997; Nouruz Lāchināni, *Georgian-Persian Dictionary*, 2007; Sa’id Muliāni, *Self-instruction guide of the Georgian Language*, 2009.

A. P. Vydrin. Verb in Ossetic

Although there are several monographs on Ossetic (Eastern Iranian) grammar, their theoretical approaches are not in line with contemporary linguistic theory. Concerning the Ossetic verb, the morphology and the etymology were

dealt with, rather than the semantics or syntax; there are also some gaps in Ossetic verbal categories, e.g. numerous Ossetic verbal constructions are not even mentioned in the standard grammars. As a result, Ossetic data are usually missing or misrepresented in typological studies.

The present article, relying on new developments in functional linguistic theory and incorporating the results of the latest typological achievements on verb and its categories, offers a new description of the main categories of the Ossetic verb. The key aims of the article are to fill the gaps discovered in Ossetic standard grammars, to offer a description of the data available in standard grammars based on the current terminology of functional linguistic theory and to give the bibliography on different aspects of the Ossetic verb useful for a more detailed study.

The present description is based on the Ossetic National Corpus (www.corpus.ossetic-studies.org/en about 5 million wordforms) and Ossetic oral texts (<http://ossetic-studies.org/en/texts> about 50000 wordforms).

Irene Kwong Lay Yoe. Indonesian verbs of motion: their valency, patterns of government, derivational connections

The article contains a description of Indonesian intransitive and transitive verbs of motion, their morphology (root verbs and verbs with different affixes), the affixation in connection with the semantics of the root, the verbal semantic and syntactic valency (obligatory and optional), the use of prepositions in connection with the meanings of the orientation in space, the manner of motion, with certain semantic features of the objects (human / non-human), the government of monovalent, bivalent and trivalent (bitransitive) verbs.

T. N. Kudoyarova. Some specific traits of word clipping in Japanese

An analysis is offered of word clippings (*ryakugo*), which represent, according to the informants, the most productive method of word-formation in modern Japanese. Wide use of clippings is stimulated by common tendency for language economy and, on the other hand, for informal manner of speech in some social groups. Both original Sino-Japanese and loan-words are concerned. Names of organizations sometimes as long as 25 moras are usually abbreviated to 3 moras only. The textual material from popular magazines displays usage of various patterns of *ryakugo*, such as the omission of syllables at the beginning, the middle or the end of a word, the omission of the whole second component in compounds, acronyms etc. Special topics provoke the preponderance of *ryakugo* pertaining to professional terminology. Examination of three texts separated by decades (1986, 1996 and 2006) shows the quantitative expansion of *ryakugo* and the growing diversification of their patterns. The parallel use of full and short forms of some lexemes is attested, meanwhile some of *ryakugo* deviate in their meaning in

comparison to the full form. Word counts on several thousands of lexical units and proportions of various kinds of *ryakugo* are presented.

A. K. Ogloblin. To the history of relationship of Javanese verb forms and the meaning of self-urging

The passive voice in Modern Javanese has two forms according to the person of the Agent. The pronominal denotation of the Agent of 1st or the 2nd person is obligatory. The 1st person pronominal proclitic *dak=* (or *tak=*) used to this end is the result of a reanalysis of the Old Javanese modal particle *nda* combined with the 1st person enclitic *=k* marking the syntactic dependency of the following verb (and having enclitic counterparts for the 2nd and the 3rd person), their combination marking the meaning 'I will; let me...' (the meaning of the propositive mood). This article pursues the formation of the Modern Javanese verbal constructions, both propositive and indicative, developing from Old Javanese through the transitional Middle Javanese stage. This process shows specific alternations between modality, deixis and anaphora in the history of the Javanese verb.

HISTORY AND CULTURE

A. P. Grigoriev. Illuminated compiled chronographs in medieval Russia and Iran: Genghisides' genealogies in Persian and Turkic languages manuscripts

The notion of illuminated compiled chronograph with the function of legitimizing the ruling dynasty was introduced in Russian historiography and has been thoroughly developed in documentation and research, but till now has no equivalent in the study of Iranian manuscripts. The main part of this article addresses the process of formation of compiled genealogy of Genghiside dynasty in Iran in early 14th century and its rewriting in the first quarter of the 15th century for the sake of Timuride dynasty. The detailed analysis is based on the comparison of several manuscripts in the Persian and East-Turkic languages containing schematic lines of genealogical relationships with miniature portraits of Mongol and Turko-Mongol rulers and their families.

Z. H. Denisultanova. Tower building culture of the Vaynakhs in Chechen and Ingush mountain area

This article offers a detailed description of the traditional tower architecture of the Vaynakh (comprising closely cognate Chechen and Ingush) population in the mountains of the Caucasus, being divided into three main tower types: a) dwelling type, b) semi-combat type, c) combat type. The tower architectural school, along with concomitant ways of life and ritual traditions may have been arisen about the 12th century and flourished till the 18th century due to dangerous situation with the lasting wars in the area. The Vainach tower culture is very much like that of the

Swan, an ethnic group of the Georgians, however the author prefers to underline its originality, besides a high artistic quality of its best specimens.

O. O. Ozharovskaya. The rise of Jadidism movement in Russia and the emergence of the new drama and theatre in Uzbekistan early in the 20th century

The movement of Jadidism (from the Arabic al-ğadi:d 'the new method') was rising in 1880–1920-ies with a view of modernizing the Islamic culture and society in Muslim regions of the Russian Empire (the Crimea, the Volga and the Urals area, the Caucasus, Central Asia). Besides the organization of new schools, the publication of books, journals and newspapers, the formation of political parties, in Uzbekistan this movement gave rise to the national drama with the first public performance in Samarkand, 1914. A synopsis of the first Uzbek drama *Patricide* is offered.

A. D. Bertova. Christian movements of the local provenance in modern Japan

Locally designed Christian movements in Japan are autonomous and independent from foreign denominations and churches in their funding, administration and preaching. The article contains characteristics of six such movements founded by Japanese religious thinkers and kharismatic leaders. There exists an obvious influence of traditional Sintoist and Buddhist conceptions and rituals in their religious practice, and their main doctrines are ostensibly eclectic, sometimes combining contradictory components from different tenets.

S. Yu. Vradiy. China's influence on public thinking in Japan on the eve of Meiji reforms

It was the same time for China and Japan to experience the severe pressure from the Western powers who used military force trying to thrust on them the new order of international economic and diplomatic relations. As an aftermath of opium wars China was exposed to the threat of becoming a semi-colony of Western powers. The similar prospect was set up for Japan. This article provides an analysis of ideas propounded by progressive Chinese authors in 1840–60-ies describing the countries of the overseas and their achievements in science and technology as well as the reception of such ideas and descriptions by Japanese publicists and political figures. Chinese writings were influential on the eve and at the beginning stage of Meiji reforms in Japan, demonstrating on China's own example the potential danger for the future.

L. V. Zenina. Orthodox Christian denomination in Japan

This article contains information about the history, organic structure, activities and eminent personalities of the Japanese Autonomous Orthodox Church.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
Memorables	
<i>М. С. Пелевин</i> . Михаил Николаевич Боголюбов	4
<i>А. А. Долинина</i> . Материалы В. А. Крачковской в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	10
Филология	
<i>О. М. Чунакова</i> . К интерпретации одного пехлевийского наставления.....	16
<i>Дж. Ш. Гиунашвили, Е. Дж. Гиунашвили</i> . Заметки о говоре ферейданских грузин.....	20
<i>А. П. Выдрин</i> . Глагол в осетинском языке	25
<i>Ирене Квонг Лай Ю</i> . Индонезийские глаголы движения: валентность, модели управления, деривационные связи	82
<i>Т. Н. Кудоярова</i> . Некоторые особенности аббревиации в современном японском языке	119
<i>А. К. Оглоблин</i> . Семантика самопобуждения в истории яванского глагола .	130
<i>А. П. Григорьев</i> . Летописные лицевые своды в средневековых государственных образованиях России и Ирана: чингисидские родословия на персидском и тюркском языках	145
История и культура	
<i>З. Х. Денисултанова</i> . Башенная культура зодчества вайнахов горной Чечни и горной Ингушетии	174
<i>О. О. Ожаровская</i> . Возникновение джадидизма в России и зарождение новых драматургии и театра в Узбекистане начала XX века	186
<i>А. Д. Бертова</i> . Христианские движения местного происхождения в современной Японии.....	194
<i>С. Ю. Врядий</i> . Влияние Китая на общественную мысль Японии накануне реформации Мэйдзи	219
Приложение	
<i>Л. В. Зенина</i> . Православная церковь в современной Японии	248
Summaries	261

Научное издание

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ Историко-филологические исследования

Межвузовский сборник статей
Вып. 30 (заключительный)

Памяти акад. М. Н. Боголюбова

Отв. ред. А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин

Редактор М. П. Соболева
Компьютерная верстка А. М. Вейшторт

Подписано в печать 23.09.2014. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,6 + 0,06 вкл. Тираж 100 экз. Заказ № 137

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.
Тел./факс (812)328-44-22
E-mail: info@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.